

РЕАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

Турмуд Хейер

НОРВЕГИЯ МЕЖДУ США И РОССИЕЙ

Вардё

НОРВЕГИЯ

Вадсё

РОССИЯ

Турмуд Хейер
НОРВЕГИЯ
МЕЖДУ США
И РОССИЕЙ

ИНСТИТУТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

Турмуд Хейер
НОРВЕГИЯ
МЕЖДУ США
И РОССИЕЙ

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва

2020

УДК 327
ББК 66.4(4Нор)
Х 35

Tormod Heier
Et farligere Norge?
Fagbokforlaget Vigmostad & Bjørke AS, 2019

Научный консультант генерал-майор Леонид Алексеевич Макаров, в 1975–1977 годах — член делегации по делимитации советско-норвежской границы в Баренцевом море, в 1976–1984 годах — советник посольства в Норвегии.

Издатели благодарят Владимира Пыстина и бренд Водка Organika за спонсорство издания на русском языке.

Хейер, Турмуд

Х 35 Норвегия между США и Россией / Пер. с норв. А. С. Евсеевой, предисловие В. Ю. Крашенинниковой. — М.: Издательство «Кучково поле», 2020. — 272 с. — (Серия «Реальная политика»)

ISBN 978-5-907171-27-5

Норвегия, член-основатель НАТО, на протяжении всей «холодной войны» поддерживала сложный баланс: верное союзничество с США сопровождалось добрососедскими отношениями с Советским Союзом, хотя инциденты случались регулярно. За последние десятилетия от «базовой политики» не осталось и следа: Норвегия теперь включена в интегрированную систему американских стратегических интересов на Севере Европы и в Арктике. Автор, аналитик и профессор Академии вооружённых сил Норвегии, оценивает такое положение как более опасное для собственных жителей, для соседней России и даже для США. При этом норвежские власти, несмотря на заявленную «гласность», не допускают обсуждения военной политики в обществе. Какова цена позиции «хорошего союзника» США в НАТО? Можно ли достигнуть баланса в отношениях с Америкой и Россией?

Книга предназначена для специалистов в области военного и стратегического планирования, политологии и международной политики, а также для широкого круга читателей.

УДК 327
ББК 66.4(4Нор)

Русский перевод книги публикуется согласно договору с норвежским издательством Fagbokforlaget Vigmostad & Bjørke AS

ISBN 978-5-907171-27-5

- © Fagbokforlaget Vigmostad & Bjørke AS, 2019
- © АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», издание на русском языке, название серии, 2020
- © ООО Издательство «Кучково поле», оригинал-макет, художественное оформление, 2020

Предисловие к российскому изданию

Книга «Норвегия между США и Россией», вышедшая в 2019 году, в Норвегии вызвала резонанс. Её автор Турмуд Хейер — подполковник, профессор Академии вооружённых сил Норвегии — задался вопросами, которые, вероятно, возникают у многих его сограждан, но не становятся предметом широкой дискуссии ни в военных, ни в политических, ни в общественных кругах.

У Турмуда Хейера есть все компетенции для авторитетного обсуждения вопросов безопасности и военной политики Норвегии. Он работал в военной разведке, прошёл Афганистан, защитил докторскую диссертацию по политическим наукам в 2006 году. Автор — преданный защитник интересов Норвегии. При этом он человек мыслящий и приверженный свободе совести и слова, важнейшим ценностям демократического мира. Его книга — честный анализ официальной норвежской политики верного своей стране офицера.

История российско-норвежских отношений состоит из реалий «холодной войны». Норвегия — один из членов-основателей НАТО с 1949 года и преданный союзник Соединённых Штатов Америки. Однако с заявленным главным противником альянса Норвегия имеет 180-километровую границу, и в 1944–1945 годы именно Красная армия освободила северную провинцию Финнмарк. На протяжении всего периода «холодной войны» власти Норвегии поддерживали деликатный баланс: с одной стороны, верное союзничество с США в рамках НАТО, с другой — добрососедские отношения с Советским Союзом. Важнейшей частью официальной политики был запрет на размещение иностранных военных баз и ядерного оружия на норвежской территории.

Так называемая «базовая политика» Норвегии, которую последовательно вели социал-демократические правительства страны, способствовала относительной стабильности в северных районах во время «холодной войны». Хотя инциденты случались регулярно. Самолёты-разведчики U2 на службе ЦРУ использовали военную авиабазу Будё в Северной Норвегии — именно она была конечным пунктом разведывательного полёта американца Фрэнсиса Пауэрса, чей самолёт был сбит советской ракетой в 1961 году. Военные корабли США регулярно заходили в норвежские порты (вероятно, с ядерными вооружениями на борту). Для разжигания антисоветских настроений в Скандинавии американские ведомства в 1970–1980-е годы организовывали провокации, в результате которых советские подводные лодки обвинялись в нарушении норвежских и шведских территориальных вод.

Внешняя политика Осло по отношению к Советскому Союзу начала заметно меняться в середине 1980-х годов. После разрушения СССР в 1991 году баланс в военной политике Норвегии продолжил крен: страна постепенно отказывалась от баланса между позицией лояльного союзника США и доброго соседа России в пользу активного союзничества с Вашингтоном напрямую и в рамках НАТО.

Этот крен стал особенно очевиден в последние 10–15 лет, начиная с так называемого зелёно-красного кабинета Йенса Столтенберга (в настоящее время генерального секретаря НАТО) в 2005 году и до сегодняшнего консервативного правительства Эрны Сульберг. Автор задаётся вопросом, что осталось от традиционной «базовой политики».

Если смотреть из Москвы, не осталось ничего. Ориентация Норвегии на США и НАТО на протяжении последних 30 лет дала ожидаемый результат: почти полную интеграцию норвежского государства в агрессивную военную стратегию США в Северной Европе и Арктике. Отвечает ли эта ориентация интересам США, Норвегии и её соседей?

Турмуд Хейер оценивает сегодняшнее положение Норвегии как более опасное, чем во времена «холодной войны». Более опасной Норвегия стала для соседней России, для собственных жителей и даже, как это ни парадоксально, для США. По мнению Хейера, Норвегия оказалась в положении, когда её зависимость от американских военных приоритетов не даёт ей больше безопасности по отношению к России.

Автор приводит конкретные примеры. В Северной Норвегии вблизи российской границы, несмотря на официальные заявления, в «режиме ротации» постоянно дислоцируются морские пехотинцы США. В 30 км от Мурманска появилась радиолокационная разведывательная станция, оснащённая новейшим оборудованием и финансируемая США. Силы специальных операций Норвегии активно участвуют в операциях НАТО в Афганистане, Ливии, Сирии, Мали — очень далеко от интересов национальной обороны на севере Европы и совсем далеко от исходного смысла альянса, который, напомним, называется Североатлантическим.

В последние годы Арктика приобретает всё большее значение и привлекает внимание стран не только арктических. Гонка за ресурсами в этом регионе будет с годами лишь нарастать. Одновременно США и главные страны НАТО рассматривают Арктический регион в качестве своего оперативного театра военных действий, что неминуемо приведёт к повышению напряжённости в нём.

Заслуга Турмуда Хейера перед норвежским обществом велика. Впервые за последние десятилетия он выносит на обсуждение центральный вопрос политики безопасности: как расширенное военное партнёрство с США можно совместить с добрососедскими отношениями с Россией?

В России выход перевода этой книги — крупное событие для экспертов по вопросам политики и безопасности в Северной Европе и в Арктике. Книга позволит узнать о внутренних мнениях, об эволюции отношений Норвегии и США, о логике принятия решений внутри НАТО и о других важных процессах.

*Вероника Крашенинникова,
генеральный директор
Института внешнеполитических
исследований и инициатив*

Введение

В проводимой правительством Норвегии политике в области обороны и безопасности много странностей. Их также много и в оборонной стратегии в том виде, в котором её осуществляет норвежское Командование вооружённых сил. Но самое странное заключается в том, что у норвежского руководства полностью отсутствует критическое отношение к своей деятельности. Несмотря на то что США, Норвегия и другие члены НАТО терпят неудачи в большем количестве военных кампаний, чем одерживают победы — в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии, — это всегда сопровождается гробовым молчанием общества. Почему так происходит? Это только мне непонятно, или многие тоже задаются этим вопросом? Или же ситуация везде — в Кабуле, Анбаре, Триполи или в Баренцевом море — действительно настолько великолепна, что нет причин для озабоченности или вопросов? Неужели мы, как государство, как нация, как гражданское общество, не можем извлечь никакого урока из имеющейся у нас запутанной политической ситуации? Неужели нет ничего, что мы могли бы почерпнуть из света знаний прошлого опыта? С единственной целью: в следующий раз сделать более разумный выбор.

Конечно, это — риторический вопрос. Я решил написать эту книгу как своего рода обобщение десяти лет исследований вопроса об использовании вооружённых сил Норвегией и союзников в своей стране и за рубежом. Но здесь важно подчеркнуть один аспект: на эти вопросы нет заведомо верного ответа. Практически невозможно сказать, что правильно, а что нет. Таким образом, мой анализ, возможно, будет не лучше тех, что уже были сделаны норвежскими

Министерствами обороны и иностранных дел, Разведывательной службой, Генеральным штабом или канцелярией премьер-министра. Но не это главное. Цель настоящей книги — показать, что существует значительно больше способов понимания того, что происходит вокруг нас. Несмотря на то что мы, вероятно, во многом не согласны друг с другом, мы должны, по крайней мере, согласиться с одним: чем больше у нас знаний по этим вопросам, тем проще нам будет понять последствия наших действий в этой области. Так как использование военной силы всегда приводит к непредвиденным последствиям, разумный выбор решений всегда будет необходим при наличии различных точек зрения и противоречивых интересов. Ведь разумные решения не принимаются исходя только из того, что является политкорректным. И не только исходя из того, что будет правильно сказано на совещании высокого начальства. Умные решения принимаются исходя из норвежских интересов, из баланса между США на западе и Россией на востоке. Поэтому, принимая решения, очень полезно помнить слова главнокомандующего американскими войсками во Вьетнаме в 1964—1968 годах четырехзвездного генерала Уильяма Уэстморленда: «Люди, занимающие руководящие посты, любят хорошие новости. Политики или лидеры стран склонны стрелять в гонца, приносящего плохие новости». Поэтому во время работы над своим проектом я с большим удовольствием напевал немецкую народную песню «Нет мыслям преград»¹. Эти слова вспоминались мне особенно часто во время прогулок с моим стареньким английским сеттером в Лилломарке, недалеко от жилого района Кьельсос в Осло:

*Нет мыслям преград,
Они словно птицы
Над миром летят,
Минуя границы.
Ловец не поймает,
Мудрец не узнает,
Будь он хоть Сократ:
Нет мыслям преград!*

¹ Перевод текста песни на норвежский язык Альфа Краннера; ниже помещён вольный русский перевод Даниэля Когана. — *Примеч. перев.*

*Я мыслю о том,
Что мне интересно,
О том, что кругом
И мне неизвестно.
Невидное глазом
Постигнет мой разум,
Не зря говорят:
Нет мыслям преград!*

*Меня не запрут
Подвальные своды,
Напраснейший труд —
Мне вдоволь свободы.
Ведь мысли — что бомбы,
Засовы и пломбы
Срывают подряд:
Нет мыслям преград!*

Так почему бы не последовать примеру Альфа Краннера в оригинальном аналитическом приёме? Почему бы не попробовать посмотреть на нас самих извне? Возможно, это именно мы сами в Норвегии представляем опасность, а не президент Путин и Россия? Или мы опаснее для США, нашего главного союзника? Или и того хуже — может быть, мы на самом деле представляем бóльшую опасность для самих себя? Это — еретические мысли. Но в то же время в каждом вопросе есть много аспектов. По крайней мере, их больше, чем тех, которые преподносятся обществу политиками и постоянно растущим числом специалистов по связи с общественностью в системе государственной администрации. Таким образом, почему бы не поставить под вопрос сам способ, которым мы, как «посредники, меценаты и моралисты», как «мирная нация» или как «хороший союзник», распоряжаемся от имени общества, которое купается в «молоке и мёде», самыми радикальными, насильственными и спорными имеющимися в распоряжении государства средствами принуждения. Это самое общество в глубине души задаётся вопросом, стоит ли бесконечно поддерживать союзников, которые сами должны нести ответственность за провоцирование многих войн, в которые нас вовлекают и которые оказали огромное влияние на 2000-е годы. И всё это только для того, чтобы избежать нашего

главного кошмара: закрыть вопрос с кризисом с Россией, который абсолютно точно будет очень серьёзным для Норвегии и, возможно (не дай бог), совершенно незначительным для США.

Главный страх — оказаться в западне один на один с Россией — облегчает постановку интересных проблем. Это прежде всего касается тех тем, о которых правительство на протяжении десятилетий мало что говорило. Примером тому является балансирование между гласностью и секретностью. Другим примером может быть использование специальных сил Разведывательной службы и Министерства обороны. Ещё одним примером может служить постоянный перерасход норвежских сил в операциях за рубежом. И это, без сомнения, происходило за счёт национальной самоуверенности, которая была крайне необходима норвежским властям при выстраивании отношений с Россией, но которой у них больше не осталось. Тем самым становится нелегко одновременно жонглировать двумя шарами: «быть хорошим союзником» США и одновременно — «хорошим соседом» России. К сожалению, выбор заключается в «или — или» вместо «и — и». Таким образом, безопасность, особенно для малой страны, которая всегда стремилась к исключительно коллективным решениям в вопросах сотрудничества, становится исключительным благом только для себя вместо блага всеобщего. Но со временем никто не потеряет на этом больше, чем само малое государство.

Изложенные в этой книге мысли принадлежат мне, но эта книга — не моноспектакль одного человека. Хочу выразить свою благодарность следующим организациям: Военной академии Министерства обороны за стажировку в Пембрук-колледже Оксфордского университета. В таком окружении можно действительно сказать «нет мыслям преград». Также благодарю Институт военного управления и операций (IMLO) при Военной академии Министерства обороны за то, что освободили меня от чрезмерно большой работы: встреч, административной работы, проверок и написания рапортов. И спасибо фонду *Fritt Ord*¹ за помощь в издании; здесь я нашел вдохновение в балансе между гласностью и секретностью и поэтому написал об этом гораздо больше, чем планировал. И также выражаю особую благодарность добрым коллегам из Военного исследовательского

¹ *Fritt Ord* (норв. «Свободное слово») — норвежский частный фонд, оказывающий поддержку мероприятиям, направленным на защиту свободы слова и свободы прессы. — *Примеч. ред.*

института, Военной академии и Института военного управления и операций. Ценный вклад был сделан Ворин Альме, Ойвиндом Бергстрёмом, Туром Петтером Экроллом, Андерсом Шёльбергом, Асбьёрном Люсгордом, Филипом Матлари и Стейнаром Торсетом. В завершение я хочу сказать большое спасибо издательству и его сотрудникам Дороте Клинкош и Лауре Вальковиак. И не меньшее спасибо Хильде Крисстоферсен — моему замечательному редактору, с которой мы работаем в течение многих лет.

Турмуд Хейер

Осло 23 мая 2019

Глава 1

ХОРОШИЙ СОЮЗНИК

В этой книге рассматривается бесконечная дилемма, по которой нет ясности. Над этой проблемой люди ломали головы во все времена, особенно в малых странах, имеющих общую границу с большими государствами, которым они не доверяют. Дилемма заключается в следующем: насколько далеко может зайти малое государство в союзнических обязательствах перед другими странами, прежде чем это спровоцирует, обеспокоит или возмутит соседа так, что последует ответная реакция? И не потому, что соседнее государство посчитает это угрозой для себя со стороны малой страны, а в силу того, что малая страна станет плацдармом для военной активности более крупного и сильного государства и тем самым создаст вызов безопасности соседней стране. Таким образом, возникает классическая дилемма безопасности, накладывающая отпечаток на вооружение и сокращающая стратегическое время обнаружения угрозы по обеим сторонам границы. Парадокс заключается в том, что все стороны в итоге получают не укрепление безопасности, а ее ослабление, — просто-напросто потому, что все соседи окажутся под угрозой милитаризации (Herz 1950; Snyder 1984).

Большая насыщенность вооружениями автоматически обеспечивает большую безопасность. Признание этого факта стало особенно важно не только для Норвегии, но и для всех североевропейских стран в свете российской аннексии Крыма в 2014 году¹. Насколько

¹ Автор использует получивший широкое распространение в СМИ западных стран термин «аннексия» по отношению к воссоединению Крыма с Россией. — *Примеч. ред.*

далеко могут зайти Норвегия, Швеция и Финляндия в развитии военного сотрудничества с США на двусторонней основе или в сотрудничестве с НАТО прежде, чем Россия предпримет ответные шаги? Ведь Россия не боится малых северных государств, у которых едва ли остались внушительные вооружённые силы после сокращений 1990-х и 2000-х годов. Россия опасается, что малые государства на севере станут «трамплином» для направленных против неё американских операций. Это важная тема для каждого из нас. Ведь сейчас мы живём в регионе, который характеризуется сохраняющимся соперничеством великих держав: США на западе и Россией на востоке. Одним из важнейших средств воздействия в этом соперничестве являются вооружённые силы.

Название книги «Стала ли Норвегия более опасной?»¹ подразумевает знак вопроса. Причина в том, что сложно с уверенностью утверждать: Норвегия стала более опасной. Ставя знак вопроса, мы открываем путь к размышлению, вместо того чтобы просто констатировать, что именно так и есть! Но что подразумевается под словами «более опасная»? Увеличили ли опасность норвежские власти и военная стратегия, лежащая в основе обороны Северной Норвегии? Или Норвегия стала более опасным местом для жизни из-за того, что вооружённые силы США разместили в стране свои военные базы? Или же Норвегия стала более опасной, потому что Россия проводит подготовку к войне близ норвежской границы на севере, включая, ко всему прочему, отработку нападений на объекты обороны и запуски управляемых ракет всё ближе к границе территориальных вод в южных районах Норвежского моря? Или Норвегия стала более опасным местом, потому что в общество всё более широко внедряются цифровые системы, делая его более уязвимым? Что-либо подобное может стать золотым дном для тех, кто захочет повлиять на норвежские власти через внушение страха населению. Именно эти вопросы затронуты в книге. И ответ на эти вопросы скорее склоняется к «да». Норвегия, похоже, оказалась вовлечена в порочный круг взаимного наращивания вооружений и подъёма уровня боеготовности США на западе и России на востоке. В такие периоды, как в упомянутом в этой книге периоде с 2008 года, когда норвежские власти стали усиленно проводить стратегию сдерживания

¹ «Стала ли Норвегия более опасной?» — дословный перевод названия книги с норвежского языка.

вания в отношении России (Forsvarsdepartementet 2008) — каждая страна становится «ближе сама к себе». Тем самым межгосударственная безопасность больше не выглядит как общее неделимое благо. Она, скорее, начинает казаться исключительным благом, когда собственная безопасность достигается за счёт безопасности других. Такое понимание безопасности — относительное и основанное на конкуренции — ведёт к тому, что норвежские власти сами рискуют создать *более опасную Норвегию*.

Однако такие предположения спорны. Ведь Норвегия является всё-таки одной из самых мирных стран на Земле, а норвежские правительства из поколения в поколение усердно работали над лоскутным одеялом, сотканным из взаимовыгодных межгосударственных отношений, конвенций и трактатов. Все эти коллективные договорённости обязывающими и необязывающими способами связывают малые и большие государства в предсказуемых и прозрачных формах сотрудничества. В общих решениях между странами-соседями норвежский вклад даже сделал Северную Европу одним из самых стабильных и обеспеченных регионов, несущих в себе отпечаток «зрелой анархии», где присущая настороженность, всегда существующая между государствами, стала невероятно мала (Gordeeva 2006). В Норвегии общество также удовлетворено социальным контрактом, в рамках которого доверие между гражданином и государством сильнее, чем в большинстве других стран. Поэтому признание того, что *Норвегия* стала *более опасной*, кажется неуместным для властей, купающихся в лучах таких международных штампов, как «мирная нация», «гуманитарная держава» и «хороший союзник».

Вопрос, поднятый в этой книге, сводится к тому, насколько обоснован ярлык «хороший союзник». Понятие «быть хорошим союзником» равнозначно большей безопасности для государства и большей надёжности для населения? Или понятие «быть хорошим союзником» включает в себя также и недостатки, которые на самом деле приводят к противоположному результату? То есть к ослаблению, а не к укреплению безопасности, так как «быть хорошим союзником» США плохо сочетается со статусом «быть хорошим соседом» России. То, с чего мы начали эту книгу: искусство государственных деятелей состоит в том, чтобы обеспечить как можно большую безопасность путём сотрудничества США на западе и одновременно не провоцировать соседа на востоке. Это не означает, что Норвегия

должна выйти из НАТО или что мы должны свернуть сотрудничество в сфере обороны с США. Смысл рассуждений в том, чтобы обозначить противоречивые взгляды и пересекающиеся интересы, которые возникают, когда малое государство, из-за своей географической судьбы быть с соседом на востоке, оказывается зажато между двумя противниками. Следовательно, норвежская безопасность не сводится к «или — или». Но, в сущности, норвежская безопасность является «и — и».

Главный вопрос, поднятый в этой книге, заключается в следующем: многолетняя стратегия в норвежском мышлении по вопросам безопасности, сводившаяся к тому, чтобы быть и «хорошим союзником», и «хорошим соседом», похоже, обернулась провалом. Пространство для переговоров, которое делало это возможным во времена «холодной войны», исчезло. В вакууме, который постепенно возник с 2000-х годов, США взяли на себя в Норвегии многие оборонные задачи по отношению к России. А всё потому, что норвежские власти на рубеже веков поставили своей целью стать «лучшими в НАТО» в международных операциях. «Держать порох сухим» дома в том числе, поддерживая ещё оставшуюся национальную обороноспособность, стало неприоритетным. Примерно через 20 лет эта цель привела к перерасходу скудного ресурса обеспечения обороны, для восстановления которого потребуется много времени. Эта проблема долгое время не освещалась, поскольку вплоть до 2005—2006 годов казалось, что Россия движется по пути сближения с западным братом. Но как только маятник качнулся в другую сторону, Россия стала восприниматься опасной, и стало понятно, что, как и в конце 1990-х годов (NOU 2000), норвежская оборона оказалась перед лицом глубокого и продолжительного структурного кризиса. Норвежские власти, конечно, имеют в своём распоряжении вооружённые силы, участие которых в международных союзнических операциях Министерство обороны оценивает как «очень хорошо». Оценка состояния своих вооружённых сил в стратегически важнейших северных районах едва ли дотягивает до «удовлетворительно» (Forsvarsdepartementet 2018, 56). Поэтому США должны вмешиваться и заполнять пробелы в российско-норвежской приграничной зоне, с последующей милитаризацией прилегающих воздушных и морских пространств.

Зависимость Норвегии от своего могущественного гаранта безопасности на западе приводит к более широкой и извечной

традиции исследований (Walt 1987; Snyder 1984; Rickli 2008). Страх подвергнуться нападению ставит малые государства между тремя альтернативами: вступить в более формальное сотрудничество (альянсы) по вопросам обороны с другими странами, выстроить более сильную и самостоятельную национальную оборону самим. Или же, возможно, занять более уступчивую позицию по отношению к опаснейшему соседу (Walt 1987). С середины 2000-х, особенно после принуждения Грузии к миру во время грузино-южноосетинского конфликта 2008 года и аннексии Крыма в 2014 году, первая альтернатива — сотрудничество в рамках альянса — стала важнее, чем две другие. И для Норвегии, а также и для ранее нейтральных государств — Швеции и Финляндии — страх быть покинутыми Соединёнными Штатами усилился. Из-за этого страха малые государства становятся более склонными к исполнению ожиданий гаранта безопасности, даже в других частях света, где скопились военные проблемы у самой сильной державы мира. Поэтому для зависимых малых государств существует большая опасность попасть в ловушку американских военных операций в других частях земного шара, таких как Центральная Азия и Ближний Восток. И это не потому, что у малых государств есть какие-либо особенные национальные интересы в области безопасности в этих регионах, а скорее из-за того, что малые государства чувствуют сами, что они должны что-то сделать в ответ, чтобы не оказаться забытыми, незаметными или каким-либо другим образом отодвинутыми на периферию интересов главного союзника. Ведь если кризис возникнет в соседнем с ними регионе, ожидания малых стран взаимности или проявления солидарности со стороны союзников будет наивысшими (Keohane 1984). Тогда будет приятно осознавать, что инвестиции, сделанные в ходе операций за рубежом, будут рассматриваться как ценный собственный капитал, рассчитанный на то, чтобы как можно скорее получить помощь извне.

Ведь малые государства не способны обеспечить свою безопасность собственными силами. Они скорее зависят от доброго расположения других стран. Малые государства часто определяются как страны с относительно ограниченными возможностями в четырёх областях: в численности населения, размерах вооружённых сил, находящихся под национальным командованием, в размерах страны, а также в объёме годового валового национального продукта (ВНП)

(Kjølberg og Nyhamar 2011). Тут, конечно, можно возразить, что Норвегия не малая страна, поскольку её территория с прилегающим континентальным шельфом огромна — более 2 млн км² (Norges kartverk 2018). К тому же норвежский ВВП усреднённо остаётся в числе 30 крупнейших в мире. Тем не менее Норвегия остаётся малым государством, если мы сравниваем её размеры с США на западе и Россией на востоке.

Выражение «хороший союзник» часто используется, чтобы описать союзническое сотрудничество малого государства Норвегия с США. В этой связи выражение было заимствовано из отчёта, созданного правительством Комитета Гудала¹, который в 2015–2016 годах оценивал гуманитарный и военный вклад Норвегии в Афганистане. Название отчёта «Хороший союзник — Норвегия в Афганистане 2001–2014» элегантно показывает суть норвежских целей, которые прежде всего состояли в следующем: Норвегия внесла свою лепту в «поддержку США и способствовала обеспечению значимости НАТО» (Godal et al. 2016, 9). Эта цитата затрагивает самую суть норвежской стратегии обороны — как она развивалась с начала века. Активно предоставляя вооружённые силы в коалиционных операциях под руководством США, внутри или за пределами зоны ответственности НАТО, норвежские власти надеются на следующее: «Международный вклад в рамках альянса — это инвестиции, которые обеспечат Норвегии союзническую поддержку, если она ей потребуется» (FD 2017, 38).

Такие инвестиции в зарубежные операции объясняются прежде всего тем, что Норвегия никогда не была в состоянии защитить себя самостоятельно. Страна для этого слишком большая, а населения слишком мало. Поэтому, с момента вступления в НАТО в 1949 году, союзническая поддержка со стороны США лежала в основе выживания норвежского государства в конфликте с Советским Союзом, а затем — с Россией. Было лишь несколько незначительных отклонений от мирной нормальной обстановки на севере — в так называемых эпизодах, событиях и небольших кризисах на самом низком уровне конфликтной шкалы — которые Норвегия смогла разрешать самостоятельно (FD 2004).

¹ *Бьёрн Туре Гудал* (род. 1945) — норвежский политик, депутат парламента (1989–2001), министр иностранных дел (1994–1997) и обороны (2000–2001), специальный советник МИД (2007–2010). — *Примеч. перев.*

Издержки статуса «хороший союзник»

Чтобы американская и, возможно, европейская помощь подошла вовремя, да ещё и была достаточной по силе и качеству, она должна быть подготовлена заранее, уже в мирное время (Eriksen og Tamnes 1999). Тем временем норвежские вооружённые силы также должны направляться в другие страны для укрепления союзнического единства и коллективной солидарности, которые нужны самой Норвегии для противостояния России на своей территории. Таким образом, Норвегия в течение последних нескольких лет (в 1990–2000-х годах) была занята тем, чтобы подстраиваться под (американские) интересы НАТО. Прежде всего это выражается в содействии и в разделении риска и тягот в операциях за границей. Стоять в стороне как нахлебник, когда США обращаются к своим ближайшим союзникам за поддержкой в «войне против террора», «войне против ИГИЛ» или в устрашении России в Прибалтике, глупо. Грубо говоря, эту норвежскую политику приверженности США можно описать девизом Хемверна¹: «везде — всегда».

Норвежское участие в операциях в частности в Афганистане, Ираке и Сирии, а также в Иордании, Ливии, Мали и ещё в Грузии, Латвии, Индонезии, Средиземноморье и Индийском океане можно частично воспринимать, как желание способствовать установлению более либерального мирового порядка. Потому что в основе политики США, НАТО и всего европейского сообщества лежит стремление создавать демократические сообщества, построенные на основополагающих принципах правового государства и обеспечивающие гарантии соблюдения прав человека. Согласно заявлениям норвежских властей, есть

...одна вещь, которую мы не должны забывать: Запад — это общество, основанное на ценностях. Если убрать нашу веру в общие универсальные ценности и идеалы, пропадёт и ядро западного сообщества. Эти ценности находятся под угрозой. Они сейчас важны, как никогда раньше, и поэтому мы стоим в едином строю за их защиту (Bakke-Jensen 2019).

¹ *Хемверн* (норв. Heimvernet) — войска территориальной обороны Норвегии. — *Примеч. перев.*

Поэтому норвежские власти экспортируют военную силу, чтобы поддержать подобные идеалы, которые они ассоциируют со своими собственными, что позволяет обеспечивать защиту подавляемых групп населения от ущемления их прав со стороны их правительств. Но в равной степени военный вклад может также быть воспринят как реальное политическое желание оставаться вместе с США — своей главной опорой, согласно норвежскому военному мышлению. Со страной, которая несёт около 40 % мировых военных расходов, которая обладает самыми большими военно-воздушными силами, самым большим военно-морским флотом, а также 1,3 млн солдат, находящихся в состоянии постоянной боеготовности. Ведь нет никакой другой страны, которая могла бы обеспечить Норвегию надёжными гарантиями безопасности в противостоянии с Россией. Но, может, именно в этом и кроется проблема? Ведь «быть хорошим союзником» государств с глобальными интересами безопасности влечёт за собой определённые издержки для нас самих.

Издержки частично являются экономическими. Ведь для того, чтобы быть «хорошим союзником», с каждым годом требуется больше денег, чем готовы выделить на эти цели норвежские власти. Ведь только для реализации перспективных планов правительства Сульберг¹ потребуется более 100 млрд норвежских крон дополнительных расходов в период с 2021 по 2037 год (Skjelland et al. 2019). Для того чтобы норвежские вооружённые силы могли бы защищать свою страну от возможного давления России и одновременно шли бы навстречу американским ожиданиям, касательно непрерывного участия в зарубежных операциях, ресурсов, естественно, не хватит. Другими словами — это сохраняющееся несоответствие между размерами норвежских вооружённых сил, объёмом выделяемых средств и задачами, которые, по мнению норвежского правительства, должны решаться вооружёнными силами (Holme 2013). Эта проблема не стояла настолько остро во времена «холодной войны». Пока советские военно-морские атомные силы, базирующиеся на Кольском полуострове (с середины 1970-х годов), могли угрожать США, Норвегия, находящаяся вблизи этих баз, была слишком важна, чтобы выводить ее войска из страны. Норвегия была не просто флангом в обороне

¹ Эрна Сульберг (род. 1961) — лидер Консервативной партии Норвегии (с 2004 года) и премьер-министр Норвегии (с 16 октября 2013 года). — *Примеч. перев.*

Западной Европы, она также была стратегическим фронтом в обороне самого гаранта безопасности (Tamnes 1991). Хотя норвежские власти и направили более 22 000 солдат в состав миротворческих сил в Ливане между 1978 и 1998 годами, это было скорее воспринято как «дополнительная работа» по линии ООН (Leerand 2012). Усилия, направленные на сохранение мира, никогда не происходили за счёт боеготовности национальной армии. В северных районах Норвегия всегда была первой линией обороны НАТО. При поддержке США Норвегия стала важным звеном в системе радиоразведки и предупреждения об угрозах, серьезной составной частью передовой обороны США по сдерживанию советских вооружённых сил. Поэтому «быть хорошим союзником» было равнозначно защите НАТО на севере. Важно было обеспечить так называемый период сдерживания (от 4 до 8 недель) в губерниях Финнмарк и Трумс в ожидании прибытия американских войск из северных районов Атлантического океана (Gjeseth 2008).

Существуют также политические издержки. И они могут рассматриваться в связи со всем политическим климатом в сфере безопасности, сложившимся в Европе после аннексии Крыма в 2014 году. «Быть хорошим союзником» также включает в себя сдерживание российского влияния в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Норвежская военная помощь, например, Грузии, которая находится в так называемой зоне российского влияния на Кавказе и которая является кандидатом в члены НАТО, конечно, привязывает страну сильнее к западным ценностям. Но норвежская поддержка также способствует укреплению военного присутствия США и НАТО на Кавказе. В регионе, который часто называют «мягким подбрюшьем России», это может, если смотреть на это с формальной точки зрения, способствовать укреплению безопасности грузинского народа, в частности потому, что вызовы безопасности страны становятся теснее связаны с западными институтами, которые совместно могут создать большую военную силу, чем та, которой Россия располагает в Южной Осетии, Абхазии и в Южном военном округе. Но поддержка одновременно приводит к военным контрмерам со стороны России, поскольку стратегическое время оповещения об угрозе со стороны американских войск сокращается. Эскалация шпионажа, подрывной деятельности, отслеживание военной активности и инфильтрация в политические и военные органы Грузии

всё больше превращают страну в арену соперничества великих держав. Таким образом, даже небольшие эпизоды и инциденты могут разрастись и выйти из-под контроля. Следовательно, в роли «хорошего союзника» становится более важно рассчитывать на закрытые организации, такие как НАТО, вместо публичных организаций, таких как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Ну и, наконец, есть также внутривластные издержки пребывания в статусе «хорошего союзника». Норвежским властям становится трудно быть откровенными с собственным населением, оппозиционными партиями в Стортинге¹ и СМИ в вопросах о том, что Норвегия попала в полную зависимость от вооружённых сил США практически в любой ситуации, которая отклоняется от привычной мирной политики на севере. Таким образом, широкие слои общественности, СМИ и политические партии в Стортинге не получали сведений по этому важному вопросу в течение многих лет. Знание таких вопросов могло бы дать гражданскому обществу лучшее представление о сложных оценках и дилеммах, оказавших влияние на формирование политики в области обороны и безопасности, в которую власти вовлекаются по мере того, как новая «холодная война» разворачивается в их собственном регионе. Продолжительное и систематическое умалчивание властями оценок, которые лежат в основе балансирования между США на западе и Россией на востоке, стало главным поводом написать эту книгу.

Перерасход и зависимость

Издержки, описанные выше, возникли на Рождество 1991 года. Тогда, за одну ночь, распался Советский Союз, а вместе с ним исчезла также возможность быть просто «хорошим союзником» на севере. В связи с Югославскими войнами 1990-х годов и глобальной «войной против террора», начавшейся в 2001 году, для норвежских властей приблизилось *pay-back time* — время платить по долгам. Одними из последних в НАТО, власти Норвегии в 1990-х годах стали

¹ Стортинг — парламент Норвегии. — *Примеч. перев.*

неохотно принимать активное участие в зарубежных операциях. Содействие подобным операциям можно было считать расчётом с американскими налогоплательщиками, которые долгие годы покрывали львиную долю расходов в трансатлантическую плановую работу по укреплению и усилению боеготовности в Европе. Посыл Советскому Союзу был конкретен и решителен: нападение на Норвегию будет равнозначно нападению на США. Риск не оплатить этот долг был бы слишком велик: США потеряли бы интерес к Норвегии и НАТО (Lugar 2002). Применение Америкой силы по всему миру стало бы сложнее привязывать к коллективным решениям и официальным институтам.

Но после терактов в США 11 сентября 2001 года опора Норвегии — НАТО — превратилась из регионального игрока в международного, для которого возможным местом действия стал весь мир. Сенсационные атаки «Аль-Каиды» на Нью-Йорк и Вашингтон ускорили уже начавшийся процесс сворачивания национальной, территориальной, статичной и мобилизационной обороны Норвегии. Таким образом, высвобождались «свежие средства» для новых инвестиций в создание более актуальных вооружённых сил, которые могли быть подняты по тревоге и в срочном порядке отправлены выполнять задание за рубежом. Согласно заявлению представителей норвежского Министерства обороны, возглавляемого в 2001—2005 годах Кристин Крон Девольд, норвежская оборона должна

...подтвердить, что Атлантический союз не превратился в несоответствующий своим задачам союз и, в этом отношении, наиболее важным стал вопрос, чем Европа может содействовать укреплению трансатлантического партнерства, какой оправданный вклад мы в состоянии предоставить (Devold 2002с).

Поэтому шеф обороны Норвегии в 1999—2005 годах Сигурд Фрисвольд получил чёткое указание, что воинские части, имеющие только территориальные задачи, должны быть свёрнуты (FD 2002). Эта логика соответствовала сложившейся обстановке, поскольку самые неотложные угрозы находились в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. НАТО, прежде всего, не являлось раз и навсегда застывшим военным союзом, оно стало более широким, и, тем самым, более свободным альянсом безопасности.

Сейчас стало ясно, что смена чего-либо слишком радикально и слишком быстро имеет существенные недостатки. Но самое важное: изменения — и последствия, которые они повлекли за собой, — тоже в значительной степени замалчивались самими властями (Holme 2013; Bentzrød 2014). Это означает, что положение сегодня, спустя 20 лет после «стартового выстрела» самой радикальной военной реформы современности, стало более серьёзным, чем во времена «холодной войны». Главная причина в том, что продолжительный вклад в поддержку операций за рубежом увеличивает перерасход и так скудного ресурса, который, если это происходит слишком долго, не оправдан. Согласно бывшим высокопоставленным представителям Министерства обороны (Lysberg og Tallaksen 2018a), издержки перерасхода увеличивают зависимость от американских сил в собственных районах, в том числе и в мирное время. Серьёзную проблему представляет также то, что при возникновении даже незначительных конфликтов для разрешения кризисов и урегулирования ситуации возникает потребность в американском подкреплении. И эта потребность будет возникать на гораздо более ранней стадии, чем во времена холодной войны. Это происходит из-за того, что норвежские власти больше не имеют той обороны, которая могла бы эффективно оперировать в течение 3–4 суток (Heier 2018a).

Причины этого мы обсудим в 3-й главе, а последствия будут рассмотрены в последующих главах. Но важно отметить, что американские ожидания большего разделения риска и тягот за границей усиливают зависимость от США в собственной стране. И чем ближе Россия находится к европейским странам НАТО, тем более они становятся склонными к участию в коалиционных операциях под командованием США (Kjølberg og Bull 1997). В то же время содержание вооружённых сил постоянно дорожают, в том числе и потому что цена на вооружение растёт на 3–5 % процентов быстрее, чем цены в целом. Когда более 20 % оборонного бюджета уходит на чисто материальные инвестиции, без компенсации сократившейся покупательной способности, вооружённые силы численно становятся всё меньше и меньше (Diesen 2011; Ofstad og Øhrn 2015). Тем самым остаётся совсем немного, чтобы двусторонние кризисы между Норвегией и Россией начали нарастать, поскольку норвежские власти должны в таких случаях как можно скорее привлечь США к урегулированию ситуации.

С норвежской точки зрения, у страны тем не менее нет другого выбора, кроме как оставаться «хорошим союзником». Потому что без США не будет никакого НАТО, а без НАТО — никаких американских гарантий безопасности. Если НАТО прекратит существование, не будет других рамок, которые могли бы сохранить сильное американское лидерство в Европе — на континенте, который в последние годы трещит по швам и характеризуется наличием националистических и право-популистских течений, и который ранее в истории — два раза в XX веке — вовлёл США в разрушительные мировые войны. Быть «хорошим союзником» означает «помощь самому себе»: помогая другим там, где они в этом нуждаются, ты одновременно помогаешь себе. Но, как мы увидим в дальнейшем, цена этого велика, и она систематически замалчивалась норвежскими властями.

Это не зависит от того, какая политическая партия или правительственная коалиция находятся у власти. Факт в том, что норвежская оборона, согласно мнению Министерства обороны, потеряла способность сдерживать Россию путём «создания предупредительных мер, основывающихся на членстве в НАТО» (Forsvarsdepartamentet, 2018, 55). Это отклонение даже привело к парадоксальному выводу, который даёт основание порассуждать о том, как жители одной из богатейших стран мира, одного из богатейших мировых регионов, стали тем не менее частью *более опасной Норвегии*. Когда политическая мантра сводится к утверждению «Норвегия — НАТО на севере» (Regjeringen 2018), это также означает, что Норвегия, с российской точки зрения, стала бóльшим риском для безопасности в её собственных приграничных областях. Не в меньшей степени это касается того, что норвежские радио-разведывательные установки, спутники, фрегаты и строительство радаров всё больше увязываются с американскими военными концепциями и планами по созданию ракетного щита. Это особенно касается военной концепции Быстрого глобального удара (*Prompt Global Strike*), которая за 30–60 минут позволяет стереть с лица земли любую российскую цель в любой точке земного шара (Greg 2010; Eckstein 2017; Woolf 2019).

Таким образом, российские оценки угрозы распространяются на норвежские воздушные, морские пространства и сухопутные военные территории. Это объясняется тем, что российский анализ риска

и уязвимости, проведенный в Североморске, Санкт-Петербурге и Москве, не особо отличается от оценок западных коллег в Будё¹, Осло или Вашингтоне. С российской точки зрения, *более опасная Норвегия* также означает, что создавшееся положение становится опасным *для самой Норвегии*. Так происходит потому, что для военных и оборонительных структур — норвежских, российских или американских — неестественно сидеть сложа руки и быть пассивным свидетелем усиления мер по повышению боеготовности противника.

Из-за этого растут напряжение и страх норвежцев оказаться лицом к лицу с Россией в одиночку, без того чтобы США пришли на помощь. Норвежские власти пытаются избежать этой неуверенности, частично делая норвежские воздушные, морские пространства и сухопутные военные территории более доступными для американского военного контингента, так, чтобы США в крайнем случае начала войны смогли быстрее и эффективнее одолеть российские ядерные силы на Кольском полуострове. А также, частично показывая США, что норвежское правительство готово рисковать жизнью и здоровьем собственных солдат в коалиционных операциях, которые будут содействовать американским интересам, в частности в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Может быть, именно поэтому мы редко задаёмся вопросом, что такое быть «хорошим союзником»? Это просто-напросто порождает сомнения в национальном самосознании, которое норвежские власти создали по своему образцу: бескорыстная и щедрая страна, которая, из солидарности к близким друзьям и союзникам, обязана помогать им, когда это необходимо (Alme 2019).

Мы обсудим это подробнее в 7-й главе, где речь пойдёт о балансировании власти между гласностью и секретностью. Для начала можно только заключить, что если бы Норвегия находилась на месте Дании, Нидерландов или Бельгии, ей было бы легче следовать этому чувству долга. Американское понятие «хороший союзник» могло бы позволить расформировать воинские части, которые имели исключительно национальные и территориальные оборонительные задачи. Таким образом, «освободившиеся деньги» можно было бы потратить

¹ В Будё (Северная Норвегия) расположены военно-воздушная база, норвежский зенитно-ракетный комплекс NASAMS, национальная группа быстрого реагирования; в Реитане, к востоку от Будё находится штаб-квартира норвежских вооружённых сил Северной Норвегии. — *Примеч. ред.*

на создание новых и дорогих, но меньших по численности вооружённых сил. Под этим подразумеваются воинские части, которых, естественно, будет недостаточно для защиты национальных взглядов и интересов на севере в ходе выполнения круглосуточных оборонительных и боевых заданий в Баренцевом море или в Финнмарке. Но которые в срочном порядке могли бы позаботиться о демонстрации норвежского флага и присутствия там, где США ожидает от союзника проявления активности — год за годом в далеких краях. Тем самым власти могли бы свободнее и более эффективно укреплять коллективную сплочённость в Альянсе, который не просто будет сдерживать Россию, но который также поможет США видеть смысл в использовании своих средств на нужды НАТО в Европе. Ведь есть лишь одна страна, которая может предложить Европе надёжную защиту при столкновении с Россией, с приблизительно 240 000 солдатами в более 170 странах (New York Times 2017), занимающих более 800 баз по всему миру (Vine 2015), — Соединённые Штаты Америки.

Тяготы географического положения

Норвегия — не Дания, Нидерланды или Бельгия. Проблема Норвегии в том, что страна находится слишком близко — от 40 до 120 км — от одной из самых современных в мире группировки ядерных сил на Кольском полуострове. Эти силы, с соответствующими системами связи, радарными установками, частями непосредственного охранения, портами, авиабазами и складами с атомными боеголовками, сегодня являются важнейшим внешнеполитическим инструментом, которым располагает Россия для достижения равновесия с США. Подобное объясняется прежде всего не количеством атомных боеголовок *per se*¹, а скорее способностью ракет достичь территории США, не будучи обнаруженными и с высокой точностью. Другими словами, интерес представляют именно русские подводные лодки, русские ракеты и технологии, которые нужны для транспортировки ядерных боеголовок в США. Таким образом, этот тип информации и способ её сбора и обработки в целях создания обо-

¹ Самих по себе (лат.). — Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

ронительного щита представляет интерес как для США и Норвегии, так и для России. Всё это способствует нарастанию политической и военной напряжённости во всём северном регионе.

Подозрительность возрастает ещё больше из-за того, что порты на Кольском полуострове являются единственными, через которые российские подводные лодки получают свободный доступ в открытый океан, где они могут спрятаться в глубинах северной части Атлантического океана или под Северным полюсом. Таким образом, США не могут ни обнаружить, ни заблокировать их своими передовыми военно-морскими кораблями, которые, в частности, оперируют из Норвегии. Вдобавок коридор для выхода Северного флота, одной из самых мощных группировок воздушных и военно-морских сил страны, проходит по линии между Сёркапом на Шпицбергене и Нордкапом в Финнмарке. Это единственный порт с прямым выходом в Атлантический океан и к восточному побережью США. В то же время это кратчайшая траектория полёта российских ракет, ориентированных на цели в США.

По большому счёту, роль российских ядерных сил на Кольском полуострове не является проблемой, если отношения между США и Россией хорошие, как это было в 1990-е годы и — даже в некоторых других обстоятельствах — во времена «оттепели» между Никитой Хрущёвым и Джоном Кеннеди в 1960-е годы. В такие периоды расширяются рамки политической свободы манёвра властей, поскольку в таком случае Норвегия может быть и «хорошим соседом» России, и «хорошим союзником» США. Хуже становится тогда, когда отношения двух великих держав замораживаются. Тогда национальные соображения безопасности и, в не меньшей степени, наличие российских ядерных сил в северных районах, сразу приобретают гораздо большее значение — как по норвежской, так и по американской и российской оценкам. Короче говоря, «ценность норвежской территории» видоизменяется в зависимости от колебаний международной ситуации. Решающим в этом вопросе является то, что российские ядерные силы в норвежско-российских пограничных областях составляют одну из опаснейших угроз для существования для населения США по другую сторону Атлантического океана. Таким образом, роль Норвегии как разведывательного, подслушивающего и предупреждающего об угрозах поста для США становится невероятно важна, не в меньшей степени, когда возникает

обострение. Ведь каждый раз, когда великие державы возобновляют диалог и сотрудничество, это значение резко снижается. Это и есть та географическая особенность расположения вблизи важнейших российских военных баз, отличающая Норвегию от Нидерландов, Бельгии и Дании (если не считать Гренландию, которая также является важным подслушивающим и предупреждающим постом США).

Норвегия оказывается участником игры двух великих держав: США и России, но на правах малого государства. Каждый раз, когда напряжение возрастает, США проявляют заинтересованность в отправке воздушных, морских и сухопутных сил в прилегающие к России норвежские регионы, чтобы приблизиться к российским границам. Отчасти, чтобы обозначить свой флаг и присутствие, так как это является важной частью общения между соперничающими великими державами. Но также это делается, чтобы быть *hands on*¹, на случай, если произойдёт что-то непредвиденное. Поскольку, если международная обстановка перерастёт в кризис, например если американские военные советники будут убиты российским спецназом на Украине в Луганске или Донецке, или если американские и российские истребители столкнутся над Балтийским морем, станет важно проявить инициативу и решительность. На Европейском континенте, где страны тесно связаны друг с другом политически и экономически, именно цепная реакция от таких событий может быстро перекинуться на норвежские районы. Таким образом, становится необходимо быстрыми и жёсткими военными манёврами поставить рамки на случай дальнейшего развития обстановки — особенно в отношении тех районов, из которых может исходить наибольшая угроза существованию США. Противник будет постоянно вынужден реагировать, а не действовать инициативно. Таким образом, захватывается инициатива в кризисных ситуациях, что по чисто профессиональным военным понятиям, важно, чтобы самим не быть принуждёнными к обороне. Ведь оказаться в подобной ситуации для гордых великих держав означает не только потерю лица. Риск в случае недостаточно быстрого или решительного реагирования может дать почву для сомнений о готовности вооружённых сил и наличия политической воли у великих держав для отстаивания своих интересов. Большие расстояния и сложные

¹ В деле (*англ.*).

климатические условия в высоких широтах абсолютно естественно делают США активным игроком в норвежских северных регионах. Это делается, в частности, для того, чтобы направить большее количество воинских контингентов в наиболее уязвимые районы Норвежского моря. Свидетельством тому служит рост количества американских, британских и французских военных кораблей в норвежских портах, число которых всего за несколько лет, согласно заключению Директората по предотвращению облучения и атомной защите, возросло с 10–15 до 30–40 заходов в год (Selnes, Eikermann og Amundsen 2018, 9). Это также действует успокаивающе на норвежские власти, которые с момента вступления в НАТО в 1949 году больше всего боялись быть забытыми, оказаться неприоритетными или быть каким-либо другим способом отодвинутыми на обочину американских интересов и оказаться менее важными, чем члены НАТО, расположенные в центральной части Европейского континента (Tamnes 1991; Heier 2006).

Но, с другой стороны, американское стремление уменьшить российский влияние может также вызывать беспокойство у норвежской стороны. Потому что политический разговор правительства с руководством вооружённых сил — это палка о двух концах. О недостатках чаще говорят дипломаты из МИД Норвегии, чем представители Министерства обороны, которое каждодневно работает с более узкими проблемами политики в области обороны и безопасности. Ведь возросшее присутствие американских сил может легко привести к ответным мерам со стороны России. Тем самым порог последующей милитаризации в регионе снижается. Умиротворение путём ряда самоограничений по отношению к России, поэтому, традиционно являлось важной частью норвежского балансирования по отношению США. Например, когда Норвегия решила в 1949 году отказаться от политики нейтралитета, чтобы стать членом НАТО, её членство уравновешивалось рядом самоограничений, и в том числе за счёт отказа от размещения баз союзников на норвежской территории в мирное время. Участие в интегрированных командных структурах НАТО в 1951 году было также компенсировано более строгими мерами по ограничению военного присутствия Норвегии на Шпицбергене. Использование острова Аннёйи в Баренцевом море в качестве базы для американских разведывательных самолётов в 1958–1959 годах сопровождалось более строгим предписанием,

в котором говорилось, что самолёты не могут залетать на восток далее 24° восточной долготы (Klevberg 2012). С норвежской точки зрения на практике это превратилось в форму «молчаливого сотрудничества» с Советским Союзом. Суть заключалась в том, чтобы дать Северному флоту достаточное стратегическое время для раннего обнаружения американских сил в северной части Атлантического океана (Holst 1967).

Но как только в 1990-е годы напряжение между США и Россией спало, норвежское правительство начало бороться изо всех сил, чтобы не оказаться забытым, не утратить своё значение или каким-либо другим способом не быть проигнорированными со стороны США. Норвежские власти также воспользовались возможностью «нормализовать» отношения с Россией, в частности ликвидировав самоограничения на полёты и учения американской военной авиации в губернии Финнмарк (Forsvarskomiteen 1996), несмотря на протесты России. Ведь Норвегия очень уязвима, так как находится на окраине Европы вне Европейского союза, имея границу с Россией, рядом с группировкой одних из самых современных ядерных сил в мире, в регионе с огромными запасами нефти, газа, рыбы и минералов. В такие периоды странам, зависимым от союзников, необходимо что-то предлагать. Быть воспринимаемым в качестве «хорошего союзника» становится очень важно. Выражением этого являются политические решения идти навстречу американским ожиданиям о разделении риска и тягот в операциях за рубежом. Это было главным доводом для сворачивания территориальной мобилизационной обороны. Так называемая проблема недостающих возможностей между Норвегией и Европой с одной стороны и США с другой должна быть устранена. Способ решения этого вопроса сводился к тому, чтобы найти свободные деньги за счёт отказа от обязательств по формированию мобилизационной обороны времён «холодной войны». Несмотря на то что это, согласно мнению Министерства обороны, приведёт к более быстрому сворачиванию национальной обороны, тем не менее так будет лучше, нежели снова оставаться одиночками, без поддержки США (Heier 2006). На рубеже веков сдерживание советского наступления через территории губерний Финнмарк и Трумс больше не являлось обоснованием сохранять эти вооружённые силы. Вместо этого ставка делалась на отборные подразделения или так называемые нишевые возможности, кото-

рые стали ключом к решению тех вопросов политики безопасности, в которых норвежские власти опасались быть забытыми. Это было важно исключительно для того, чтобы иметь каналы связи с властными инстанциями США на случай, если возникнет кризис в отношениях с Россией.

Новая нормальная обстановка

После грузинского конфликта 2008 года и аннексии Крыма с последующим развитием событий в Восточной Украине в 2014 году ранее сделанные оценки положения дел оказались менее важными. Маятник в трансатлантическом оборонительном сотрудничестве качнулся назад к обычному положению дел в Европе. Это именно та обстановка, в условиях которой Россия и США конкурируют за власть и влияние в антагонистической игре, исходя из своих собственных интересов, когда больше безопасности для одного будет автоматически означать меньше безопасности для другого (Rowe 2018). Таким образом, значение норвежской территории возрастает, ведь базы, где находятся две трети российских военно-морских сил — включая около 30 атомных подводных лодок, — расположены всего лишь в 40–60 км от провинции Финнмарк (Nilsen 2019).

В реальности это означает более плотную и систематическую координацию с США оборонительных мер Норвегии и других Северных стран. Но чтобы эти меры были более приемлемыми, они проводятся чаще всего в рамках НАТО. Увязанное с либеральными понятиями, такими как международное право и дух коллективизма, такое сотрудничество между США и буферными государствами у границ России приобретает законный характер. Взаимодействие норвежских, шведских, финских и американских вооружённых сил происходит в форме, которую министр обороны (с 2017 года) Франк Бакке-Йенсен временами характеризует как «сообщество общих ценностей» (Bakke-Jenssen 2019). основополагающая причина развития подобного сообщества заключается в том, что отсутствуют отдельное норвежское планирование противодействия угрозе извне и вместе с тем самостоятельная национальная обороноспособность, которая необходима на начальном этапе кризиса с Россией. Согласно мнению двух историков Улава Богена и Магнуса Хокен-

стада (2015, 349): «Мобилизационная подготовка, мобилизационное предписание и организационно-штатное расписание военного времени — всё, что было так важно на протяжении долгого времени, — было потеряно едва ли не за ночь».

Тем не менее с 2017 года Норвежское агентство по управлению объектами оборонной недвижимости и гражданские подрядчики в Северной Норвегии снова пробурили окопы первой линии обороны, которые всего лишь несколько лет назад были залиты бетоном как ненужные. Оценки военных экспертов, сделанные в начале 2000-х годов, взятые за основу вывода о том, что конфликт великих держав с участием России более не является актуальным, оказались ошибочными (Forsvaret 2000). Норвежская «активность в районах передовой обороны», «пороговая оборона» и значение военного сдерживания в губернии Финнмарк являются примерами того, что сознание необходимости национальной и территориальной обороны возвращается. Как и присутствие американских солдат в губерниях Трёнделаг и Трумс. То же самое с финансированием США так называемой Совместной операционной базой (*Co-located Operational Base*) для американских истребителей на аэродроме в Рюгге. С исходной точкой в Южной Норвегии, истребители типа F-22 «Раптор», построенные по стелс-технологии, могут легко достигать Балтийского моря и бросать вызов российскому Балтийскому флоту для защиты самых уязвимых стран НАТО в Балтийском регионе. В рамках американской программы *European Deterrence Initiative*¹ Пентагон запросил 6,5 млрд долларов, чтобы укрепить военную инфраструктуру в уязвимых странах НАТО. В 2018 году было использовано чуть более половины средств — около 3,4 млрд долларов (Judson 2018). Проведение крупнейших с 1967 года учений в Финнмарке *Joint Viking* в 2015 и 2017 годах с широким участием американских, британских и норвежских вооружённых сил хорошо вписывается в эту модель. То же самое касается увеличения количества американских атомных подлодок у берегов Норвегии, воссоздания Второго флота ВМС США для усиления вклада в оборону северной части Атлантического океана и проведения самых больших учений со времён «холодной войны», *Trident Juncture 2018* («Единый трезубец»).

¹ Европейская инициатива по сдерживанию, с 2017 года более известная как Инициатива по обеспечению европейской безопасности (*The European Reassurance Initiative, ERI*). — *Примеч. ред.*

Но это стало лишь некоторой частью норвежских ограничений, которые бы позволили американским военным контингентам держаться на расстоянии от стратегических атомных единиц на Кольском полуострове. В тот же период отношения с Россией стали более напряжёнными: между Востоком и Западом, похоже, разыгралась новая «холодная война». Она во многом отличается от старой. Например, неравноценным соотношением сил США с одной стороны, и России с другой. Также уже нет существовавшего ранее глобального идеологического соперничества между коммунизмом и либерализмом. И сейчас действует гораздо более сильная экономическая зависимость между странами в Европе, которые раньше были разделены в два изолированных политических, военных и экономических блока — НАТО и Организацию Варшавского договора. Причиной того, что началась новая «холодная война», является прежде всего то, что Россия сейчас стала достаточно сильной, чтобы преследовать свои собственные национальные интересы безопасности, невзирая на то, что США и европейские страны могут этому помешать. Также кажется, что у Москвы имеется более сильная политическая воля к использованию военной силы, особенно если Россия чувствует себя принуждаемой к этому. Кажется, что эта политическая воля сильнее той, которую способны проявить США и НАТО. Пока российское использование власти происходит за пределами территорий стран НАТО, как, например, в бывших советских республиках в Центральной Азии, на Кавказе или в Восточной Европе, желание взять риск на себя будет сильнее у России, чем у США и НАТО, потому что угроза воспринимается сильнее в Москве, чем в Вашингтоне или Брюсселе.

Именно в такие периоды возникают дилеммы. С одной стороны, норвежское правительство должно наращивать видимость присутствия вдоль российской границы, чтобы продемонстрировать политическую волю и военную способность отстаивать норвежский суверенитет и национальные интересы. Пример тому — создание «кавалерийского батальона» в Финнмарке, вблизи российских ядерных сил на Кольском полуострове. Другой пример — увеличение продолжительности патрульного плавания кораблей в Баренцевом море. С другой стороны, власти также должны быть осторожными в том, чтобы присутствие американских вооружённых подразделений в Вэрнесе, Тромсё и Финнмарке, или бомбардировщиков

В-52 и атомных подлодок в Норвежском море не стали проблемой безопасности для самой Норвегии. Ведь если присутствие американских сил будет воспринято российской стороной как угроза, ответные меры быстро приведут к ухудшению обстановки. Пока северные регионы остаются одними из важнейших для американской и российской безопасности, норвежские власти должны быть чрезвычайно внимательны, чтобы воспринимать сигналы как с американской, так и с российской стороны.

Проблема

В то же время норвежским властям необходимо предстать в качестве «хорошего союзника» в мероприятиях, инициированных США в Прибалтике, на Кавказе, в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В этой напряжённой обстановке, между поддержанием надёжной национальной обороноспособности против российских сил на севере и одновременным выполнением союзнических обязательств на юге, возникает основная проблема: непрерывный перерасход правительством важнейших, а также самых драматичных и спорных средств принуждения. Мы говорим о государственном инструменте самозащиты, который на протяжении 1990-х годов предназначался для использования лишь в чрезвычайной ситуации для защиты «короля и родины». Но который постепенно, на протяжении 2000-х годов, стал использоваться в ряде возглавляемых США коалиционных операций, которые впоследствии превратились в трясину.

В поиске соотношения национального и международного факторов речь идёт об одном: показать себя «хорошим союзником», близким и верным партнёром, который обеспечивает защиту северного фланга НАТО, но который также вносит существенный вклад в операции за рубежом, где это больше всего нужно США. В этом — норвежская стратегия, которая положена в основу политики по обеспечению безопасности государства. Она содержится в стратегических директивах правительства для главнокомандующего вооружёнными силами (Forsvarsdepartementet 2014) и в тех девяти задачах, которые Минобороны публикует каждый четвёртый год, при смене правительства: сдерживать Россию основываясь на членстве в НАТО,

защищать свою страну и другие страны НАТО в соответствии с пактом солидарности альянса, предотвращать и урегулировать эпизоды и кризисы, создавать систему принятия решений, базирующуюся на итогах работы разведки и службы безопасности, отстаивать норвежский суверенитет, осуществлять управление государством, участвовать в урегулировании международных кризисов, способствовать международному выполнению программ по укреплению военной инфраструктуры и способствовать национальной безопасности (Forsvarsdepartementet 2008, 54–59; Forsvarsdepartementet 2012, 47–52; Forsvarsdepartementet 2016, 21–27).

Главный аргумент, затрагиваемый в этой книге, состоит в следующем: такая стратегия привела к продолжительному перерасходу в использовании вооружённых сил, поскольку они не соответствуют по своим размерам задаче сдерживания России на севере и решению внешних задач на юге одновременно. Спустя почти 20 лет после старта одних из самых радикальных реформ в норвежской общественной жизни в наши дни мы уже можем оценить стратегические последствия перерасхода.

Первое последствие этого проявилось в уязвимости национальной обороноспособности, которая может быть восполнена только при помощи американских вооружённых сил. Поэтому норвежскому правительству стало ещё более важно, чтобы Норвегия воспринималась как «хороший союзник». Это породило *дилемму зависимости*. С одной стороны, норвежские власти должны идти навстречу американскому нажиму и предоставлять свои вооружённые силы для операций за рубежом. С другой стороны, это приведёт к более быстрому износу вооружённых сил, потому что эти же силы должны быть одновременно использованы в ежедневных операциях на круглосуточной основе дома. Одновременность использования военных контингентов *дома и за пределами страны* создаёт пробел в национальной обороноспособности. Пробелы должны заполняться американскими вооружёнными силами (Forsvaret 2015), потому что норвежские власти больше не в состоянии поддерживать национальную обороноспособность при малейшем конфликте более нескольких дней. Даже небольшие происшествия и эпизоды при столкновении с Россией могут поэтому быстро стать настолько серьёзными, что союзнические консультации с Вашингтоном и Брюсселем должны проводиться как можно быстрее.

Дилемма зависимости от США приводит поэтому к новой дилемме — классической *дилемме безопасности* по отношению к России. Дилемма безопасности чаще понимается как ситуация, где два государства или альянса государств наращивают свою военную активность, потому что противная сторона делает то же самое. Тем самым создаётся обстановка, характеризующаяся возрастанием напряжённости и подозрительности в приграничных районах, а подобные намерения, ставшие достоянием гласности, говорят о том, что способность и готовность напасть друг на друга возрастают. Это приводит к парадоксальному итогу: обе стороны достигают не большей безопасности, а меньшей, несмотря на то что изначально меры принимались для усиления собственной безопасности (Herz 1950; Snyder 1984). С точки зрения Норвегии это означает, что военная доктрина, которая всё более «приспосабливается под нужды Альянса», также расширяет американское присутствие в норвежских приграничных районах, что вызывает ответные меры со стороны России. Не потому, что Россия боится населения Норвегии в 5,3 млн человек или горстки норвежских воздушных, военно-морских и сухопутных подразделений, которые едва ли смогут поддерживать постоянную готовность в течение нескольких дней. Россия опасается, что норвежское правительство одобрит политику, согласно которой норвежские воздушные, морские пространства и сухопутные территории будут открыты для действий американских вооружённых сил.

Таким образом, США заполняет созданный Норвегией вакуум на территории, находящейся вплотную к российским границам. С российской точки зрения, это драматическим образом сокращает стратегическое время раннего оповещения ядерных сил на Кольском полуострове. И с этим важно разобраться, потому что это касается выживания государства и безопасности населения. Рост военного присутствия, вместе с активизацией контроля и сбора разведывательной информации на норвежской стороне границы становятся постоянными. Тем самым создаётся модель, которая быстро пускает корни по обе стороны норвежско-российской границы: рост подозрительности и большие проблемы в создании каналов для диалога, сотрудничества и инициатив по созданию доверия. Как ни парадоксально, это приводит к тому, что США, Россия и Норвегия получают меньше безопасности, хотя все пытаются её повысить.

В таких условиях нужно совсем немного, чтобы возникла *дилемма эскалации* для Норвегии: в этих условиях может скорее возникнуть вооружённый конфликт, который будет настолько крупным, что потребует американского вмешательства (Diesen 2013). Следовательно, самым рациональным решением для властей в этой ситуации будет эскалация кризисов с Россией, которых в других условиях можно было бы избежать. В противном случае, если «не высовываться», чтобы самим не провоцировать конфликт, то это приведёт к постепенному разрушению обороноспособности в течение нескольких дней. Это может случиться даже без единого выстрела. Для малых государств, которые менее сильны в военном плане, но которые получают полную поддержку от великой державы, лучшей стратегией становятся «решительные жёсткие шаги» путём быстрой и интенсивной эскалации кризисных ситуаций. Примером тому может послужить маленькое королевство Пьемонт на севере Италии, которое в 1859 году напало на Австрию, потому что Пьемонт рассчитывал на помощь Франции. Другой пример — Сербия, которая в 1914 году напала на Австро-Венгрию¹, потому что знала, что получит поддержку со стороны России.

Эти три дилеммы будут обсуждаться более подробно в 4-й главе по отношению к США и в 5-й главе — по отношению к России. Суть этого — довести до широкого сведения мысль, что недостатки будут всегда, несмотря на то что малые, зависимые от альянса страны пытаются достичь безопасности при помощи вооружённых сил. Другими словами, норвежские власти должны постоянно балансировать между противоречивыми взглядами и пересекающимися интересами. В норвежском случае эти три дилеммы привели к ряду парадоксальных результатов. И если мы посмотрим на десятилетний период 2008—2018 годов в целом, может показаться, что Норвегия обеспечила себе меньше безопасности, а не больше. И не обязательно потому, что Россия напала на Грузию и Украину², или потому,

¹ В обоих случаях автор имеет в виду слишком смелые действия правительств Пьемонта и Сербии, соответственно, которые отказались выполнить условия австрийских ультиматумов. Если исходить из буквы закона, то и в 1859-м, и в 1914 году войны объявила именно Австрия и именно ее вооружённые силы начали в обоих случаях военные действия. — *Примеч. ред.*

² Являясь специалистом прежде всего во внутриевропейской и норвежской политике, автор не вникает в особенности постоянно упоминаемых им событий в Южной Осетии, в Крыму и на Украине, а ограничивается лишь декларациями, исходя из общей их трактовки на Западе и тем более в НАТО. — *Примеч. ред.*

что Россия пытается расширить сферу своего влияния на бывшие советские республики. Суть этой книги в том, что положение с безопасностью Норвегии стало хуже, потому что Норвегия стала более опасной для России. Является ли комбинация из роста зависимости на западе, расширения дилеммы безопасности на востоке и роста склонности к эскалации кризисов, которых можно было бы избежать, является именно тем, что приводит к вопросу: получили ли мы *более опасную Норвегию?*

Структура книги

В последующих главах всё устроено следующим образом. В начале 2-й главы обсуждается стратегическая ценность северных территорий, которые, с американской и российской точки зрения, имеют большое значение для их собственной безопасности. Основной вопрос состоит в том, как норвежские власти распоряжаются этими территориями и почему временами становится трудно объяснить подобные действия обществу. Затем, в 3-й главе мы попробуем понять более основательно, как потеря этого значения территории в 1990-х годах, после развала Советского Союза, повлияла на норвежское военное мышление. Сначала мы сделаем это эмпирически, описывая, как правительство представило стратегию, рассчитанную на то, чтобы стать «лучшими в НАТО» в том, что касается военных реформ на рубеже тысячелетий. Затем теоретически, чтобы осветить, как норвежское мышление по вопросам безопасности превращается из оборонительной в более наступательную форму реальности. В главах 4 и 5 обсуждаются последствия норвежских решений, которые были приняты на рубеже веков. Сначала в свете дилеммы зависимости от США, затем в свете дилеммы российской безопасности. В 6-й главе мы обсудим, как зависимость от США проявлялась за счёт большего вклада в операции за границей. Сначала будет описана непредсказуемость самой динамики, в которую были втянуты норвежские власти, когда локальные, региональные и глобальные конфликты наслаиваются друг на друга. Затем обсудим политическую и военную настороженность, которая вытекает из этой непредсказуемости, с акцентом на норвежский предпочтительный вклад в силы, заключающийся в использовании спецназа и разведывательных

подразделений. Это приводит нас к 7-й главе, где, абсолютно естественно, мы обсудим всеобщие трудности в выработке соотношения между открытостью и засекреченностью. Наконец, в 8-й главе мы выведем заключения, которые покажут более обобщённо, насколько Норвегия стала более опасным игроком в своём регионе и какие проблемы возникают в ходе поддержания баланса между «быть хорошим союзником» на западе и «хорошим соседом» на востоке.

Глава 2

ЗНАЧЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Задача этой главы — обсудить то, как значение норвежских, а также шведских и финских территорий влияет на оценки безопасности, с учётом отношений этих стран с Россией. Замысел состоит из трёх частей: частично это попытка получить более чёткое представление о том, какие дилеммы встают перед властями Норвегии и Северных стран, когда они разрабатывают свою собственную оборонную стратегию. Частично — чтобы добиться более чёткого понимания того, как эти оценки будут восприниматься на различных «аренах»: дома, в США и в России. И, наконец, в норвежском контексте — почему временами такие оценки бывает сложно донести до сведения общества. Сначала будет обсуждаться, как положение Северных стран между США на западе и Россией на востоке оказывает влияние на выбор властей. Затем Швеция и Финляндия будут приведены в качестве примера того, как оценки географического положения отражаются на понятиях «союзническая арена», «арена противника» и «домашняя арена». В конце обсудим возможные причины того, почему такие оценки могут быть спорными, и, следовательно, сложными для изложения обществу в целом.

Предыдущую главу мы закончили вопросом о том, стала ли Норвегия более опасным игроком в своих собственных приграничных районах. Это подозрение основано на возросшей зависимости Норвегии от США, что, в свою очередь, увеличивает риски развития дилеммы безопасности по отношению к России. С недостаточно

самостоятельной обороноспособностью малое государство становится скорее более склонным к эскалации, чем к деэскалации кризисов, чтобы это не привело к *fait accompli*¹ с Россией. Под этим подразумевается ситуация, когда мнения членов НАТО по подобному вопросу расходятся и длительные процессы принятия решений 29 странами-участницами приводят к тому, что подкрепления вообще не поступают, либо прибывают слишком поздно, либо сводятся к небольшому количеству военных контингентов. Такая логика интуитивно не понятна и может даже показаться абсурдной. Могут, например, возразить, что Норвегия — малая страна и что норвежские власти зависят от того, чего великие державы сами хотят на севере. Поэтому норвежские власти не могут быть порицаемы или подвергнуты критике, когда возрастает непредсказуемость развития обстановки в собственных приграничных районах. Выборы, которые делаются при этом в Осло, — всего лишь естественное следствие решений Вашингтона и Москвы. В этом отношении можно утверждать, что принимаемые Норвегией меры оборонительного характера направлены лишь на то, чтобы обеспечить её наибольшую безопасность исходя из складывающихся условий. Но географическое положение между США на западе и Россией на востоке предоставляет много возможностей. Поэтому важно то, как ими распорядиться.

Естественной отправной точкой в такой дискуссии может являться положение, что российская демонстрация силы в российско-норвежской приграничной зоне должна быть встречена с твёрдой принципиальностью и вызвать реальное противодействие. Это, в частности, включает в себя «...рост значения союзнического присутствия в Норвегии для подготовки более эффективного сотрудничества с выбранным союзником» (Forsvarsdepartementet 2019, 4). Это также касается мирного времени, потому что норвежские вооружённые силы уже не в состоянии сами обеспечить безопасность страны. Это означает, что от политических директив 2014 года, согласно которым Вооружённые силы должны были справляться с серьёзными кризисами в области политической безопасности собственными силами, пришлось отказаться (Forsvarsdepartementet 2016, Braanen 2019). Слишком долгие размышления, слишком большое внимание к российской точке зрения и, конечно, слишком боль-

¹ Свершившийся факт (*фр.*).

шая уступчивость будут быстро истолкованы как признак слабости и таким образом откроют возможности для усиления российского давления на следующем перепутье.

Многие скажут, что это типичная черта российской политики — заставить себя уважать и не позволять другим государствам оказывать на себя давление. Потому что если подобное произойдёт, это будет очевидным нарушением основополагающей логики в международной политике: явный признак слабости — это дать противнику возможность оказывать на себя больше давления. Россия следует железному закону реализма, который лучше всего выражен в клише, взятом из Мелосского диалога: «Сильный делает то, что может, а слабый терпит то, что должен терпеть» (Thukydides 2006). Но это не то же самое, что утверждать, что Россия более склонна к войне, чем, например, США. Наоборот. Эта цитата говорит о взгляде России на мир. Мир управляется государствами с доступом к наибольшему количеству военных средств воздействия, и эти государства прежде всего заинтересованы в продвижении собственных, а не чужих интересов (Lebedeva 2004). Поэтому в российской приграничной зоне, которая включает в себя 14 стран-соседей, ведётся непрерывная борьба за то, чтобы обеспечить себе как можно больше влияния (Galeotti 2010; Renz 2010). Таким образом, с российской точки зрения, политика интересов больше рассматривается как всеми признанный закон природы. Это, в частности, было выражено в интервью норвежского исследователя России Гейра Хённеланда с российским исследователем по рыболовству из Мурманска в начале 1990-х годов: «Конечно, то, что осложнение проблем для России в норвежских интересах — это чисто экономическая теория» (Hønneland 2013, 94).

Но есть также веские причины утверждать, что малые государства должны сами брать на себя ответственность за то, чтобы не превращать ситуацию в более напряжённую или непредсказуемую, чем она, строго говоря, должна бы быть. Ведь принятие таких мер для обеспечения национальной безопасности, как размещение американских солдат на норвежской земле или использование «... гражданской и военной инфраструктуры для поддержания союзнического присутствия» (Forsvarsdepartementet 2019, 4) может быстро ударить по самому себе, потому что эти действия с российской точки зрения часто воспринимаются как угрожающие и приводят к ответным мерам. Ведь чем опаснее становится обстановка в норвежском

регионе, тем выше в российском списке целей поднимается критически важная норвежская общественная инфраструктура. Как это ни парадоксально, меры, которые вводятся частью государственного аппарата, как в этом примере Министерством обороны, приводят к тому, что норвежское гражданское население, согласно заявлению Службы безопасности полиции Министерства юстиции, общественной безопасности и иммиграции Норвегии, становится объектом более пристального внимания в российском военном планировании даже мирное время (PST 2019).

Ведь российские военные не слишком отличаются от своих западных коллег. Когда норвежские, шведские или финские аэропорты, радары и морские порты вместе с национальным воздушным и морским пространством и сухопутными территориями всё теснее увязываются с американскими планами по повышению боеготовности и укреплению обороны, гражданское население и критически важная общественная цифровая инфраструктура тоже становятся более подвержены российскому разведывательному проникновению. Это касается не только кризисного и военного, но также и мирного времени, где этот вид информации учитывается в российских военных планах боевой подготовки на локальном уровне в Мурманске, на региональном уровне в Санкт-Петербурге и на стратегическом уровне в Москве. Это представление также разделяется Управлением национальной безопасности, которое в 2018 году утверждало, что

разведка и выявление уязвимых мест выполняется как подготовительный этап дальнейших операций. Это включает в себя нормальное использование открытых источников, вместе со сбором и расшифровкой сообщений соответствующих служб (NSM 2018, 10).

Чтобы российские контрмеры были реализованы в военное время, они должны быть — подобно норвежским и американским контрмерам — обозначены и подготовлены ещё в мирное время. Это вызывает цепную реакцию у остальных северных соседей, то есть собственные действия могут быстро повлиять на стабильность в прилегающих районах на севере, положением дел в которых власти больше всего обеспокоены. Ведь несмотря на то, что малые страны — Норвегия, Швеция и Финляндия — никоим образом не могут угрожать России своими вооружёнными силами, они могут

найти средства принуждения, которые повлекут за собой серьёзные региональные последствия. Не только для них самих и для соседних государств Северной Европы, но и для военного планирования великих держав в Вашингтоне, Брюсселе и Москве. Таким образом, появляется новая дилемма. С одной стороны, американская и российская уступчивость может быть быстро воспринята как проявление слабости или недостаточной воли отстаивать собственные интересы. С другой стороны, слишком большое военное присутствие может также привести к беспокойности и росту военного потенциала с противоположной стороны.

Сила географического расположения

Поэтому малым государствам важно помнить, что сила — это не просто доступ к военным средствам. Сила — это также способность получать доступ к принятию решений, быть услышанным и, возможно, даже заставить других прислушаться к себе в ходе формальных и неформальных процессов принятия таких решений. Поэтому для правительства важно добиться присутствия отдельных норвежских руководителей в качестве важных участников в американском процессе планирования и принятия решений. Примером тому может послужить бывший министр иностранных дел и министр обороны Юхан Йорген Хольст из Рабочей партии, который пользовался большим уважением в высших кругах Армии США в 1980–1990-х годах, вплоть до своей кончины в 1993 году. Другим примером может быть министр обороны от Консервативной партии второго кабинета Бунневика, Кристин Крон Девольд. Она добилась тесного взаимодействия с министром обороны США Дональдом Рамсфелдом в 2001–2005 годах и получила высшую награду, которая может быть вручена министром обороны США иностранному гражданскому лицу (Egeberg 2017). Третий пример — министр обороны в 2013–2017 годах Ине Мари Эриксен Сёрейде, которая входила в ближайший круг министра обороны США Эштона Картера во время военных действий в против ИГИЛ в Сирии (Pellerin 2016). С таких позиций становится возможным влиять на важнейшую оценку цены-пользы партнёров по альянсу. И это касается не только столкновения с возможным противником,

как часто понимается понятие силы. Это применимо не только к малым зависимым от союзников странам, которые в 2000-е годы решили свернуть бóльшую часть своей национальной обороны, это в равной степени относится и к великим державам, потому что они располагают вооружёнными силами, от которых малые страны полностью зависят в поддержании надёжности обороноспособности в пределах собственных территорий. Отношение Норвегии к США является тому примером, но об этом поговорим подробнее в следующей главе. Пока мы просто констатируем, что норвежские политики и чиновники вместе с высокопоставленными офицерами из норвежской воздушной, морской и сухопутной обороны активно используются для продвижения особых норвежских взглядов и интересов. Соответственно, в периоды, когда отношения между США и Россией становятся особенно холодными, очень важно воспользоваться значением собственной территории, чтобы увязать норвежские и американские интересы безопасности теснее: «Наша способность [...] поддерживать союзническую поддержку, присутствие и учебную подготовку в Норвегии является главным средством для поддержания норвежского влияния в приграничных районах (Forsvarsdepartementet 2019, 3).

Это объясняется тем, что Норвегия находится слишком близко от районов расположения российских ядерных сил на Кольском полуострове и в 65 км от одного из пяти складов с атомным оружием Северного флота около Губы Нерпичьей (Nilsen 2018b). Новое, четвёртое поколение российских атомных подлодок так называемой серии «Ясень» базируется в Западной Лице, всего в 40 км от норвежской границы (Ibid. 2019). Это — самые тяжело вооружённые подлодки России с 30 торпедами и 40 крылатыми ракетами, которые могут находиться в открытом океане около 100 дней (Olsen 2018). Таким образом, и США, и Норвегия оказываются в «одной лодке» у норвежского побережья: у двух государств — несмотря на большую разницу в потенциале военной силы — есть общий интерес препятствовать России в создании угрозы. Для норвежских властей выигрыш в такой политике безопасности может быть значительным. Потому что норвежско-российский конфликт не обязательно закончится ограниченной войной в рамках Норвегии, но, скорее всего, дело дойдёт до вовлечения в него союзников — и начнётся более равная борьба за Норвегию (Holst 1967).

При таком раскладе «продажа» американским властям информации, добытой норвежской разведкой, становится важным делом. Это объясняется не только тем, что США, аналогично многим другим странам Европы, во многом свернули после окончания «холодной войны» свою разведывательную деятельность против России. Это также касается получения американской стороной реальной и максимально точной картины происходящего на Кольском полуострове и, возможно, в северных регионах. Благодаря этому норвежские и американские власти могут совместно принимать быстрые решения, которые будут основаны на общем понимании положения дел на севере. Об использовании Норвегией данных разведки в качестве стратегического средства отношений с США мы поговорим в 6-й главе, когда будем обсуждать ситуацию с зарубежными операциями.

Одновременно можно также утверждать, что сила — это нечто большее, чем просто переложить оборону Норвегии на плечи Соединённых Штатов. Сила заключается также в способности влиять на оценку цены-пользы США на западе (за счёт разведывательной информации и личных связей) и России на востоке (за счёт её сдерживания американскими военными контингентами в северных регионах). Сила может также способствовать разрешению напряжённых моментов, инцидентов и кризисов на национальном уровне самостоятельно. Другими словами, сила — это способность сохранять национальный контроль над обстановкой, когда та немного отклоняется от нормального мирного положения дел. Поскольку нельзя быть уверенным, что способ, которым великие державы будут решать возникшие кризисы, будет соответствовать интересам малого государства. Бессилие, которое Норвегия испытывает в поддержании внушительности своей обороны и присутствия в своих важнейших стратегических районах даже в мирное время, увеличивает опасность того, что великие державы окажутся ближе друг к другу. Бессилие приводит к тому, что контроль над тем, как урегулируются кризисы в собственных регионах, передаётся другим. Тем самым создаётся благоприятная почва для нежелательной милитаризации обстановки в собственных районах, что осложняет работу с крупными нефтяными, газовыми и рыболовными ресурсами у побережья страны.

Эта проблема обострилась в наибольшей степени в ноябре 2018 года, когда российские власти предупредили авиакомпанию

*Avinor*¹ о том, что Северный флот осуществит запуск ракет в международном воздушном пространстве у побережья Мёре-ог-Ромсдал. Несмотря на то что запуск не состоялся, российское сообщение вызвало обеспокоенность правительства и в районах нефтегазового промысла в регионе. В частности, это привело к тому, что Кризисный комитет Министерства юстиции, общественной безопасности и иммиграции Норвегии собрал представителей норвежских Министерств обороны и нефти и энергетики на экстренное совещание (Lysberg og Tallaksen 2018b). В дальнейшем обеспокоенность ещё более усилилась, потому что часть районов этих учений совпала с районом учений НАТО *Trident Juncture 2018*, и потому что запуск ракет также мог повлиять на полёты вертолётов между материком и нефтегазовыми месторождениями Норн, Хейдрун, Кристин и Асгард.

Однако сила в норвежском контексте — это нечто более сложное, чем запугивание России американским присутствием, приближающимся всё ближе к районам сосредоточения российских сил второго удара. Сила также заключается в способности договориться с великими державами о получении доступа к военному оборудованию за небольшие деньги. Таким образом, Норвегия может решить небольшие конфликты и кризисы самостоятельно, не увеличивая напряжённости, из-за приглашения США находиться ещё ближе к российским базам на Кольском полуострове. Это не является чем-то новым. Во времена «холодной войны» американские власти передали большое количество вооружения Норвегии, например береговые патрульные самолёты для базирования на острове Аннёйя и разведывательные установки для размещения в губернии Финнмарк. Потому что США и Советский Союз сами были заинтересованы в том, чтобы Норвегия самостоятельно могла ответить вызовы своей безопасности, чтобы не возростала ненужная напряжённость (Vørresen, Gjeseth og Tamnes 2004).

Также можно утверждать, что сила — это способность мыслить творчески, находить новые и лучшие договорённости о сотрудничестве и через какое-то время вырабатывать доверие по обе стороны границы. Таким образом, сила проявляется в способности выразить

¹ *Avinor* — норвежская государственная авиакомпания, управляющая большинством гражданских аэропортов Норвегии; сотрудничает с Королевскими военно-воздушными силами Норвегии и отвечает за управление воздушным трафиком в Норвегии. — *Примеч. перев.*

желание вести диалог в «мягких» политических сферах, которые со временем могут конкретизироваться, развиваться и передаваться на более высокие и влиятельные политические уровни. Примером тому может послужить работа Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству 1976 года. Несмотря на то что этот способ урегулирования конфликта иногда использовался российской стороной для оказания давления на Норвегию (Tamnes 1997), можно утверждать, что подобные формы взаимоотношений со временем способствуют в определённой степени «социализации» норвежских и российских властей. Постепенно обе стороны вырабатывают определённые правила игры, которые должны будут в дальнейшем соблюдаться военными обеих стран в отношениях друг с другом (Østhagen 2018). Это прежде всего касается тех вопросов, в которых государства изначально были не согласны друг с другом и где, в узком смысле слова, могло бы быть соблазнительным использовать военную силу для собственных интересов, но где государства воздерживаются от этого, потому что это пошло бы вразрез с теми путями, которые были проложены на протяжении истории. Поэтому со временем создаются более широкие и долговременные программы сотрудничества в общих интересах (Christensen et al. 2009), и это способствует поддержке стабильности и хороших отношений по обе стороны границы (Østhagen 2018).

Таким образом, Норвегии не нужно бояться российского превосходства вооружённых сил каждый раз, когда появляются разногласия в северных районах, потому что «отсутствие приоритетов среди обсуждаемых вопросов означает [...], что военная безопасность не всегда стоит на повестке дня» (Nye og Keohane 2002, 21). Значение этого высказывания более важно для малых, чем больших государств. Потому что асимметричный баланс между норвежскими и российскими вооружёнными силами влечёт за собой бóльшую потребность для Норвегии, чем для России в определении круга вопросов, по которым у обеих стран есть общие интересы. И если эти общие интересы вдобавок увяжутся с установленным порядком, многосторонними соглашениями, конвенциями и трактатами, этот асимметричный баланс военной силы между двумя странами сможет в определённой степени выровняться.

При создании подобной плотной сети пересекающихся сфер сотрудничества, которая поколениями складывалась между США

и Европой, сила становится вопросом поддержания разумно обусловленных отношений. Это означает, что Норвегия и остальные малые северные государства, изначально располагая небольшими вооружёнными силами, тем не менее имеют достаточно возможностей, чтобы заставить Россию делать то, «что она иначе не стала бы делать», если использовать более обобщённое определение силы (Dahl 1957). Ведь теснее привязывая себя к США и отдавая свои воздушные, морские пространства и сухопутные районы в распоряжение Армии США, сами норвежские, шведские и финские правительства могут прибегать к проявлению своей силы, что быстро вызовет прямые последствия как для российской, так и для американской и европейской безопасности.

Это зависит от того, как вырабатываются российские оценки цены-пользы решений, при обострении обстановки, потому что власти в Москве должны учитывать, что Северные страны могут быть важными плацдармами и логистическими узлами для развёртывания американских вооружённых сил, которые будут введены в дело для защиты Норвегии и Прибалтики. Это также касается того, по каким причинам российские планы обороны меняют свой характер. Дело, в частности, состоит в том, что национальные сценарии, которые ложатся в основу разработки планов российского Генштаба, характеризуются в большей степени борьбой за обеспечение существования своей страны, а не полицейскими задачами, связанными с сохранением и поддержанием мира или подавлением восстаний на юге России¹. Это проявляется и в том, какие методы и маневры российские вооружённые силы отрабатывают во время военных учений. В приоритете остаётся быстрое сосредоточение сил, достижение локального превосходства путём масштабной мобилизации, перемещение обычных и ядерных сил, а не продолжительное подавление восстаний в различных менее напряжённых конфликтах (Etterretningstjenesten 2018; Norberg 2018).

Поэтому стратегическая ценность норвежских, шведских и финских территорий, прилегающих к российским районам, становится главным козырем для Северных стран в переговорах с США. В периоды прохладных отношений между Востоком и Западом

¹ Скорее всего, в данном случае автор имеет в виду ситуацию на Северном Кавказе, причём используя в данном случае категории конца 1990–2000-х годов. — *Примеч. ред.*

расположение Северных стран вблизи России становится важным козырем, который позволяет Северным странам, изначально не представлявшим интереса для США, тем не менее «расти» по своей значимости в глазах США, как это часто называется, *NATOs beauty contest*¹, — где европейские страны-участницы постоянно конкурируют, чтобы привлечь к себе внимание США (Heier 2006). Таким образом, нужно совсем немного, чтобы малые государства с 5–10 млн жителей получили доступ к американским лидерам и руководителям в Пентагоне, Государственном департаменте, ЦРУ, Разведывательном управлении Министерства обороны и ко многим другим ключевым фигурам в американской системе принятия решений.

В этом смысле важной картой на переговорах становится то, как малые государства распоряжаются своим стратегическим расположением. Это распоряжение силой измеряется не в количестве истребителей, бригад или фрегатов, а скорее качественно — в степени влияния или наличия средств для достижения цели (Ruggie 1994; Nye 2011; Thorhallsson 2012). Степень союзнической «интеграции» или участия в «защите» США (Tamnes 1987) становится мерилом того, насколько большим или маленьким будет пространство манёвра Северных стран. Такое понимание своей силы на Севере является важнейшей отправной точкой для российской деятельности по сбору разведывательной информации для российского оборонительного планирования и формирования представления об обороноспособности. Поэтому встречи и высказывания на высшем уровне, например первая встреча после аннексии Крыма премьер-министра Эрны Сульберг и президента Владимира Путина в Санкт-Петербурге в апреле 2019 года, становятся менее важными. Это не то же самое, что сказать, что политические встречи на высшем уровне уже не имеют значения. Дело в том, что постоянное американское военное присутствие у российских границ гораздо важнее слов, сказанных на высшем уровне. Эти суровые реалии, которые конкретными и решительными способами разыгрываются на земле, на море и в воздухе — в Норвегии и в прилегающих к ней районах, — являются важнейшими отправными точками для принятия решений российским госаппаратом.

¹ Конкурс красоты НАТО (англ.).

Важнее слов и политических высказываний является также то, насколько хорошо подготовлены планы обороны и мероприятия Северных стран для принятия американских воинских контингентов. С российской точки зрения, сюда входят пропускная способность и доступность морских портов, аэропортов, наличие радарных установок, заблаговременно созданных хранилищ вооружений и сетей связи, всего того, что является решающим для скорости и внезапности переброски вооружённых сил США. В более широком стратегическом контексте можно таким образом утверждать, что сила, которой располагают Норвегия, Швеция и Финляндия благодаря своей географической близости к России, — большая. Потому что у Северных стран есть одна вещь, которой нет у России: возможность быть ближе или дальше в отношениях с США — в зависимости от того, будет ли Россия вести себя более или менее угрожающе.

Эта логика частично вписывается в логику политики безопасности стабилизирующего «северного баланса» времён «холодной войны» (Brundtland 1966). Ведь если бы Советский Союз слишком сильно давил на Финляндию, норвежские власти начали бы беспокоиться. Такая обеспокоенность могла бы повлиять на уменьшение Норвегией самоограничений по отношению к США, что, в свою очередь, могло бы увеличить опасность роста количества американских вооружённых сил на норвежской земле вблизи советских границ. То есть, если бы Советский Союз надавил бы на Финляндию, ослабление норвежских мер умиротворения отразилось бы на нём самом.

Игра коалиций

В то же время нет никакого стандартного ответа, что правильно, а что нет, ведь все средства принуждения являются *двуликим Янусом*: выбираемые Норвегией и другими малыми государствами решения, которые на первый взгляд могли бы показаться разумными, в действительности могут быстро ударить по ним самим. Это, опять же, может привести к снижению уровня безопасности, а не к его повышению. «Рациональная политика — это не обязательно та политика, которая даёт наилучший результат в отношениях с противником, но это такая политика, которая даёт наибольшую выгоду или приводит к меньшим потерям в других политических играх» (Kjølberg 2013, 29).

Эти игры, связанные с желанием быть «хорошим союзником» США и одновременно в потребность быть «хорошим соседом» России, на которые мы ссылаемся, были описаны в 1-й главе. Дилемма малого государства — в том, насколько далеко власти могут идти навстречу ожиданиям США, например, в соотношении риска и тягот в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, прежде чем это начнёт происходить за счёт нанесения ущерба национальной обороноспособности в Финнмарке и Баренцевом море. Ведь если желание быть «хорошим союзником» за пределами своих границ будет происходить за счёт самообороны своей страны, станет сложнее поддерживать добрососедские отношения с Россией. Ведь, когда приоритетными становятся участия в коалиционных зарубежных операциях, проводимых под руководством США, это приводит к национальному перерасходу [вооружённых сил], который, в свою очередь, увеличивает потребность в присутствии крупных американских контингентов вблизи российских границ. Этот перерасход объясняется недостатком предвидения в определении приоритетов, приводящим к тому, что выбор решения по одной проблеме может привести к риску нанести себе ущерб, но в решении другой проблемы.

В таких играх, которые в политологии часто называются *nested games*¹ (Tsebelis 1990), последствия собственных решений могут быстро принимать неожиданные формы, которые в конце концов обеспечивают государству и населению не усиление безопасности, а её ослабление. Не потому, что дилемма безопасности возникает между двумя странами, которые наращивают вооружение по обе стороны границы и тем самым увеличивают опасность возникновения войны. Скорее потому, что должны сторонами вырабатываться компромиссы и предприниматься поиски путей сближения различных взглядов и пересекающихся интересов, возникающих в различных географических регионах, в которых власти вовлечены в урегулирование военных конфликтов. Конечный результат сближения различных мнений часто характеризуется выражением «ограниченная рациональность» (Christensen et al. 2015), поскольку подразумевает достижение компромиссов, которые, в узком смысле

¹ Термин *nested games* можно дословно перевести как «гнездовые» или «вложенные игры», эта теория посвящена исследованию применения игр сплоченности коалиций — как политических, парламентских, так и международных. — *Примеч. ред.*

слова, предстают субоптимальными решениями. Изолированно каждая альтернатива решению могла бы быть разумной на своей арене, но если рассматривать эти альтернативы во взаимосвязи, то они оказываются несовместимы. Таким образом, нужно выработать «наименьшее кратное число», которое в достаточной степени будет принимать во внимание интересы, представленные на различных аренах.

В этой главе основные арены называются «союзнической ареной», «ареной противника» и «домашней ареной». Вопрос заключается в том, как более конкретно понять взаимосвязь этих арен. Примером может быть то, как Швеция и Финляндия балансировали между тремя аренами. После российской аннексии Крыма была сильно развита активность на «союзнической арене» с американскими силами. Более тесное и более формализованное военное сотрудничество США с ранее нейтральными государствами стало возможно, потому что ценность шведской и финской территории в глазах США возросла. Причиной этого было то, что американским властям уже давно было нужно успокоить Польшу и балтийские страны-участницы НАТО, которые после аннексии Крыма задавались вопросом: будут ли они следующими объектами нападения. Если бы американские вооружённые силы не представили бы убедительные доказательства своей помощи и присутствия в государствах-союзниках, находящихся в российской пограничной зоне, сомнения указанных государств могли бы быстро оправдаться. Это особенно касается отношений к России, Ирану, Китаю и Северной Корее, которых всегда интересовало, хватит ли у США политической воли и военной способности защищать своих союзников в Европе. Ведь с начала срока президентства Обамы (2009–2017) тенденция была прямо противоположной, ибо были признаки проявления сдержанности в борьбе за международное влияние (Melby 2017).

Это сомнение касалось бы не только обязательств США в Европе, но и ситуации на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, где американские соперники неусыпно следят за военными действиями великой державы. Признак слабости, как, например, американское промедление или уступчивость в регионе Балтийского моря, в таком случае будет быстро использован в собственных интересах, в частности в форме более самоуверенной российской политики

в собственных прилегающих регионах. Например, нельзя исключить того, что отсутствие американского лидерства в регионе Балтийского моря могло бы мотивировать Россию увеличить давление на Грузию или Украину в вопросах об их будущем членстве в НАТО; не оккупируя их территории полностью или частично, а посредством более тонкого давления. Комбинация из дипломатических инициатив, военного превосходства, торговых барьеров, сбоев в предоставлении цифровых услуг населению может повлиять на выбор пути в политике безопасности двух государств, находящихся между США на западе и Россией на востоке.

Такой способ рассматривать игру великих держав — обычная практика в международной политике. Этот способ также помогает объяснить, почему США в течение многих месяцев после российской аннексии Крыма решили быстро перебросить воздушные, морские и сухопутные войска в регион Балтийского моря, ближе к Прибалтике и российским границам. Переброска американских подразделений в Польшу и Прибалтику не могла ждать окончания медленного процесса принятия решений в НАТО, где, например, Германия отнеслась крайне скептически к проводимой США милитаризации Восточной Европы (Heier 2019a). Переброска американских сил, которые также состояли из спецназа и истребителей с американской базы в Великобритании, была названа Инициативой по обеспечению европейской безопасности до того, как НАТО постепенно — под управлением американского генерала, как постоянного руководителя Европейского командования НАТО — получило ответственность за то, что на языке НАТО называется расширенным передовым присутствием (*Enhanced Forward Presence*).

Тем не менее в связи с аннексией Крыма нужно было разрабатывать новые планы по боеготовности и укреплению обороны. Не в последнюю очередь это касалось стран Балтии, которые не получили этой помощи, когда стали членами НАТО в 2004 году. В 2014-м появилась срочная потребность в быстрой переброске сил из США в Восточную Европу либо через большие портовые терминалы в Нидерландах и Германии, через Норвегию и Швецию либо же через узкий пролив Каттегат. В любом случае, цель заключалась в том, чтобы военная помощь вовремя достигала бы восточноевропейских стран НАТО, запертых в бассейне Балтийского моря,

который сложно контролировать и защищать. В этом случае растёт напряжение во всей Северной Европе, поскольку американские истребители, морские корабли и воинские контингенты приближаются к российским системам обороны, расположенным от Баренцева моря до Санкт-Петербурга на севере и от Балтийского моря до Калининграда — на юге.

С точки зрения Швеции и Финляндии, тем самым становится разумным воспользоваться напряжённой ситуацией, чтобы усилить и развить собственное сотрудничество по обороне с США, в том числе в рамках возрождённой «союзнической арены». Несмотря на то что большинство населения этих двух стран настроены скептически к членству в НАТО, полным ходом развивается сеть перекрывающих друг друга договоров о сотрудничестве, которые в целом связывают Швецию и Финляндию крепче с находящимся под руководством США западным сообществом по безопасности. Причина того, что руководство является американским, а не норвежским, шведским или финским, — в том, что именно США располагают вооружёнными силами, которые нужны для защиты Северных стран. В свою очередь, у Северных стран нет военного опыта или достаточного количества воинских подразделений, чтобы принять на себя реальное лидерство и осуществлять командование даже на низшем тактическом уровне в системе управления обороной. Тем более что сами американские военные не захотят подчиняться командованию других стран, когда войдут в потенциальную зону конфликта. Таким образом, с российской точки зрения военная зависимость Севера означает, что на самом деле США руководят работой по составлению планов по боеготовности и укреплению обороны Северных стран. Таким образом, Северные страны становятся своего рода катализатором или помощником для быстрого ввода американских войск в регион.

Причиной того, что Швеция и Финляндия соглашаются создать общую «союзническую арену» с США, также является то, что кризис в Балтийском море не ограничится только Прибалтикой или Польшей, но он также будет включать в себя шведские и финские воздушные, морские пространства и сухопутные районы. Это происходит, в частности, из-за того, что стратегическое значение шведской и финской территорий играет большую роль, когда речь идёт о создании «стратегической глубины» и военного пространства для

манёвров американских сил в Северной Европе. Частично, чтобы постоянно поддерживать надёжную американскую оборону Польши и Прибалтийских стран — участниц НАТО; частично, чтобы обеспечить необходимый контроль над морскими проходами в северные районы Атлантики, чтобы российские самолёты и подлодки не препятствовали логистическому обеспечению операций. И, наконец, чтобы связать крупные российские силы в Северной Европе, пока США будут наращивать своё присутствие на юге, в регионе Чёрного моря. Подобная операция может проводиться не обязательно для нападения или нанесения поражения российским войскам, но и для того, чтобы заставить Москвы принять определенные политические решения.

Таким образом, создание «союзнической арены» — это отражение того, что шведские и финские власти в 2014 году столкнулись с теми же проблемами, которые встали перед норвежским правительством Герхардсена¹ после Второй мировой войны в 1945–1951 годах. В то время географическое расположение Норвегии расценивалось как слишком важное для окружающих великих держав, чтобы она могла рассчитывать на то, что не будет втянута в грядущую большую войну в регионе. После аннексии Крыма для шведских и финских властей стало важным формализовать западное сотрудничество по обороне. Таким образом, партнёрство с США может стать максимально конкретным и решительным, но в полной мере в рамках того, что приемлемо для населения (Dalsjø 2017; Egna og Petersson 2018). Это особенно касается жёстких бюрократических ограничений, которые серьёзно усложняют создание военных баз, проведения учений и облётов собственных территорий.

Но на «арене противника» эта форма силы, ведущей к сближению с США, абсолютно естественно привела к российским ответным мерам. Причина в том, что более активное американское присутствие в регионе выглядит угрожающим для российских вооружённых сил, которые размещаются на базах в Калининграде и Санкт-Петербурге. Когда американские эскадренные миноносцы с системой противоракетной обороны «Иджис» и высокоточные ракеты большой дальности могут уничтожить штаб-квартиру Генштаба в Москве

¹ *Эйнар Герхардсен* (1897–1987) — норвежский политик, руководитель Норвежской рабочей партии, премьер-министр Норвегии в 1945–1951, 1955–1963, 1963–1965 годах. — *Примеч. перев.*

за 15–16 минут с позиции на Балтийском море, это воспринимается как провокация. В связи с этим появляются ответные реакции, включая проведение учений без предварительного уведомления, отработка нападений на военные объекты, навязчивые облёты или даже нарушения шведского и финского воздушного пространства (Goldman 2015). Это может также выражаться в формах саботажа работы критически важной общественной инфраструктуры, как, например, демонтаж базовых ретрансляционных станций, взлом государственных радиоканалов с дезинформацией населения о террористическом нападении на аэропорт Стокгольм-Арланда (Reuters 2016; Stormark 2016). Нарушение деятельности критически важной общественной инфраструктуры и дезинформация, переданная по государственным новостным каналам, которым доверяет население, может быстро вызвать волнение и беспокойство. Это, в свою очередь, может вызвать обеспокоенность политиков и повлиять на их чувство ответственности перед собственным населением, которое хочет, чтобы его желания находили отражение в принимаемых решениях.

Тем самым внутри шведского и финского общества — на так называемой «домашней арене» — ряд больших и малых местных сообществ вдоль Балтийского моря будет проще подвергать тому, что часто называется «нежелательным российским вниманием». Это может, например, происходить через активизацию шпионажа, пропаганды, подрывной деятельности и саботажа, в том числе чтобы протестировать готовность двух стран к урегулированию кризисов. А также — чтобы зафиксировать присущие уязвимые места в критически важной общественной цифровой инфраструктуре шведского и финского государственного управления. Получение таких сведений, которые будут использованы российскими властями в кризисных ситуациях и которые смогут легко вызвать волнение, беспокойство и страх в гражданском обществе, если государственные и частные общественные службы будут полностью или частично выведены из строя путём кибератак. Именно этот страх будет наиболее вероятно использован для влияния на шведские и финские процессы принятия решений, если смотреть на это дело с российской точки зрения. Это особенно важно при рассмотрении вопроса о том, насколько разумно приглашать американские силы в страну при напряжённых ситуациях.

От буфера к трамплину

Смысл этого примера с Северными странами — в том, чтобы показать, как собственные военные меры на «союзнической арене», «арене противника» и на «домашней арене» имеют различные последствия, которые суммарно могут дать странам меньше безопасности, хотя изначально намерение было обратным. Шведский и финский вклад на «союзнической арене» постепенно, с момента грузинско-осетинского конфликта и аннексии Крыма, способствовал изменению всей региональной стабильности в Северной Европе. Из региона с низким напряжением — или «буфера» между Востоком и Западом, где США и Россия находились на расстоянии вытянутой руки, — Север превратился в важный стратегический фронт военной обороны, как для США, так и Европы. Для Норвегии, Швеции и Финляндии это имеет значение для оценки влияния различных арен на то, каким образом малые государства умудряются балансировать — между США, как главным гарантом безопасности Европы на западе, и Россией, как главным соседом, а также сильнейшем вызовом безопасности для северных стран на востоке. Поэтому выборы, которые делают правительства, определяют баланс сил во всей Северной Европе. В основе этих оценок лежит неразрешимая дилемма, о которой шла речь в 1-й главе: как малые государства могут достичь максимальной безопасности через американское военное сотрудничество, не провоцируя одновременно российские контрмеры.

Сейчас нельзя сказать, что эта дилемма является важнейшей для Норвегии и Северной Европы. Хотя официально и подчёркивается, что «отношение к России навсегда изменилось» (Stortinget 2014) и что «наращивание вооружений и агрессия — это ответ на вызовы, которые Россия видит вокруг себя» (Søreide 2015), и нельзя сказать с уверенностью, что именно Россия является самым большим вызовом в регионе. Несмотря на рост российского военного бюджета почти на 80 % в 2005–2015 годах, военные бюджеты в северных странах до сих пор остаются исторически малы — между 1,6 и 1,2 % Валового национального продукта (ВНП) (Mathis 2018). Это составляет примерно половину военного бюджета, который был в 1990 году. В этом отношении не похоже, что власти Северных стран особо обеспокоены вызовами для своей безопасности, представляемыми Россией.

Возможно, самыми большими угрозами являются проблемы с климатом, которые представляют собой результат глобального загрязнения, потепления атмосферы и нехватки чистой воды, земель, пригодных для обработки и возобновляемой энергии? Или иммиграция из Африки, Центральной Азии и Ближнего Востока, чьи очертания мы увидели, когда 1 млн человек устремился через границы Европы в 2015 году? А может, это возросший разрыв между богатыми и бедными в США и Европе, где всё больше людей чувствуют себя отчуждёнными и бессильными при встрече с постоянно более могучей политической и экономической элитой, которая вместе с наднациональными институтами, похоже, стала меньше беспокоиться о повседневной жизни людей. Может, сочетание вышеперечисленных условий вызывает больше беспокойства, чем Россия?

Однако здесь мы ограничимся стратегическими оценками, которые определят, насколько большим или малым будет норвежское пространство для манёвра в отношениях с США и Россией. Пространство для манёвра — это возможности выбора, которые государство имеет, чтобы приспособиться к меняющимся условиям для достижения наилучшего результата. Шведско-финский пример показывает, как собственные меры по безопасности всегда будут зависеть от того, что делают другие страны. В этом смысле норвежское пространство для манёвра — это результат той стратегии, которую политические и военные власти возьмут за основу в своей политике. Как нам напоминает Лоуренс Фридман: «Стратегия — это искусство создавать власть». Конечно, это определение довольно широкое и неточное, ведь, как мы уже упоминали, понятие силы включает в себя многое. Но чтобы приобрести свободу своего манёвра, нужно также получить «...от ситуации больше, чем предполагал первоначальный баланс сил» (Freedman 2013, xii). Другими словами: искусство политики состоит в том, чтобы добиться такой свободы манёвра, которая не спровоцирует новые угрозы со стороны соседа. Таким образом, стратегия заключается в том, чтобы найти баланс в этой извечной дилемме, с описания которой мы начали книгу, а именно, насколько далеко Норвегия может зайти в том, чтобы превратиться в «НАТО на севере», прежде чем Россия начнёт беспокоиться и предпримет ответные шаги. Тем самым возникает вопрос: принесла ли норвежская стратегия — быть «хорошим союзником» — лучший результат с точки зрения национальной безопасности госу-

дарству и его жителям? Или эти меры способствовали обратному, то есть, ослаблению безопасности?

Поворот в сторону США и НАТО, который в Министерстве обороны часто называется «обороной, приспособленной под нужды Альянса», может временами противоречить продолжительной линии поведения в послевоенное время, когда Норвегия хотела проводить политику приверженности таким ценностям, как «посредник, меценат и моралист» (Tamnes 1997) и в которой балансирующая роль строителя моста между Советским Союзом на востоке и США на западе была хорошо различима (Brundtland 1967). Сегодня ситуация изменилась. Пространство для манёвра норвежских властей уменьшилось. Национальных вооружённых сил, которые могли бы дать норвежским политикам и дипломатам передышку при встрече с Россией, тоже уже нет. Способ компенсировать это через наращивание присутствия американских войск на норвежской земле и в норвежских приграничных районах (Selnes, Eikermann og Amundsen 2018), а также через вклад в международные силы, делает роль Норвегии в качестве «хорошего союзника» стал более заметным.

Но под влиянием кажущегося консенсуса, характеризующего внутривластный расклад сил, который в большей степени поддерживается двумя крупнейшими партиями — Консервативной и Рабочей, — тем не менее появились признаки неуверенности. Это приводит к тому, что иногда может становиться сложно увести внимание от наиболее проблемных страниц союзнической политики. Внешне Норвегии важно по-прежнему оставаться «хорошим союзником», особенно по отношению к США, поскольку напряжение в американо-российских отношениях повысило военное значение Норвегии, что способствует вовлечению норвежских приграничных территорий в международное соперничество великих держав. Но во внутренней политике это одновременно создаёт ряд сопутствующих напряжённых ситуаций и дилемм, которые систематически не обсуждаются публично на норвежской «домашней арене».

Способ, которым Норвегия достигает безопасности, абсолютно естественно характеризует суверенное право властей самим решать, что лучше отвечает интересам страны. Согласно заявлению шефа обороны Норвегии в 2005—2009 годах Сверре Дизена, важно, чтобы норвежские власти не «...создавали у России иллюзии о каком-либо автоматическом праве диктовать или влиять на политику других

суверенных государств исходя из мнения, что это её право, как великой державы» (Diesen 2016). Следовательно, большая часть норвежского мышления по вопросам безопасности в 2000-х годах характеризовалась соображениями, которые прежде всего должны были отстаивать норвежские, а не российские интересы. В такой обстановке скорее всего российские соображения по вопросам безопасности и российская критика уступали прерогативе свободы выбора того, что норвежские власти хотят предпринять сами. Российская озабоченность наращиванием американской военной активности в Норвегии и в прилегающих районах отмечается видными членами правительства как «русская пропаганда» и «российская альтернативная картина реальности» (Johnsen og Skjetne 2017; Olsson og Lote 2017). Одновременно российская реакция на такой ответ замалчивается, чтобы не волновать норвежское население.

Примером могут послужить три предупредительных ракетных учения, которые российский военно-морской флот частично провел вдоль границы норвежских территориальных вод во время натовских учений *Trident Juncture* осенью 2018 года, чему норвежский министр обороны, руководствуясь наилучшими намерениями, пытался не придавать значения (Tallaksen og Lysberg 2018). То же самое сделала и премьер-министр: «Мы не должны пожимать плечами из-за этого» (NTV 2018). Это было сказано, несмотря на то что Россия никогда ранее не проводила учений с применением ракет так далеко на юге, так близко к границе норвежских территориальных вод, в районе натовских учений и никогда в связи с самым крупнейшим учением НАТО в регионе за последние 30 лет. Согласно генерал-лейтенанту Кьеллю Грандхагену, в 2010–2016 годах начальнику военной разведки, это был «...случай, какого я не встречал за всё время моей службы на посту начальника разведки» (Tallaksen og Lysberg 2019).

При таком раскладе Россия быстро превращается «в нечто другое» (Neumann 1996; Nilssen 2015; Inderhaug 2018). Сосед на востоке становится чем-то чужим, чем-то страшным и непредсказуемым, чем-то, на что не надо обращать внимание, но на действия которого нужно реагировать — «потому что за большей близостью следует также страх» (Nilsen 2014, 545). То, как власти воспользуются стратегической ценностью своих территорий в отношениях с США и НАТО, будет представляться публике как политически разумное и легитимное решение в Осло, но это не будет происходить в такой

же степени в губерниях Трумс и Финнмарк, где население более привыкло к близости России (Nilssen 2015; Nordlys 2017; Rowe 2018).

Между тем недостаток такого сближения в том, что норвежское мышление по вопросам безопасности, лежащее в основе политики, теряет важные исходные ценности. Российским взглядам и интересам в сфере безопасности уделяется меньше внимания, в то время как важности особых норвежских потребностей — гораздо больше. Логика, что Норвегия никогда не обеспечит свою безопасность, если только Россия не получит того же, приглушается в пользу основанной на балансе конкуренции антагонистической игры: безопасность для себя достигается за счёт безопасности другого. Подробнее мы вернёмся к этому в 3-й главе, в которой норвежские оценки безопасности будут истолковываться в свете наступательного реализма. Пока мы можем лишь удовлетвориться, констатируя, что норвежское правительство считает, что оно само действует от лица суверенного государства; государства, которое, в соответствии с международным правом, имеет долг и право принимать решения исходя из собственных интересов. Как суверенному государству, Норвегии становится действительно сложно представить себе политику, в которой ей надо было бы пойти навстречу российским интересам и, следовательно, выработать стратегию, которая бы сигнализировала об уступках (Diesen 2016). Но в таком случае это свидетельствовало бы о недостатке способности и воли защищать норвежские интересы и, таким образом, открыло бы дорогу большему российскому давлению, поскольку норвежские власти тогда не продемонстрировали бы ни способности, ни воли добиваться уважения себя.

Примером того, как этот аргумент проявляется на практике, может послужить опыт норвежско-российского сотрудничества по рыболовству в Баренцевом море. Во время двусторонних переговоров о квотах на вылов рыбы в начале 2000-х годов руководитель российского ведомства по рыболовству сказал своему норвежскому коллеге: «Ты делаешь всё, чтобы противодействовать российским интересам, и за это я тебя уважаю» (Hønneland, 2015 166). Эти слова показывают, как российские власти смотрят на сотрудничество между государствами. Прежде всего речь идёт о продвижении своих национальных интересов, и тем самым сотрудничество часто рассматривается как основанная на конкуренции антагонистическая игра. Вполне ожидаемо, что партнёр попытается пойти на обман, и это

является приемлемым, потому что в глубине души государства ведут себя как эгоисты, извлекающие пользу по максимуму. Парадокс в том, что для малых стран, которые чаще заботятся о международном праве, международных институтах и коллективных решениях, это может казаться чем-то чуждым. Но в российском понимании это как раз та логика, которая располагает к уважению и взаимному признанию. Может быть, это создаёт больше предсказуемости и тем самым больше безопасности в международной политике? Причина вопроса — в том, что правила и ожидания того, как государства будут вести себя по отношению друг к другу, хорошо известны; государства «ближе всего к самим себе». Поэтому государства вынуждены принимать свои предварительно продуманные меры не в последнюю очередь, если они находятся вне границ западного сообщества по обеспечению безопасности (Deutsch et al. 1957).

В то же время может быть сложно игнорировать другой факт: вызовы норвежской безопасности могут также пониматься, как выражение оценки Россией ситуации в области безопасности в собственных приграничных районах. Таким образом, российские меры по безопасности могут быть интерпретированы, как реакция на возможные угрозы, на которые Администрация Президента, Министерство обороны и Генштаб в Москве будут обращать больше всего внимания при анализе обстановки в норвежских воздушных, морских пространствах и сухопутных районах. Такие оценки становятся ещё важнее, если другие буферные государства Северной Европы формализуют своё более тесное, обязывающее и активное военное сотрудничество с США. По российским оценкам, когда не только страны — члены НАТО (Норвегия и Дания), но и партнёры НАТО (Швеция и Финляндия) плотнее вовлекаются в переброску американских сил, возникнет большой и более серьёзный риск угрозы своей безопасности. Частично потому, что военное пространство манёвра возрастает для американских и британских сил, которые в кризисных ситуациях рискуют быть переброшенными на Север — в том числе чтобы создать достаточную глубину обороны балтийских членов НАТО. Вдобавок риск для безопасности возрастает и оттого, что Северные страны обладают современной и хорошо развитой гражданской инфраструктурой. Но есть и большие ограничения в системе автодорожных перевозок к северу от полярного круга, с небольшим количеством транспортных артерий и множеством

туннелей и мостов, которые являются критическими «бутылочными горлышками», которые легко заблокировать ракетами большой дальности. Но одновременно Северные страны богато оснащены важными ресурсами гражданского общества.

Пример тому — средства воздействия для повышения мобильности: большое количество строительного оборудования, трейлеров, вертолётов с соответствующими поддерживающими и логистическими системами. Важную роль играет цифровая инфраструктура, которая, если она не выйдет из строя, может мобилизовать и скоординировать использование значительных гражданских и военных ресурсов внутри страны и за её пределами. Поскольку Северные страны имеют значительную нехватку военного оборудования, всё больше национальной обороноспособности опирается на гражданскую цифровую инфраструктуру. Когда Россия оценивает риск безопасности со стороны Норвегии и других Северных стран, прямая поддержка гражданских поставщиков станет важной отправной точкой в военном планировании. Это особенно касается обслуживания и дополнительных поставок запасных частей и других материалов для воздушного, морского и наземного транспорта. В современных обществах, как, например, в Северных странах, всё управляется цифровой сетью, и чаще всего решение основных задач находится в руках частных коммерческих фирм. Например, согласно мнению одного из высокопоставленных офицеров вооружённых сил, 90 % цифровых услуг во время учений *Trident Juncture 2018* было предоставлено гражданским обществом. Вдобавок около 40 человек из 17 различных гражданских институтов способствовали выполнению оперативных плановых процессов, для того чтобы военная система успешно работала (Jacobsen 2018). Это то, что является тотальной обороной и что делает гражданские и военные ресурсы интегрированной частью норвежской и северной обороноспособности. Одновременно важно осознавать отсутствие должного реализма в этом военно-гражданском взаимодействии. Важная причина того, что вся эта инфраструктура работала во время учений *Trident Juncture 2018*, в том, что учения тщательно планировались заблаговременно, в течение почти 5 лет. Вдобавок ни гражданская цифровая инфраструктура, ни гражданское население или сами военные не были подвержены реалистической контратаке со стороны симулированного противника.

Но тем не менее с российской точки зрения развитие более формализованных и конкретных военных планов США с Северными странами вызывает наибольшее беспокойство. Прежде всего это выражается в постоянно растущем количестве современных учений с американским и британским участием. Примером может послужить тренировка американских военных контингентов в условной войне около российских границ в Финнмарке во время учений *Joint Viking* в 2015 и 2017 годах. Другой пример — когда, во время учения *Aurora 2017*, американские воздушные, военно-морские и сухопутные силы отрабатывали оборону острова Готланд — «шведского авианосца», находящегося в 35 милях от российского Балтийского флота в Калининграде. Третий пример — переброска группы американских авианосцев в Северную Норвегию во время учений *Northern Screen*¹ в 2018 году — для защиты высадки союзников в Трёнделаге вместе с переброской американского спецназа в Финнмарк во время учений *Trident Juncture 2018*. Последний пример — американский и британский вклад в оборону Швеции на учениях *Northern Wind*² в 2019 году. В рамках американской Инициативы по обеспечению европейской безопасности финансирование таких учений возросло с 1,9 млрд долларов в 2017 году до 3,2 млрд в 2019-м (Department of Defense 2019).

Общим для всех этих учений является возрождение военно-гражданских систем договоров времён «холодной войны», что указывает на то, что потенциальная угроза со стороны России считается значительно больше той, с которой северные силы в состоянии самостоятельно справиться. Поэтому в Северных странах мобилизуются крупнейшие судостроительные предприятия, больницы, сети продуктовых супермаркетов, телеоператоры с договорами о мобилизационной готовности, которые должны воспрепятствовать крушению оставшегося небольшого количества вооружённых сил. Это касается не только столкновения с российскими вооружёнными силами. Это так же важно, чтобы оставшиеся вооружённые силы Северных стран были в состоянии защитить воздушные, морские и сухопутные оборонительные районы, которые, возможно, будут принимать большие контингенты американских войск поддержки. В частности, из-за этого растут американские бюджеты, которые определяют разви-

¹ «Северный экран» (англ.).

² «Северный ветер» (англ.).

тие военной инфраструктуры в Европе. С около 217 млрд долларов в 2017 году, в 2019-м расходы увеличились почти вчетверо — почти до 830 млрд долларов (Ibid.). Согласно Министерству обороны США, цель этого в увеличении

возможностей и готовности Вооружённых сил США, стран — членов НАТО и региональных партнёров позволяет быстрее реагировать в случае любой агрессии регионального противника против суверенной территории стран НАТО (Ibid., 1).

Поэтому с российской точки зрения норвежское, финское и шведское военное сотрудничество с США прежде всего отрабатывается в сфере подготовки к быстрой переброске большого количества американских военно-воздушных, военно-морских и сухопутных сил, а также способности выстоять собственными силами, пока не подоспеет эта помощь. Это прежде всего касается начальной фазы кризиса, во время которой малые Северные страны будут надеяться и верить, что США откликнутся на их призывы как можно скорее. Ведь если принять поддержку от одного из самых богатых и хорошо развитых гражданских обществ, с помощью северных сил, которые знают американские процедуры и подготовку, быстро установится американская логистическая сеть, которая окажет надёжное противодействие местному российскому силовому превосходству в регионе. Поэтому для российской оценки угрозы появится нечто ещё более важное, чем доктрина о всеобщей военно-гражданской обороне в Северных странах, а именно — заключение так называемых договоров *Host Nation Support*¹ между США с одной стороны и Швецией и Финляндией — с другой (Riksdagen 2016).

Такие договоры сокращают стратегическое время оповещения об угрозе для России, потому что бюрократические и организационные барьеры между северными и американскими вооружёнными силами устраняются. Таким образом, создаётся более гибкий и бесшовный западный режим для эффективной переброски американских боевых частей в регион. Не только для защиты Швеции и Финляндии, но также чтобы увеличить глубину и расширить альтернативы действий в американской обороне Балтийских стран — членов НАТО на дру-

¹ Договоры по оказанию поддержки принимающей стороне (англ.).

гой стороне Балтийского моря. Это следует из тех американских обязательств по обороне, которые США в обстановке охлаждения отношений взяли на себя после расширения НАТО в 2004 году, когда Россия была партнёром и другом. После аннексии Крыма это расширение стало сильной головной болью для американских командующих. С 2006 года США закрыли более 100 баз в Европе, и к 2014 году осталось всего две американские бригады — в Италии и Германии (Judson 2018). Тем самым Швеция и Финляндия становились важными плацдармами в обороне более уязвимых членов НАТО вдоль российских внешних границ. А именно, стало проще защищать Прибалтику из Швеции, Финляндии, Дании и Норвегии, чем с маленького «клочка земли», который более уязвим перед российским массивным превосходством в огневой мощи.

Из-за этого оборонительные сооружения, такие как установки для радиоперехвата и наблюдения, аэропорты и порты в Северных странах, становятся потенциально более важными целями для российских вооружённых сил. То же самое касается и цифровой инфраструктуры, от которой зависят северные и американские военные подразделения, но которая также нужна властям для поддержания основанного на доверии социального контракта между государством и гражданским обществом. Даже в мирное время ряд российских разведывательных и военных организаций будет следить за тем, какие американские истребители, подлодки, отряды спецназа, самолёты патрульной авиации и армейские подразделения будут находиться вблизи их границ. Потому что такое скопление, приведённое в боевую готовность по тревоге, может представлять серьёзный риск безопасности российским ядерным силам на Кольском полуострове и пошатнуть их надёжность при возможной кризисной ситуации в отношениях с США.

Трудное самопознание

Пока что обсуждение значения северных территорий вращалось вокруг понятий «союзническая арена», «арена противника» и «домашняя арена». Обсуждая потенциал вооружённых сил буферных государств, расположенных вдоль российской границы на севере, легче понять российскую реакцию. Это не означает готов-

ность принимать российские действия, но позволяет прояснить извечную логику рассуждений о том, что силе должна противостоять сила и что это противодействие может проходить в различных формах. Поэтому российская реакция на роль Норвегии в качестве «НАТО на севере» не должна была быть какой-то неожиданностью как для властей, так и для общества в целом.

Но также поразительно то, насколько мало информации власти предоставляют обществу о том, как Россия оценивает положение дел на севере. Для малой страны, территория которой вплотную прилегает к району расположения важнейшей ядерной группировки России и, таким образом, является важнейшим постом радиоразведки и перехвата сообщений для США в международной гонке ядерных вооружений, военные инфраструктура и объекты в Норвегии — и постепенная интеграция гражданского общества в эту оборонительную систему — естественно повлияют на российское планирование боеготовности и обороны. Поэтому норвежские власти и общество в целом рискуют не повысить свою безопасность, а уменьшить её, что само по себе парадоксально. Ведь касательно норвежской стороны суть заключается в том, что политика властей должна обеспечить для граждан усиление безопасности, а не наоборот. Но тем не менее это приводит вот к таким парадоксальным результатам. Чем это объясняется?

С одной стороны, это объясняется изменением во внешних типовых условиях Норвегии, когда Россия два раза в течение шести лет нарушила международное право в случаях войны с Грузией в 2008 году и аннексии Крымского полуострова в 2014 году¹. Такие шаги не способствуют умиротворению. Это также объясняется тем, что страна прибегает к более непредсказуемым моделям проведения учений вдоль норвежских и западных границ, тестирует надёжность западных критически важных общественных инфраструктур в цифровой сфере и поддерживает правые популистские партии, с которыми совместно распространяет дезинформацию, чтобы создать разлад между западными союзниками (Karlsen 2019).

¹ Правительство Российской Федерации настаивает, что нормы международного права не были нарушены, и приводит в пользу этого целый ряд аргументов. Поскольку США и их союзники заняли непримиримую позицию, то достижение консенсуса по данному вопросу на данный момент невозможно, и каждая сторона осталась при своём мнении. — *Примеч. ред.*

С другой стороны, парадокс также может объясняться внутренними типовыми условиями, наличие которых лишь частично связано с Россией, но которые прежде всего объясняются основополагающими слабостями в собственных рядах в Норвегии. Это те уязвимые места, которые обычно скрываются властями, не доводятся до СМИ или «гримируются» туманными словами и неясными выражениями. Таким образом, правительство избегает проявления политического «шума» во внутривластной жизни. Среди населения не возникает беспокойства из-за того, что Норвегия более не в состоянии защитить саму себя в самом начале конфликта или что зависимость от присутствия американских вооружённых сил на норвежской земле усиливается. Таким образом, можно утверждать, как делает Нильс Хольме, что слабость норвежской обороны находится в числе «...наших самых охраняемых тайн. Вместе с засекреченностью также развивается культура вытеснения проблем из публичной сферы. Это относится и к Министерству обороны, и, в большой степени, к самой системе реорганизации обороны».

В следующих главах мы сделаем так: попробуем протиснуться сквозь эту культуру и посмотреть на организацию норвежского сектора обороны извне. Но бросать критический взгляд на собственное совершенство сложно, особенно в области политики, которая имеет дело с самыми драматичными и спорными государственными средствами принуждения — вооружёнными силами. Нет никаких других средств принуждения, которые были бы так же пригодны для создания страха, неуверенности и спекуляций, как движение вооружённых сил вдоль собственных границ и границ других стран. Прежде чем мы пойдём дальше, важно обсудить, чем это объясняется: почему перспектив и наличия знаний и критических анализов так мало именно в сферах политики безопасности и военной стратегии? Стоит при этом остановиться на четырёх условиях.

Прежде всего это можно объяснить исходя из внутривластных соображений. Нет ни одной области политики, где бы партийные деятели и государственные чиновники несли бы большую моральную и этическую ответственность за обеспечение безопасности граждан, чем в тех кругах, которые управляют наиболее насильственными средствами принуждения. Таким образом, высота политического падения становится слишком большой, когда появляются другие оценки, не отличающиеся от тех, что установились

среди экспертов. Например, они могут быть в Министерствах иностранных дел, обороны или юстиции и общественной безопасности, в исследовательской среде, которая находится в сфере указанных ведомств или в СМИ, которые традиционно поддерживают ведущие норвежские партии — Консервативную и Рабочую. Это более или менее неформальная сеть, объединяющая политиков, чиновников, исследователей и журналистов, ежедневно работающих с вопросами национальной безопасности. Но они предпочитают изъясняться туманными выражениями, развивающимися с течением времени в особую манеру изложения обществу знаний, которыми они владеют.

В этой манере общения с публикой вещи не называются своими именами. Российская обеспокоенность наращиванием американского военного присутствия в российско-норвежской пограничной области начинает именоваться «общеизвестной риторикой» и «пропагандой» (Johnsen og Skjetne 2017). Поворот в военной концепции, в соответствии с которой большее количество войск дислоцируется около российской границы, что скорее может привести к эскалации кризиса в российско-норвежской пограничной области и стать американским делом обеспечения обороны, называется «порогом обороны, предупреждающим конфликт» (Forsvarsdepartementet 2008). Сокращение территориальных сил обороны в пользу создания менее многочисленного экспедиционного корпуса, называется «оборонительной реакцией» (Forsvarsdepartementet 2004). Военные подразделения, которые прежде всего будут принимать участие в зарубежных операциях коалиции во главе с США, называются «вспомогательной обороной» (Forsvarsdepartementet 2008). Норвежские истребители, которые *de facto* способствовали развалу ливийского государства, преподносятся как доказательство того, что «вспомогательная оборона работает» (Faremo 2011). Вооружённые силы, которые больше не могут самостоятельно разрешать национальные кризисы и которые поэтому нуждаются в американском военном присутствии даже в мирное время (Forsvaret 2015), называются «обороной, приспособленной под альянс» (Forsvarsdepartementet 2012). Слова что-то значат. Используя их, мы устанавливаем рамки того, как население, СМИ, студенты и исследователи истолковывают и понимают новости. Потому что слова заряжены и подкреплены заранее предвзятыми представлениями, которые могут нести в себе позитивные,

негативные или нейтральные ассоциации. «Только самый догматичный материалист будет отрицать важность доминирующих идей в умах тех, кто действует политически или стратегически» (Rosen 1995, 13). Способ, через который власти сообщают информацию вовне, может быть истолкован как не всегда показывающий полную правду (Holme 2013; Bentzrød 2014; Vørresen 2018).

Таким образом, мы перешли ко второму условию — к *институциональным* условиям рамочного характера, которые часто характеризуют малые сообщества. Под этим подразумевается сообщество, где «все знают друг друга» и основная часть выработки политических решений происходит в столице за закрытыми дверями. Со временем такие характерные черты превращаются в неформально одобренные нормы, взгляды и ожидания того, что «лучше отвечает интересам Норвегии» и как об этом, по мнению Осло, должно сообщаться народу. В глазах теоретика такой структуры сложившуюся в столице среду можно понимать как наличие «замкнутой внутренней группы». Таким образом, более или менее неосознанно развиваются особые способы восприятия и понимания мира. Более или менее неосознанно критические голоса, которые отличаются от этих норм, образуют свою «внешнюю группу». Это лучше всего сформулировал бывший начальника Штаба ВМФ (1998–2000) Якоб Бёрресен:

Вместо свободного обмена информацией и идеями на дебаты о военно-политических отношениях сильно влияют политические и институциональные интересы участников. Многие лица в военно-политических структурах и в области политики безопасности больше заинтересованы в защите своих собственных позиций, чем в поиске правды. Оценкам от тех, кто находится вне этой среды — кто более склонен к критике и предлагает альтернативные решения, — может быть оказано противодействие, просто-напросто в отказе доступа к важной информации (Vørresen 2018).

Таким образом, «внутренняя группа» политиков, высокопоставленных чиновников, исследователей и военных превращается в особую сложившуюся организацию (Seltznik 1957). Находиться внутри такой установившейся среды с «политкорректными» оценками, становиться частью неписаного контракта, который делает возможным для исследователей и журналистов получить доступ к информации

из области политики, которая воспринимается большинством как закрытая или малодоступная (NTB 2017a). Таким образом, новые сотрудники, особенно те, кто получает доступ к военным аспектам данной политики, вовлекаются в сложившуюся модель во взглядах на то, насколько далеко можно зайти в критике установленного порядка (Rones 2017). Это и есть описание такого группового мышления. В Норвегии групповое мышление было особенно явным в преддверии гражданской войны в Ливии 2011 года. Среди норвежских политиков в Стортинге было достигнуто единогласие по вопросу о заключении соглашения о вступлении в войну. Такое же единогласное молчание продолжалось годами до того, пока как проявились последствия изменения режимов во всём регионе (Tvedt 2019). Даже норвежские СМИ, за небольшим исключением «...подвели [общество] тем, что не занимались критикой таких бомбардировок» (Ottosen 2019).

Таким образом, групповое мышление вписывается в модель, в которой мало места для альтернативных мыслей. Это стало особенно явным в Министерстве обороны Великобритании во время подготовки к Иракской войне в 2002 и 2003 годах. Несмотря на то что сам повод для войны был основан на лжи о том, что у Саддама Хусейна якобы имеется оружие массового поражения и что в стране расположены крупные базы Аль-Каиды, в британском Генштабе или Военном министерстве не нашлось никого, кто выступил бы с критикой по поводу подготовки к войне. В 2009 году была назначена комиссия в составе ведущих экспертов в этой области, которые спустя 7 лет подготовили свой окончательный доклад на 2,6 млн слов — так называемый *Доклад Чилкота* — в 13 томах. Одним из главных выводов было, что сотрудники оказались сильно зависимы от превратно истолкованной формы лояльности, которая проявила себя через расширительное групповое мышление в политической среде, государственной администрации вместе с очень дисциплинированной системой военного командования (Robinson 2017).

Опасность группового мышления ещё более усиливается из-за того, что министры иностранных дел и обороны лично несут ответственность перед Стортингом. Этот конституционный порядок может привести к тому, что высота их падения будет казаться особенно большой по сравнению с практикой, когда бы министры в составе всего правительства могли бы выступить общим фронтом

и сказать Стортингу: «Это то, за что мы все отвечаем». Уязвимость тех, кто ведет дела в одиночку, может скорее увеличить потребность в дебатах, мнениях и критике, которые рождают сомнения в позиции министров. То же передаётся «серым кардиналам» государственного аппарата, которые особенно сильно проникаются долгом верности «своим» министрам и формируемому правительству. Вместо того чтобы представить министрам максимально широкое понимание ситуации, благодаря которому можно впоследствии найти эффективные решения, может возникать самоцензура и настроения конформизма. Примером может послужить недовольство Министерства обороны командующим сухопутными войсками в 2015–2019 годах Одином Йоханнессеном, который в Северной Норвегии летом 2018 года на встрече с Парламентским комитетом по иностранным делам и обороне проинформировал его членов об основных уязвимых местах сухопутных войск. Несмотря на то что члены комитета восприняли его выступление как трезвое и объективное, командующий был «вызван на ковёр» и получил выговор от главнокомандующего Вооружёнными силами. Причина заключалась в том, что руководство Министерства обороны восприняло доклад Йоханнессена как нелояльность по отношению к рекомендованному Министерством обороны плану развития сухопутных войск. Обязанность командующего сухопутными войсками информировать членов комитета Стортинга, таким образом, вступила в конфликт со значением, которое Министерство обороны придаёт лояльности как правительству Сульберг, так и политическому руководству своего министерства (Befring og Svaag 2018). Когда высшее руководство, которое также выстраивает культуру и ролевые модели поведения для личного состава своего ведомства, получает выговор главнокомандующего вооружёнными силами от лица руководителя ведомства, то этим посылается сильный сигнал остальной части организации: ожидается повиновение и лояльность, даже в отношении представителей Стортинга, которые освобождены от ответственности по Закону о безопасности.

Таким образом, государственный аппарат также становится главным действующим лицом в общей кампании информирования — как Стортинга, так и общества в целом. Поэтому, если чего государственный аппарат и хочет меньше всего, то это ставить собственных министров в затруднительное положение. Это то, что случилось во время слушаний Парламентского комитета по контролю и конституцион-

ным вопросам в 2018 году, когда политическое и профессиональное руководство Министерств обороны, юстиции и общественной безопасности было подвергнуто значительному давлению, потому что указанные министры не выполнили поручений Стортинга и не позаботились об основательном обеспечении защиты секретных объектов (Riksrevisjonen 2018).

Близкие связи с «внутренней группой» усложняют поддержание своей компетентности, понимаемой как способность сохранять свободу, независимость взглядов и дистанцию от мнений государственного аппарата. Это объясняется тем, что входящие во «внутреннюю группу» лица имеют взаимный интерес в сохранении хороших отношений друг с другом. Если ты поступаешь «правильно», понимая под этим способность быть осторожным со многими критическими высказываниями, то ты можешь получить приглашения в учебные поездки, участвовать в работе внутренних семинаров и во встречах с представителями союзников, владеющими закрытой информацией. Если же делать неверные шаги, то быстро окажешься включенным во «внешнюю группу» из-за нарушения неформальных правил лояльности. Страх санкций часто принимает форму самоцензуры, которая способствует конформизму. В малых странах с небольшой профессиональной средой, подобно той, что сконцентрирована в районе Осло, недостаточная компетентность может стать проблемой. Пример этому — создание Министерством обороны собственного экспертного центра, который находится при исследовательских институтах вооружённых сил и вдобавок финансирует долгосрочные исследовательские поездки в США и Германию, а сотрудники центра работают в министерстве в качестве практикантов (Heier 2016b). Слияние исследований и процессов разработки политики может само по себе затруднить развитие новых представлений, более глубоких знаний и умных выборов. Потому что на уровне чувств будет казаться сложным и некорректным озвучивать критический анализ работы, сделанной твоими знакомыми, коллегами и друзьями.

В-третьих, есть объяснения, которые можно связать с *желанием предсказуемости*. Другими словами, не нужно ставить под сомнение норвежские позиции, которые могут вызвать озабоченность или беспокойство в России, США или НАТО. Сохранение спокойствия по вопросам позиций Норвегии всегда было фирменным знаком норвежской политики обороны и безопасности. Отсутствие быстрых

изменений курса сигнализирует внешнему миру о том, что долговременная линия в норвежской политике обороны и безопасности остается без изменений. Несмотря на географическое положение на разделительной линии между Россией и США, Норвегия глубоко интегрирована в западное сообщество безопасности. Другая трактовка, ставящая под сомнение эту самооценку, может привести к нежелательным последствиям, поскольку обе великие державы могут истолковать ее по-своему и, возможно, принять корректирующие меры. Россия могла бы увеличить своё давление на норвежские власти в частности через попытку «вбить клин в сотрудничество Норвегии с западными державами» (Eriksen og Tanmes 1999, 16). Пример тому — российская поддержка так называемого российско-норвежского «кондоминиума» на Шпицбергене и в Баренцевом море (Holtmark 1999). США, со своей стороны, могут поставить под вопрос норвежское желание быть «НАТО на севере» и, таким образом, оказать большее давление на правительство. Это могут быть, например, просьбы о более либеральном соблюдении самоограничений в Финнмарке, так, чтобы это позволило легче создавать надёжный американский военный потенциал сдерживания вблизи российских границ.

Поэтому предсказуемость во внутривнутриполитических дебатах становится самоцелью для норвежских властей. Ради этого можно легко прикрыться Законом о безопасности, в котором говорится об угрозах: «...Это то, что может повлечь за собой ущерб безопасности Норвегии или её союзников, её отношениям с властями иностранных государств и другим жизненно важным национальным интересам безопасности, если информация станет известной» (Lovdata 1998). Ведь, чем меньше разногласий и дебатов, тем меньше риск возникновения вопросов со стороны США и России о том, какую позицию занимает Норвегия в области политики безопасности. Соседним государствам не нужно беспокоиться о том, что малая страна на севере будет менять свой курс, станет более «дружественной к России», примет более активную политику уступок или другими способами прибегнет к мирным и добрососедским инициативам, не обсуждая их с союзниками. Ведь это может внести разлад в ряды стран — членов НАТО, от которых ожидается, что они займут решительную позицию в случае конфликта с Россией. Отклонения от таких ожиданий обязательно повлияют на существующие оценки безопасности, которые посто-

янно делаются в различных русских и американских ведомствах, посольствах и аналитических подразделениях разведки.

Если в каких-то частях норвежского политического ландшафта возникнут колебания, это будет сразу замечено в Вашингтоне и Москве. Пример тому — вопрос: насколько разумным является включение фрегатов с системой противоракетной обороны «Иджис» в состав сил американского противоракетного щита, насколько часто американские войска могут проводить учения в Финнмарке, каким образом американские бомбардировщики В-52, которые могут нести до 35 тонн ядерного оружия, будут использовать воздушное пространство Северной Норвегии или будет ли разумным размещение морских пехотинцев в губерниях Трёнделаг и Индре Трумс. Оглашения перспектив такого развития обстановки, основанных на итогах исследований, или журналистская работа по сбору сведений о подобных проблемах, могут быстро быть восприняты как опасные, потому что официальные заявления властей — о твёрдой приверженности принципам по отношению к России и лояльности по отношению к США — могут в результате этого дать трещину. Об этой форме секретности мы подробно поговорим в 7-й главе, а пока лишь констатируем, что традиции стратега Консервативной партии К. Й. Хамбро остаются непоколебимыми: малые страны не имеют права на ошибку. Поэтому консенсус во внешней политике является абсолютным требованием для малых государств, таких как Норвегия (Løvold 2012).

В конце концов, есть также объяснения, которые связаны с чисто *военной сферой*. Это прежде всего касается так называемой «операционной безопасности» норвежских сил и обеспечения безопасности подразделений в зарубежных командировках. Операции, проводящиеся в Ираке, Сирии, Афганистане или Мали, могут ограничить свободу действий в том, насколько далеко учёные, журналисты и интересующиеся общественной жизнью граждане могут зайти в обсуждении политики властей. Ведь большое количество информации о боевых заданиях, методах и районах действий может помочь противнику и тем самым подвергнуть опасности жизни норвежских военнослужащих и их союзников. Фактически в 2000-х годах Норвегия стала средней страной по своему вкладу военной силы в НАТО (Wohlforth 2015, 153). Экспорт военных сил, поддерживаемых на высоком уровне, контрастирует с положением, которое было несколько десятилетий назад. По словам министра обороны (1986—

1989, 1990–1993) и министра иностранных дел (1993–1994) Йохана Йоргена Хольста, в начале 1990-х годов норвежские солдаты не были хорошо подготовлены, не были хорошо вооружены, психологически были не готовы к выживанию на современном поле боя (Holst 1991). Сейчас ситуация иная, поскольку норвежские солдаты больше не являются «вынужденным средством национальной защиты» для охраны «короля и родины». Скорее это высококвалифицированные эксперты в современных методах ведения войны, которые, по словам американских политиков и генералов НАТО, отправляются в места самых сложных конфликтов в мире, чтобы выполнять самые рискованные задания (Bouchard 2012; Pellerin 2016; Erwin 2017).

С высоким риском в районах операций одновременно возрастает опасность того, что гражданские и военные будут убиты или ранены, и это может легко привести к внутривнутриполитическому разладу в стране. Это особенно касается хрупких коалиционных правительств, которые не располагают большинством в Стортинге и которые не заручились поддержкой гражданского общества в необходимости норвежского вклада в зарубежные операции (Eide og Ottosen 2002). Отчасти потому, что норвежские подразделения часто относятся к так называемым «нишевым силам», как, например, спецназ и отряды разведки, которые добывают важную информацию о повстанческих движениях, их руководящих структурах и предстоящих операциях. Это те подразделения, которые часто действуют в районах с неясной и опасной обстановкой и где бои происходят между неуправляемыми повстанческими группами, созданными на клановой и племенной основе. Поэтому деятельность таких подразделений высоко оценивается США, потому что результаты их деятельности позволяют политическим и военным руководителям лучше понимать обстановку и тем самым дают более широкую основу для принятия решений.

Дискуссии о выборе пути и приоритетов норвежских властей на «домашней арене» могут легко дать противнику информацию о том, какие методы, техника и задачи есть у армии. Это, в свою очередь, может подвергнуть опасности солдат, их семьи и друзей, так как их будет легче идентифицировать и спланировать работу по оказанию влияния на их физическое и психологическое состояние. Вдобавок можно также утверждать, что бóльшая открытость по таким вопросам делает Норвегию целью террористов. Когда в 2016 и 2017 годах в Сирии не было никаких других западных войск, кроме норвежских,

американских, французских и британских, и, другими словами, оставалось совсем немного для того, чтобы Норвегия была обозначена как потенциальная террористическая цель для тех, кто захотел бы расширить поле битвы до территорий этих стран.

Сумма четырех объяснений может указывать на то, что норвежское мышление по вопросам безопасности страдает от дефицита демократии (Egeland 2016; Heier og Ottosen 2018; Gjørvi, Berg Harpviken og Ulriksen 2018). Политическая среда стала настолько спорной, что можно задать справедливый вопрос о том, подходит ли использование силы в качестве темы для освещения её в обществе и общественных дебатов. Потому что бо́льшая открытость и критические высказывания могут привести к изменению настроений во внутривнутриполитическом ландшафте, что, в свою очередь, приведёт к непредвиденному изменению политического курса и к волнениям в обществе. Это может быстро создать неуверенность, особенно со стороны США и России, о том, какой на самом деле будет позиция Норвегии, когда кризисы выйдут из-под контроля, разногласия в правительстве усилятся, а государства одно за другим станут «ближе к самим себе». Этот риск был даже обозначен бывшим в 2006–2009 годах послом США в Норвегии Бенсоном Уитни, который в связи с норвежскими дебатами об Афганистане в 2007 году утверждал, что Норвегия могла бы стать «колеблющимся государством», где отношение к вкладу в Международные силы содействия безопасности могло бы быстро измениться, поскольку общество напичкано представлениями о глянцевой гуманитарной картинке, которая не соответствует действительности (Vold 2017).

В эту мысль мы углубимся в главах 6 и 7, где более пристально рассмотрим баланс между гласностью и секретностью. Но сначала мы должны найти объяснение следующему вопросу: как после аннексии Крыма норвежские власти получили так мало возможностей для манёвра в вопросе о том, как быть «хорошим союзником» США и одновременно — «хорошим соседом» России? В следующей главе мы опишем желание Норвегии быть «лучшей в НАТО» относительно военной трансформации на рубеже веков. Затем мы обсудим последствия этого по отношению к США на западе и России на востоке.

Глава 3

ЛУЧШИЕ В РЕФОРМАХ НАТО

Когда был дан старт крупнейшей военной реформы современности — *Реорганизации обороны 2002–2005 годов* (FD 2001), пропал один из важнейших уроков, полученный 9 апреля 1940 года. Он заключался в том, что: «Норвегия нуждается в сильной и современной обороне, которая помогла бы продержаться, пока не подоспеет помощь [союзников]» (Tamnes og Eriksen 1999, 9). Ведь во время большей части «холодной войны» у Норвегии была обширная мобилизационная оборона, которая могла бы, в целом, выставить в составе вооружённых сил до полумиллиона солдат. Это около 12 % населения страны (Børresen, Gjeseth og Tamnes 2004). Вдобавок у Норвегии имелось около 80–90 боевых кораблей, более половины из которых постоянно находились в северных районах. В Северной Норвегии также находилось около половины регулярных частей, которые пребывали в состоянии 30-минутной боевой готовности. Если добавить ещё гражданскую оборону и торговый флот, то окажется, что около 20–30 % населения могло быть задействовано в обороне страны (Ibid.).

Это способствовало тому, что норвежские власти при столкновении с советским противником имели бы доступ к широкому набору различных типов военных средств воздействия. Доступ к силам, которые могли находиться в состоянии готовности в течение недель и месяцев, естественно давал властям большие возможности для манёвра. Опасные ситуации могли быть урегулированы самостоятельно, не опасаясь, что национальная обороноспособность сразу рухнет. Благодаря существованию этих сил и их видимости, таким

образом, малая страна на окраине Европы, на северном фланге НАТО реально могла вынудить Советский Союз отказаться от нападения от неё. Не потому, что вооружённые силы были особенно хорошо подготовлены или оснащены современным вооружением. Наоборот, у норвежских войск, как и у их советских коллег, были значительные минусы в самообороне, мобильности и уровнях подготовки. Но размер и объём структуры обороны давал военной обороноспособности жизнеспособность, избыточность и надёжность. Это было отчасти потому, что охват норвежских защитных мер был широким, а отчасти и потому, что довольно большие части общества были привязаны к мероприятиям по обороне страны. И, наконец, потому, что национальная всеобщая оборона была, в свою очередь, связана с осуществлением более широких, конкретных и надёжных трансатлантических планов по повышению мобилизационной и боевой готовности специально предназначенных для этого воинских подразделений и проведению их регулярных учений.

Сумма военных и гражданских, национальных и трансатлантических мер содержала в себе форму сдерживания, которая по своей природе носила оборонительный и предупреждающий конфликты характер. Под этим имеется в виду, что норвежские вооружённые силы были ориентированы на упорную и продолжительную борьбу на собственной территории. Эта форма сдерживания несла в себе чёткий политический посыл: советские власти не добьются быстрой и лёгкой победы в Северной Норвегии. В военном смысле это называлось воспреещением и создавало зачатки для более широкой стратегии НАТО, которая основывалась на сдерживании через воспреещение.

Исчезнувшее пространство для манёвра

Есть основания полагать, что широкое разнообразие сил, большая выносливость, наличие воинских частей, предназначенных для решения специальных задач в случае войны, обзор доступности и боеспособности подразделений вместе с хорошо работающим логистическим и вспомогательным аппаратом с материальной стороны, создавали норвежским властям относительно большую политическую свободу манёвра не для защиты страны от широко-

масштабного вторжения и не с опорой на контрактников с большим опытом реальных боевых операций за границей. Пространство для манёвра находилось в условиях низкой напряжённости, когда небольшие спорные моменты, инциденты и кризисы указывали на то, что норвежские вооружённые силы в одиночку должны были находиться в постоянной готовности в течение многих недель и месяцев. С подобными проблемами норвежские власти могли управиться в одиночку, без необходимости подчиняться давлению США, стремившихся расширить свое военное присутствие вблизи советских баз на Кольском полуострове. Такая ситуация сложилась потому, что у норвежского правительства был доступ к своим вооружённым силам, которые могли быть развёрнуты в срочном порядке, чтобы справиться с небольшими отклонениями от относительно мирного сложившегося положения дел на севере. Пока власти могли решать такие задачи своими силами, а не зависеть от оперативных союзнических подкреплений, потребность в чрезвычайных мерах сокращалась. Таким образом, это позволяло избежать более острой риторики, переброски большего количества войск ближе к российской границе и размещения американских войск на норвежской земле в мирное время. Возможность использования норвежских, а не американских подразделений, таким образом, уменьшала риск провоцирования ответных мер со стороны соседа. Наличие независимой национальной обороноспособности делало возможным балансирование, которое заключалось в том, чтобы быть частью передовой обороны США на западе, одновременно не провоцируя российские контрмеры на востоке.

Сейчас ситуация иная. Согласно заключению Военного совета при главнокомандующем от 2015 года, в мирное время американские силы на норвежской территории нужны для того, чтобы компенсировать недостаток сухопутных войск (Forsvaret 2015; Lysberg og Tallaksen 2016a). Согласно оценке шефа обороны Норвегии (с 2013 года) Хокона Брун-Ханссена, норвежская оборона меньше, слабее и уязвимее, чем должна быть минимальная оборона (Bruun-Hanssen 2019). НАТО также выразил обеспокоенность недостатком обороноспособности на севере (Olsen 2019). Даже в решении непредвиденных случаев, которые никоим образом не могут угрожать существованию государства, требуется импровизация в выборе срочных мер и повышение духа коллективизма.

Примером может послужить переброска шести истребителей F-16 и 140 человек аэродромной службы на передовую авиабазу на Крите в связи с гражданской войной в Ливии в 2011 году. Личный состав и боевая техника, которые на самом деле не предназначались для выполнения какой-либо определённой задачи, должны были прибыть в срочном порядке. Пробелы и критичные недостатки в собственной организации должны были быть компенсированы импровизацией, которая, в свою очередь, приводила к возникновению новых пробелов в других организационных вопросах (Heier 2012). Другим примером было повышение боеготовности на аэродроме Банак в Финнмарке в связи с российской аннексией Крымского полуострова. Скромный рост активности Королевских военно-воздушных сил на этой базе привёл к срочной передислокации личного состава, постоянно работающего в других частях страны (Forsvaret 2015). Эти два примера дают представление о том, как тяжело воспринимаются даже небольшие отклонения от нормального мирного состояния дома или за границей. Другими словами, остаётся ещё совсем немного, чтобы небольшие изменения в приграничных районах привели остальную национальную оборонную способность и боеготовность в беспорядок. Поэтому оперативная способность обороны страны оценивается как «удовлетворительная» (Forsvarsdepartementet 2018, 56).

Как, с помощью теорий и эмпирических исследований мы можем понять разницу между «холодной войной» и сегодняшней ситуацией? Цель этой главы — описать политические выборы и оценки, которые были сделаны в конце 1990-х и в начале 2000-х годов, когда власти «едва ли не за ночь» свернули территориальную оборону, чтобы соответствовать американскому видению НАТО. Цель такого описания отчасти в том, чтобы понять лежащие в основе причинно-следственные связи, которые могут объяснить возрастающую зависимость от США и, соответственно, напряжённые отношения с Россией. И частично — чтобы порассуждать о том, какие теоретические основы могут лучше объяснить норвежское мышление по вопросам безопасности в 2000-х годах.

Будет логичным начать с исходной точки в мире реальности. Это означает, что сначала мы опишем эмпирическую основу, которая сложилась за предшествующий десятилетний период (2008—2018) с акцентом на критичные годы во время 1-го кабинета Бунневика

(1997–2000), 1-го кабинета Столтенберга (2000–2001) и 2-го кабинета Бунневика (2001–2005). Затем мы поместим сделанные в этот период политические выборы в теоретические рамки для интерпретации, которую мы, спустя 20 лет, можем проще увидеть на необходимом критическом расстоянии — в некотором роде понимание «задним умом». Ведь теории — это не что иное, как заученные доктрины и прочно закреплённые процедуры; скорее это субъективные интерпретации реальности, того, как мир развивается в современности и каким он предстаёт перед глазами исследователя. Таким образом, становится легче увидеть изменения и истолковывать их в свете новых перспектив. Это прежде всего касается того, что находится в рамках общих теорий старейшего классического направления в международной политике, а именно — школы реализма. Со временем это классическое направление доказало свою способность объяснять причины межгосударственного поведения, даже для северных малых государств, которым легче всего бороться за соблюдение международного права, международный порядок и коллективные решения в установившихся организационных рамках.

Тем не менее в случае Норвегии реализм показал повторяющуюся модель поведения, к которой стоит присмотреться. Дело в том, что рост непредсказуемости может быстро заставить малые государства стремиться к центру силы, к тому, что часто называется уравниванием угроз (Walt 1987). В случае с Норвегией это, как известно, США. Намерением являлось: балансирование и уравнивание российского превосходства в силах в собственных приграничных районах. Но по мере того как отношения Востока и Запада на протяжении 2000-х годов становились всё прохладнее, эта модель изменила характер. Норвегия стала не просто заинтересована в том, чтобы уравновесить Россию на домашней арене в соответствии с предложениями оборонительного реализма о стратегии статус-кво в собственных приграничных районах. Не менее важным является участие в международных операциях, в том числе для защиты интересов безопасности США в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Африке. Ведь американские и норвежские власти имеют большой общий интерес в поддержании мирового лидерства США, способствуя этим жизнеспособности НАТО, в использовании которого заинтересованы США и на который всё

больше опирается норвежская обороноспособность. Таким образом, скудные норвежские военные ресурсы направляются из Норвегии в Прибалтику, на Кавказ, в Центральную Азию, на Ближний Восток и в Африку. Не потому, что норвежские силы имеют очень большое значение. Скорее потому, что в норвежских интересах — быть вместе с США. И это несмотря на то, что такая помощь также поддерживает военную гегемонию США больше, чем стабилизирующий и ориентированный на статус-кво баланс сил между более равновеликими державами.

После окончания «холодной войны» и особенно после того, как Норвегия стала принимать более активное участие в международных операциях в 2000-х годах, может показаться, что способ, которым власти достигают безопасности, изменился. Из исключительно оборонительного и ориентированного на статус-кво варианта реализма в северных регионах доктрина безопасности стала более наступательной. Под этим имеются в виду *способ*, которым достигается безопасность, и *мотивы*, которые ложатся в основу. Они лучше подходят варианту реализма, основанному на конкуренции: поддержание военной гегемонии доминирующей сверхдержавы — США — стало важнее, чем поддержание более уравновешенного баланса сил между Востоком и Западом. Главная причина, которая будет изложена в заключении главы, в том, что это связано с рядом недалёковидных политических решений, которые были приняты на рубеже веков в Норвегии. Это было во времена, когда Россия рассматривалась как друг, а не как соперник. Затем будет разъяснено, как норвежское мышление по вопросам безопасности и обороны может пониматься в свете наступательного, а не оборонительного реализма.

Путь к зависимости

В годы после распада Советского Союза США постепенно становились всё более нетерпеливыми по отношению к норвежской и европейской военной реорганизации в НАТО. Опыт Югославских войн 1990-х годов показал, что Норвегия и остальная часть Альянса оказались фактически в положении нахлебников в сообществе, которое не желало ни перестраиваться, ни иметь военных возможностей решать серьёзные вызовы безопасности на своём континенте.

Несмотря на то что спустя десять лет после окончания «холодной войны» Норвегия и другие члены НАТО имели в своём распоряжении более 1,4 млн солдат, страны-участницы по-прежнему испытывали проблемы в оперативном содержании около 50 000 солдат в Боснии (Robertson 2002).

В то же время норвежские власти были одними из самых скептически настроенных к расширению зоны ответственности альянса. Согласно мнению Министерства обороны Норвегии, для этого, в отличие от традиционной обороны, предназначенной для отражения от вторжения, потребовалась бы совершенно другая концепция обороны с другими видами личного состава и военной техники, которые можно было бы быстро перебрасывать на большие расстояния. Чтобы высвободить средства на это, необходимо было лишь ликвидировать всё старое. В то же время, согласно оценке отдела по вопросам политики безопасности Министерства обороны, недостаток заключался в том, что такое решение могло положить начало «фундаментальному изменению в формах, которые были выбраны норвежцами, как независимой нацией, для организации обороны своей страны» (FD 1999; Heier 2006, 95). В то же время при новой концепции властям стало бы проще привлечь к себе внимание участием в конфликтах и операциях за рубежом, где США нуждались бы в помощи. Кроме того, солидарность, проявленная через разделение с союзниками большого риска и тягот, обеспечила бы то, что использование США силы осуществлялось бы в легитимных организационных рамках. Недостатком являлась бы утрата национальной обороны, которая, несмотря на слабости в тактической мобильности и обороноспособности, позволяла при малейших конфликтах разрешать небольшие сложности, инциденты и кризисы самостоятельно. Именно в этом опасность столкновения с Россией была наибольшей.

Вдобавок профессиональный опыт, который необходим в планировании, развертывании и проведении более крупных воздушных, морских и сухопутных операций самостоятельно, в основном был бы утрачен. Это, в свою очередь, привело бы к тому, что норвежские власти, исходя из военных соображений, должны были бы как можно скорее уступить командование союзническим силам, которые, возможно, пришли бы Норвегии на помощь. Сложнее было бы удержать под национальным контролем вопросы урегулирования локальных кризисов. Ведь часто происходит так, что великие дер-

жавы, располагающие значительными и разнообразными силами, используют более грубые средства для решения кризисов, чем это сделали бы малые государства. Не потому, что США сами по себе хотят конфликта с Россией, а потому, что американские вооружённые силы не осведомлены о долговременных российско-норвежских механизмах урегулирования конфликтов, которые, в частности, оказывали влияние на сотрудничество в области рыболовства в Баренцевом море, имеющее большое значение для поддержания напряжённости на минимально возможном уровне (Hønneland og Jørgensen 2015; Østhagen 2018). Из-за участия союзников станет сложнее контролировать то, как они будут вести себя в российско-норвежской пограничной области, что может быстро привести здесь к росту напряжённости.

В начале 1990-х годов Министерство обороны США осуществляло так называемую Стратегию малой страны (*Small Country Strategy*) по отношению к Норвегии, Дании и другим малым странам — членам НАТО. Эти страны были более уступчивыми, чем Великобритания, Франция и Германия, которые из-за своих размеров и наличия крупных вооружённых сил были настроены более скептически к отказу от суверенитета и национальной независимости (Heier 2006). Поэтому США старались убедить Норвегию и другие малые государства, что их участие в зарубежных операциях не подорвёт коллективное единство НАТО. Согласно заявлениям Пентагона, всё равно бы возникла необходимость в сворачивании своей территориальной обороны, чтобы освободить «свежие деньги» для новых инвестиций в личный состав и боевую технику, которые в срочном порядке можно было бы перебрасывать на большие расстояния, особенно в тех случаях, когда другие союзники проявляют медлительность (Matlary 2013).

В 1990-х годах эта кардинальная реорганизация для поиска выходов из всё более усиливающегося экономического кризиса стала постепенно поддерживаться Военным исследовательским институтом, норвежским военным руководством, Министерством обороны и более широкими кругами норвежского политического истеблишмента (Bogen og Håkenstad 2015). Ведь несмотря на то что в начале 2000-х годов европейские военные бюджеты суммарно составляли почти две трети военного бюджета США, европейская обороноспособность не соответствовала и двум третям американской. Согласно мнению генсека НАТО Джорджа Робертсона: «Правда заключается

в том, что могучая Европа остаётся военным пигмеем». Другими словами, Норвегия и НАТО нуждались в меньшем количестве военнослужащих, а также в «более компактном тяжелом вооружении» и «меньшем количестве стратегических баз» (Robertson 2002).

Одновременно стало ещё важнее, чтобы эти скудные военные ресурсы были использованы более эффективно. По словам советника по вопросам безопасности президента Дональда Трампа Дугласа Дж. Фейта, который в 2002 году занимал должность государственного секретаря в американской администрации, «[правительство США] слышало обнадеживающую риторику на саммите в Вашингтоне в 1999 году, но, в общем и целом, результаты выглядели скудными... Так как мы призываем союзников тратить больше на оборону, ещё важнее, чтобы мы призывали их “тратить умнее”» (Feith 2002, 14). Принцип *более умных трат* соответствовал американской военной стратегии, проводившейся с 2000 года, согласно которой Норвегия и остальные члены НАТО должны были перейти к новой форме защиты своих территорий. Эта форма основывалась на усилении взаимозависимости:

Наша цель — не развивать схожие возможности для каждого члена НАТО, так как не каждый член НАТО нуждается или может позволить себе новейшие истребители, крупнотоннажные танкеры или системы наблюдения. Скорее наша цель состоит в обеспечении сил НАТО *совместимыми и дополнительными возможностями*, которые отвечают нашим коллективным требованиям (The White House 2000, 16. Курсив автора).

Американское давление на необходимость реорганизации территориальных вооружённых сил для того, чтобы они могли участвовать в международных операциях, ещё больше усилилось после террористических актов в США 11 сентября 2001 года. В последующие недели руководство НАТО выпустило не менее трёх коммюнике, в каждом из которых речь шла о том, чтобы перевести военное внимание с региональной зоны ответственности в Европе на более глобальном поле действия, в том числе в Центральной Азии и на Ближнем Востоке (Heier 2006, ff. 231). Но к этому времени норвежские власти уже приняли решение. 1-й кабинет Бунневика ясно заявил, что «...союзнический интерес к участию в военном сотруд-

ничестве, специфически связанном с нашими территориями, будет уменьшаться» (Forsvarsdepartementet 1998, 23).

Причина этого заключалась в том, что взаимозависимые отношения между США и Европой почти исчезли (Forsvarsdepartementet 2004). Поэтому для Норвегии стало «основополагающим интересом защищать и укреплять консультационные механизмы НАТО, в том числе чтобы воспрепятствовать политической маргинализации малых стран» (Ibid., 26). Согласно заявлению Министерства обороны Норвегии и основываясь на американской программе реформ в НАТО *Defence Capability Initiative* (DCI)¹, было уже недостаточно просто выражать политическую поддержку США. Нужно было также демонстрировать реальную волю к проявлению решительности, думать по-новому относительно обороны страны и принимать практические меры в рамках американской программы реформ (Heier 2006).

Высказывания ведущих политических фигур в области обороны США произвели особое впечатление, когда стало ясно, что американские власти после террористических актов предпочли бы вообще не использовать НАТО. И это несмотря на то, что альянс впервые в своей истории допустил применение 5-й статьи договора: «Один за всех — все за одного». Но США не доверяли НАТО и формализованным институтам, которые требовались для многонационального сотрудничества в области обороны:

Годы сокращения расходов на оборону и неспособность выполнения обещания за обещанием улучшить европейские военные возможности заставили некоторых американцев усомниться в том, что наши союзники реально могли бы внести... Соединённые Штаты верили в группу избранных союзников. Но они не имели доверия к институту, которым является НАТО (Lugar 2002, 262).

В свете расширенного понятия безопасности 1990-х годов, когда безопасность государства была заменена на безопасность индивидов и где принцип невмешательства, по мнению норвежских властей, «...должен уступить защите основополагающих прав человека» (Heløe 2002, 3), политические указания главнокомандующему вооружёнными силами Норвегии Фрисвольду получили более

¹ Инициатива в области оборонных возможностей (англ.).

острое содержание: вооружённые силы, которые пригодны *только* для обороны с применением обычных видов вооружения, в соответствии с традиционной моделью обеспечения безопасности государства, должны получить наименьший приоритет (Forsvarsdepartementet 2002). Вдобавок «уже приобретённые и принятые структурные элементы должны приспособляться и развиваться так, чтобы они в максимальной степени могли удовлетворять конкретизированные потребности НАТО» (Ibid., 4). Согласно заявлению министра обороны, обоснованием этому была постоянно усиливающаяся роль НАТО как «фактора, определяющего рамки» норвежского оборонительного планирования:

Тот набор задач и потенциалов, изложенных в стратегическом концепте Альянса, правительственных распоряжениях и Инициативе в области оборонных возможностей (DCI), будет *наивысшим приоритетом* для всего структурного развития вооружённых сил. Там, где ещё не было принято конкретных национальных решений, которые бы явно двигались в ином направлении, обновление организации вооружённых сил будет проводиться в соответствии с военными целями, принятыми в НАТО (Ibid., 5; Heier 2006, 105. Курсив автора).

В основе этого лежали ожидания того, что Норвегия должна свернуть национальную, территориальную и основанную на мобилизации систему обороны. Это была система, в которой основная часть личного состава состояла из граждан, живших обычной жизнью, когда боевые подразделения временами имели низкую мобильность, боеготовность и недостаточную огневую мощь. Но система организации вооружённых сил всё-таки имела определённый запас прочности, что могло повлиять на российские оценки, если бы стали взвешиваться перспективы быстрой победы в некоторых частях Северной Норвегии. Между тем более важно делать ставку на многонациональное сотрудничество, разделение труда и ролевую специализацию — с так называемыми «совместимыми и дополнительными возможностями» — с тем, чтобы норвежские «...специальные компоненты (нишевые ресурсы) [могли бы быть] включены в различные силовые пакеты союзников» (Forsvarsdepartementet 2002, 4). Ведь именно так за счёт отказа от содержания большой, территориальной оборонной структуры могли высвободиться экономические возмож-

ности. И только так могли быть получены «свободные средства» для новых и рассчитанных на перспективу инвестиций в создание того, что постепенно должно показать себя как пользующийся большим спросом вклад в оборону. Такими были силы, которые частично могли бы перебрасываться в районы возможных кризисов, могли действовать в норвежском воздушном и морском пространствах и сухопутных районах (Forsvaret 2000). Но довольно значительная часть этого предназначалась тому, в чём США нуждались и в чём Норвегия старалась пойти на встречу для поддержки значимости НАТО — зарубежным операциям.

Разосланные по каналам НАТО американские программы реорганизации содействовали в решении самой большой проблемы норвежских властей — а именно глубокого и продолжительного кризиса в финансировании национальной обороны (Andreassen et al. 2000; FD 2001; Bogen og Haakenstad 2015). Под девизом «быть лучшим в НАТО» (Devold 2002b) и с привлекательным заголовком «Из реорганизации в трансформацию» (Devold 2004) 2-е правительство Бунневика активизировало реформы, инициированные 1-м кабинетом Столтенберга за счёт амбициозного плана создания сил поддержки для международных операций численностью более 3500 военнослужащих (FD 1999), одновременно увязывая обороноспособность теснее с союзническим и международным сотрудничеством в области обороны (FD 2001).

Согласно заявлению 1-го кабинета Столтенберга, важной причиной такого решения является то, что «зависимость от альянса в серьёзных кризисных ситуациях и в случае войны объясняет необходимость того, чтобы способности национального урегулирования кризисов и вклад в международное урегулирование кризисов должны рассматриваться взаимосвязано» (Ibid., 28). Эти директивы заключались в том, что норвежские вооружённые силы в общем и целом должны были иметь стратегическую и тактическую мобильность, высокую оперативность действий, современную военную технику и профессиональную армию на контрактной основе. Особенно важным было «дальнейшее развитие нишевых ресурсов, которые могли быть востребованы в НАТО и для поддержки которых у Норвегии имеются возможности» (FD 2002, 4).

В соответствии с ожиданиями США о *совместимых и дополнительных возможностях* и исходя из национальных интересов посчи-

тали разумным ориентироваться на качество, а не на количество. Такой подход основывался на ожидании того, что небольшой востребованный боевой контингент может помочь стране взять на себя риск и зафиксировать свое участие там, где это больше всего нужно американским партнерам. Ведь, по мнению политического руководства Министерства обороны, это должно было укрепить солидарность в НАТО и обеспечить взаимную поддержку стран-участниц (Krohn Devold 2002a). По словам министра обороны Девольда, было важно «...определить, в чём ты хорош, и сосредоточиться на этом [...]». Таким способом ты можешь играть с большими парнями, даже если ты маленький» (Brzezinski 2003).

Уязвимость в собственных рядах

Оглядываясь назад, можно предположить, что изменение представления о политике безопасности на рубеже веков сократило национальное пространство для манёвра властей. Это касалось прежде всего отношения к России, которая, согласно убеждению норвежских властей, в 2000-х годах стала действовать более уверенно. Министр обороны Сёрейде в 2014 году утверждала, что

в некоторых областях мы, возможно, зашли слишком далеко. Так что сам хребет обороны — способность защитить Норвегию и союзников в случае кризиса или войны с опорой на эффективные и разветвленные структуры — не так прочен, как бы мы хотели (Søreide 2014).

Примерно 15 лет назад Министерство обороны предупредило политиков о том, что «взаимозависимость будет возрастать, и станет труднее продвигать национальные взгляды в кризисных ситуациях» (Heier 2006, 147). После аннексии Крыма ситуация стала особенно серьёзной:

Десятилетия низкой напряжённости в стране, в то время как вооружённые силы занимались масштабными и ответственными задачами за границей, привели к тому, что наличие достаточных ресурсов для поддержания боеготовности, обеспечения и логистики операций в случае обострения конфликтов не являлись приорите-

том. У вооружённых сил нет той необходимой способности решать важнейшие задачи, стойкости и возможности реагировать, как того требуют вызовы (FD 2016, VIII).

Другими словами, достаточно небольших отклонений от мирного нормального положения дел, например в Баренцевом море, на Шпицбергене, вокруг радара «Глобус-2» в городе Вардё или в Балтийском море, для того чтобы это повлияло на характер отношений норвежских властей и России. Подобная ситуация возникала постепенно, поскольку Россия более не соотносила себя с либеральным мировым порядком, развитие которого, по ее мнению, определяется США (Trening 2006; Tsygankov 2013). Постепенный переход к «новой нормальной обстановке» в отношениях между двумя великими державами тем не менее прошёл быстрее, чем воссоздание территориальной обороны Норвегии. Именно эта медлительность сокращает норвежское пространство для манёвра по отношению к России, и это приводит к тому, что баланс между быть «хорошим соседом» и «хорошим союзником» склоняется к последнему. Частично — потому что сейчас требуется совсем немного для того, чтобы норвежские власти начали бы беспокоиться о том, что они окажутся в ситуациях, где собственная обороноспособность ослабнет или рухнет, прежде чем вообще раздастся первый выстрел. Также это происходит потому, что становится всё труднее определить уровень конфликта, который будет достаточно серьёзным для того, чтобы в него на политическом и военном уровнях оказались вовлечёнными американские власти. И, наконец, потому, что состояние обороны больше не может остановить российские вооружённые силы в Финнмарке и одновременно — обеспечить безопасность зоны высадки союзнического подкрепления на юге страны.

Шеф обороны Норвегии Брун-Ханссен зашёл достаточно далеко и признал следующее: «Моя оценка заключается в том, что мы укомплектовали [личным составом] слишком малую часть структуры, и что в этой части не хватает персонала [чтобы она функционировала нормально]... Это влияет на нашу способность урегулировать кризисы и обеспечить оборону в случае вооружённого нападения» (Bruun-Hanssen 2014). Подобная мысль была также высказана в выводах Военного совета при главнокомандующем в 2015 году, где было обращено внимание на то, что силы реагирования НАТО

должны стать ударной силой в союзнической поддержке Норвегии. Но союзные войска тем не менее ограничены в размере, и требуется много времени, прежде чем их можно будет развернуть на норвежской земле (Forsvaret 2015). И если возникнет угроза для Норвегии, другие члены НАТО также почувствуют угрозу в этом и для себя. Вопрос, сколько из скудных оборонных ресурсов они будут готовы выделить для защиты Норвегии, остаётся открытым (Heier 2019a). Однако, по мнению главнокомандующего, недостаток обороноспособности сухопутных войск не может «быть компенсирован НАТО, если силы Альянса не будут размещаться на норвежской земле постоянно» (Forsvaret 2015).

Это означает, что принятые на рубеже столетий политические решения о том, чтобы быть «лучшими в НАТО» в реорганизации обороны и способность быть «хорошим союзником» в операциях за рубежом, 20 лет спустя привели к значительному перерасходу собственных сил. Это, в свою очередь, увеличило потребность в наличии американских воинских контингентов в Норвегии в мирное время, что также повлекло изменения трактовки существующей политики по вопросу военных баз. Другими словами, недостающую национальную обороноспособность следует компенсировать в том числе за счёт постоянной дислокации американских частей в губерниях Трумс и Трёнделаг, проведения большого количества манёвров в Финнмарке с американским участием, более частых заходов в регион атомных подлодок, а также строительства новой совместной операционной базы в Южной Норвегии для американских истребителей, которые будут защищать Прибалтику.

Таким образом, становится сложнее выработать не вызывающую беспокойства стратегию в отношениях с Россией. Потому что норвежские власти знают, что если интересы безопасности Норвегии подвергнутся испытанию в районе Шпицбергена, островов Медвежьего или Надежды в Баренцевом море, то самое главное и эффективное средство воздействия в сфере политики безопасности — вооружённые силы — не выдержит испытания. Это также подтверждается в собственных отчётах вооружённых сил. Согласно Рапорту главнокомандующего обороной о контроле и результатах проверки за 2016 год, утверждалось, что система обороны «не в состоянии» провести мобилизацию «в чёткие сроки, определённые Министерством обороны, и в соответствии с оперативными

требованиями главнокомандующего»; центральные части оборонной структуры «недостаточно укомплектованы и имеют низкую эффективность» и поэтому могут быстро выйти из строя (Tallaksen og Sørenes 2017). Два года спустя, в 2018 году, это было также признано Министерством обороны:

Текущие требования к системе обороны в условиях кризиса и войны не вполне соответствуют сложившемуся положению с политикой безопасности. Оборона также не выполнила полностью и не была в состоянии удовлетворить требования по боеготовности на случай серьёзных кризисов и вооружённых конфликтов (Forsvarsdepartementet 2018, 54).

Поэтому может показаться, что норвежские власти приняли ряд недальновидных решений в начале 2000-х годов: 1-й кабинет Столтенберга, 2-й кабинет Бунневика и 2-й кабинет Столтенберга решили отказаться от большей части национальной обороноспособности в наиболее вероятных сценариях, в которых Россия могла бы стать проблемой, чтобы вложить средства в создание мер, которые содействовали бы тому, чтобы США не потеряли веру в НАТО.

Это произошло в двоякой форме: во внешней политике норвежские власти поддерживали стремление быть «лучшими в НАТО», при этом одновременно замалчивалось, что свобода для манёвра при столкновении с Россией сократится. Риск того, что более тесное и более многонациональное военное сотрудничество усложнит возможность быть «хорошим соседом» на востоке и одновременно «хорошим союзником» на западе, практически не обсуждался, анализировался или иным способом исследовался. Следовательно, вызовы, которые это повлекло за собой, в виде уменьшения способности решать небольшие сложности, инциденты и кризисы самостоятельно, также не освещались и не объяснялись. Это касалось как политических партий в Стортинге, так и более широких слоёв населения.

Обеспокоенность Министерства обороны тем, что это будет началом «фундаментального изменения того, как Норвегия — независимое государство — организует свою оборону», не была актуальной, пока Россия воздерживалась от того, чтобы бросить вызов американскому авторитарному лидерству в международной

политике. Несмотря на то что Путин был первым, кто послал соборезнования американскому президенту Джорджу Бушу-младшему после террористических актов в 2001 году, первым, кто предложил США стратегическое партнёрство в борьбе с исламским экстремизмом, и президентом, который хотел, чтобы его страна вступила в НАТО (AP 2001). Согласно профессиональной военной экспертизе Министерства обороны, «в обозримом будущем» Россия не составит угрозы для Норвегии. Более того, в «Военном исследовании — 2000» (Forsvarsstudien 2000) утверждалось, что «возможный конфликт более не приведёт к большой европейской войне между Востоком и Западом» (Forsvaret 2000, 7). Скорее сама Норвегия была заинтересована в том, чтобы сохранить Россию в качестве сильного военного соседа (FD 2007). Это бы уменьшило опасность социальной нестабильности в стране и в регионе в целом. Одновременно ядерные силы и радиоактивные отходы контролировались бы действующими государственными структурами, а не олигархическими и криминальными кругами.

«Политика приглашения»

Между тем стало более проблематичным после того, как США грудью встали за принятие стран Балтии в НАТО в 2004 году, одновременно в 2008 году прилагая усилия для решения вопроса о членстве в НАТО Грузии и Украины. Ещё более проблемной ситуация стала после того, как Россия ввела войска в Южную Осетию в 2008 году, в том числе в попытке воспрепятствовать этому. Когда Россия в очередной раз попыталась помешать Украине присоединиться к возглавляемому США либеральному мировому порядку в 2014 году, многовековой характер добрососедских отношений Норвегии с Россией, по мнению министра обороны, «изменился навсегда» (Stortinget 2014). И тогда норвежской общественности стало также ясно, что норвежское пространство для манёвра в отношениях с Россией стало чрезвычайно малым. Это произошло потому, что ранее в течение многих лет норвежские власти сокращали свою способность самостоятельно решать вызовы безопасности на самом низком уровне конфликтной шкалы. Эта уязвимость, о которой высокопоставленные чиновники в Министерстве обороны преду-

преждали в 1999 году и которую министр обороны Сёреиде спустя 15 лет описала так: норвежская оборона «опустилась на довольно низкий уровень» (Søreide 2014). И это повысило притягательность норвежской «политики приглашения» в отношении США.

Это также повлияло на баланс между сдерживанием и умиротворением, так как стало больше первого и меньше последнего. Частично это объясняется очевидными нарушениями Россией международного права, поскольку восточный сосед за шесть лет дважды вмешивался во внутренние дела сопредельных стран, которые хотели стать членами НАТО, но не стали ими, так как с российской точки зрения их членство повлекло бы за собой создание военной инфраструктуры, которая позволила бы осуществлять более быструю переброску большого количества американских сил в районы, прилегающие к российским границам. Но с норвежской позиции, похоже, стало сложнее рассуждать о безопасности в абсолютных значениях, понимаемых как то, что норвежская и российская безопасность должна рассматриваться во взаимосвязи. Причина в том, что, когда собственная обороноспособность построена на совместимых и дополнительных возможностях в соответствии с американскими программами реформ, становится сложнее по-прежнему поддерживать свою способность по урегулированию отдельных спорных моментов и кризисов. Даже небольшие отклонения от нормального мирного положения в норвежско-российских отношениях в этом случае быстро становятся делом союзной великой державы. Частично потому, что норвежская оборона больше не имеет доступа к собственным вооружённым силам, которые были бы в состоянии решать национальные задания самостоятельно. Таким образом, норвежские власти также не могут удерживать великие державы на расстоянии вытянутой руки. В том числе и потому, что роль «хорошего соседа» по отношению к России несовместима с ролью «хорошего союзника» в периоды, когда передовая оборона США становится всё важнее для норвежской обороноспособности. В такие периоды, которые постепенно отражались на норвежском военном мышлении после введения так называемой предельной обороны в 2008 году (Forsvarsdepartamentet 2008), норвежское пространство для манёвра сильнее привязывалось к американским интересам в области безопасности на севере. Политические и военные попытки норвежской стороны предстать «хорошим соседом» России начинают воспри-

ниматься как аргумент слабости и уступчивости. Такие попытки к примирению и диалогу сразу сравнивают с британской политикой умиротворения по отношению к Германии в межвоенный период. По оценке шефа обороны Норвегии Брун-Ханссена, основные слабости в собственной военной структуре создают «вакуум, который, без сомнения, будет заполнен другими» (Bruun-Hanssen 2019).

За возросшей зависимостью следует, соответственно, разворот в сторону США, потому что страх остаться один на один с Россией возрастает. Эта зависимость крайне усиливается возрастающими ожиданиями США по отношению к Норвегии и другим членам НАТО. Это касается, в частности, содействия в наращивании сил в международных операциях. После терактов против США в 2001 году и последующей глобальной «войны с терроризмом» НАТО стал важнейшим источником силы для коалиционных операций во главе с США, в частности в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии. Зависимость, возникшая на протяжении 2000-х годов, делает сложным независимый выбор политических решений, особенно когда этот выбор противоречит интересам ближайших союзников. Таким образом, зависимость часто приводит скорее к большей, а не к меньшей готовности идти навстречу пожеланиям великих держав (Walt 1987). Примером может послужить то, что норвежские власти положительно отреагировали на американские пожелания об участии норвежских войск в гражданской войне в Ливии в 2011 году и в войне с ИГИЛ в Сирии в 2014 году. С американской точки зрения, это абсолютно логично, в частности потому, что США и Норвегия принадлежат к одному и тому же западному либеральному сообществу безопасности, поэтому у них есть общий интерес защищать и продвигать по всему миру одни и те же идеалы. Но ведение войны по американским военным моделям, в частности уничтожая бомбардировками жизненно важную для общества инфраструктуру, влечёт за собой также региональные последствия (Vøås 2019; Heier 2019). Ведь согласно заявлению председателя Парламентского комитета по иностранным делам и обороне, после норвежских и союзнических ракетных атак случилось следующее:

Последствия гражданской войны в Ливии в полной мере отразились на обстановке в Мали и далее на Нигере. В большой степени это привело к заполнению вакуума, образовавшегося после падения

режима Каддафи в Ливии; когда экстремисты добыли оружие, повстанческое движение распространилось по всему региону и смогло создать свои базы (Søreide 2013).

В итоге Норвегию снова попросили помочь своими вооружёнными силами в новых зарубежных операциях, но на этот раз дальше к югу Африканского континента — в Мали, где последствия Ливийской войны привели к масштабному конфликту. Частично из-за того, что вдохновленные джихадизмом повстанцы получили сильную военную опору, и частично из-за того, что гражданское население в этих регионах было более готово к вооружённому противостоянию (Vøås 2019).

Развитие обстановки, описанное выше, открывает новые способы для понимания того, как и почему малые, зависимые от альянса государства получают ограниченное пространство для манёвра в политике обороны и безопасности. Ведь, по сути, норвежские интересы безопасности движимы прежде всего страхом оказаться в кризисе или в конфликте с Россией, «который будет слишком большим для Норвегии, но слишком незначительным для США» (Forsvarsdepartementet 2007, 44). Страх объясняется тем, что Норвегия нуждается в США больше, чем США в Норвегии. Таким образом, смещается тонкий баланс между тем, чтобы быть близким к США, насколько это возможно, не провоцируя российских ответных мер. Поскольку, когда это происходит, отношение к США и членство в НАТО могут сами по себе стать таким же большим риском безопасности, как и российские войска. Россия не боится ни норвежских властей, ни их вооружённых сил, она боится того, что норвежские воздушные, морские пространства и сухопутные территории станут плацдармом и отправной точкой для американских операций против нее. Это прежде всего касается ситуаций, когда непредвиденный кризис обострится и выйдет из-под контроля в Балтийском море, на Украине, в Чёрном море или в северных регионах.

Чтобы более обобщённо понять, как оказывается влияние на этот баланс, мы перейдём от эмпирического восприятия к теории. В оставшейся части главы будет сначала разъясняться переход от упора оборонительного реализма на баланс сил к стремлению наступательного реализма создать дисбаланс, в том числе путём накопления максимального количества силы от имени гегемона. Затем будет

описано, как этот теоретический поворот в сторону наступательного реализма обусловлен военным мышлением, которое придаёт значение *относительной безопасности* от лица исключительного западного сообщества безопасности, а не от более широкого сообщества безопасности, основанного на всеобщей *абсолютной безопасности*.

Оборонительный и наступательный реализм

Согласно Кеннету Н. Уолтцу и Джону Миршаймеру, если взять за основу характерную черту реализма, то существует пять основных условий, которые определяют межгосударственные отношения. Прежде всего это государства, являющиеся независимыми игроками в международной политике. Основой для этого является второе условие, которое сводится к тому, что окружение государства в основном характеризуется некоторой формой анархии, а именно системы помощи самому себе, где нет достаточно сильного надгосударственного управления, норм или институтов, которые могли бы обеспечивать собственное благополучие государства. Институты, как, например, ООН, ЕС, НАТО и Арктический совет, существуют, но тем не менее каждая страна «ближе сама себе», и в конце концов она прежде всего думает о своих интересах, а не об интересах других. В-третьих, в сущности, почти все государства стремятся иметь собственное вооружение. В-четвёртых, думая только о своих интересах, они не могут доверять намерениям других стран, ведь это — только слова, а слова, в отличие от вооружённых сил, легковесны. Часто слова — это просто малообдуманнные мысли и импульсы, которые распространяются через Твиттер и в СМИ и которые могут быстро меняться с приходом новых политиков или публикаций сообщений иного характера. В-пятых, государства, независимо от того, большие они или малые, считают необходимым быть рациональными, эгоистичными и стремящимися к наибольшей выгоде игроками; они наиболее склонны к преследованию собственных, а не чужих интересов, если нет иных способов гарантировать собственное выживание (Waltz 1979; Mearsheimer 1994).

Во времена «холодной войны» и вплоть до середины 2000-х годов рамки теоретического толкования в Норвегии и на Севере в целом во многом характеризовались так называемым оборонительным

реализмом. Под этим термином понимается то, что ориентированное на поддержание *статуса-кво* мышление, согласно которому малые государства, основываясь на том, что обеспечивает бóльшую безопасность, взяли на себя ряд ограничений. Частично это было сделано во избежание соперничества великих держав с последующим ростом милитаризации прилегающих регионов. Но это также позволило бы Норвегии расширить собственное пространство для манёвра так, чтобы возможные вызовы было проще решать путём диалога и сотрудничества, а не угрозами военной эскалации. Это означало, что государства не были заинтересованы прежде всего в накоплении максимально возможного количества вооружений — в своих интересах или в интересах ближайших союзников. Они были скорее заинтересованы в сохранении стабильности и предсказуемости, потому что все имели общий интерес в равном балансе силы между великими державами. Ведь равенство также способствует осторожности в политике укрепления собственной обороны, и, таким образом, становится легче наладить сотрудничество (Gleditsch og Buhaug 2011). Понимание того, что свои действия могут спровоцировать контрмеры, которые, в свою очередь, приведут к новой спирали двусторонней гонки вооружений, дали почву для военной сдержанности. Альтернатива, состоящая в создании большей безопасности за счёт других государств, превзошла бы потенциальные выгоды. Поэтому эффективнее поддерживать максимально равномерную способность сдерживания, в то время как противоположное решение могло бы привести к гонке вооружений, которая давала бы каждому меньшую безопасность (Snyder 1984).

Поэтому во избежание подобной дилеммы безопасности в собственных приграничных районах было бы разумным выказать уважение основополагающим интересам безопасности другой стороны. Это уважение легче поддерживать, когда перед тобой равный противник. Если противник неравный и значительно слабее, можно задаться вопросом, есть ли у слабой стороны способность и желание принимать контрмеры, если она в итоге подвергнется воздействию, которое ей не нравится. Равенство, напротив, создаёт предсказуемость. Так происходит потому, что последствия провоцирования контрмер будут быстро восприняты как реальные и пугающие, и тем самым могут привести к новым контрмерам с собственной стороны, которые в итоге повысят напряженность и создадут меньшую

безопасность для обеих сторон. Тем самым взаимные отношения в пограничных районах между двумя соседними странами молчаливо уважаются каждой стороной.

Этот момент, к примеру, проявился в Европе во времена «холодной войны». Ведь несмотря на то, что и США, и Советский Союз вели идеологическую борьбу, чтобы ослабить легитимность и влияние друг друга, обе стороны были заинтересованы в том, чтобы не слишком сильно подрывать интересы безопасности друг друга. Это создавало некоторую форму стабильности, которая часто называлась *кризисной стабильностью* (George 1991; Skogan 2009). Поэтому для больших и малых государств становится важным заботиться о своей собственной роли. Ведь поддержание равного баланса силы создаёт стабильность и предсказуемость. Если баланс будет подвергнут испытаниям, как, например, если одна страна нападает на другую или *Swing State*¹ будут подвергнуты угрозе смены режима или возникновению «цветных революций» — это будет иметь последствия для стабильности во всей системе государств. Изменение в балансе силы может изменить ситуацию в пользу соперника, что, в свою очередь, приведёт к контрмерам и уменьшению стабильности.

Сбои в балансе власти были нежелательны — ведь они давали другим государствам соблазн воспользоваться волнениями для собственной выгоды. Поэтому для обеспечения стабильности оборонительный реализм больше озабочен пониманием межгосударственного поведения, исходя из желания поддерживать *статус-кво* между равновеликими державами или союзами. Это была система, в которой большие патроны наблюдали за малыми клиентами. Система часто состоит из сети альянсов и коалиций, которые совместно создают предсказуемые рамочные условия, в которых все держат друг друга под контролем. Логику безопасности во времена «холодной войны» в Европе (Waltz 1979) или так называемую систему Меттерниха после Наполеоновских войн (Kissinger 1994) можно понять только таким образом.

В свете наступательного реализма, напротив, великие державы (в первую очередь), но также и их партнёры по Альянсу, никогда не

¹ Американское выражение «колеблющийся штат», означающее штат, в котором исход голосования по выборам президента неясен до последнего момента, так как основные претенденты имеют приблизительно равные шансы на победу. — *Примеч. ред.*

могут чувствовать себя в безопасности в рамках системы, в которой постоянно господствует неуверенность в том, какие намерения могут быть у других стран по применению своих вооружённых сил. Ведь намерения могут быстро поменяться и в системе, в которой нет надгосударственных режимов или институтов достаточно сильных для того, чтобы распоряжаться суверенными правами государства, отдельное государство должно само действовать сверхактивно и постоянно «быть в игре». Поэтому более наступательный настрой всегда будет иметь преимущество, особенно для получения преимущества в военном деле. Ведь благодаря постоянному удерживанию инициативы и проявлению явного лидерства партнёры по Альянсу остаются спокойны, а предпосылки для собственного выживания увеличиваются (Mearsheimer 2001).

Поэтому потребность в проявлении гегемонии и господстве над другими является более важной, чем баланс сил между равными великими державами. И это потому, что именно стремление сохранить относительный паритет сил создает условия для дальнейшего развития. Поэтому только сверхактивные меры способствуют расширению собственного пространства для манёвра, что, в свою очередь, увеличивает собственную безопасность. Другими словами, это помогает не думать только о том, как не раскачать лодку, чтобы удержаться на плаву в ориентированном на *статус-кво* балансе сил с другими соперниками. Ведь пока национальная безопасность будет рассматриваться как относительная величина — благо, которое нельзя разделить с другими, — всегда будет идти конкуренция. Согласно Барри Бузану (1991, 18) желание безопасности содержит в себе «...абсолютное состояние — что-то, что является либо безопасным, либо небезопасным — и не приспособливается к идее о многоуровневом спектре, подобном тому, который заполняет пространство между горячим и холодным». Таким образом, наступательный реализм — это антагонистическая игра, в центре которой — военная сила.

В теоретическом смысле эта форма межгосударственного поведения существенно отличается от мышления, основанного на оборонительном балансе. Прежде всего потому, что тезис гегемонии в наступательном реализме делает упор на накопление силы вместо осторожного поддержания *статус-кво*. Тем самым зависимые малые государства быстро становятся полезными пешками в мышлении великих держав о безопасности и стремятся присвоить себе столько

власти и влияния, сколько возможно, как раз потому, что великие державы прежде всего рассматривают безопасность как неделимое благо. Таким образом, безопасность — также и в собственном окружении малых государств — становится относительной величиной, за которую нужно постоянно бороться и конкурировать. Если этого не делать, то инициатива, региональная гегемония и лучшие условия для выживания переходят к более активному сопернику. Следовательно, переброска военных сил в другие части мира становится чрезвычайно важной; глобальное господство будет, естественно, слишком амбициозным, но региональная гегемония в тех частях мира, которые действительно что-то значат, будет находиться в приоритете (Mearsheimer 2001; Melby 2017). Таким образом, легко возникает дилемма безопасности в тех регионах, где сферы влияния великих держав соприкасаются: в северных районах, в Балтийском море, на Кавказе или так называемые оспариваемые линии разграничения на Украине (Sakwa 2015).

Чтобы более четко понять, как это происходит в Северной Европе, будет полезным использовать два понятия: *абсолютная* и *относительная* безопасность. Под абсолютной безопасностью подразумевается безопасность для всех государств в регионе. Относительная безопасность — это противоположное состояние, когда безопасность одного достигается за счёт безопасности других. Попытка обеспечить свою безопасность за счёт других всегда оборачивается против самого себя (Schelling 1966). Это прежде всего касается ситуации, когда государства, которые чувствуют себя наиболее уязвимыми и обеспокоены принятыми другими мерами, решают осуществить то, что считают необходимыми контрмерами. Поэтому можно утверждать, как, например, говорил Херберт Симоне (1976, 177), что «достижение целей [таких как безопасность] — всегда вопрос степени». В картине мира оборонительного реализма между тем есть сильная причинно-следственная связь между военной силой и безопасностью государства. Доступ к большим и более современным видам вооружений дает гражданам больше безопасности, поскольку вероятность военного поражения сокращается (Kydd 1997). Таким образом, невозможно увеличить собственную безопасность не за счёт других государств. Это не обязательно означает нападение на соседей, но это подразумевает, что у других государств будет меньше соблазна бросить вызов гегемону, — то есть формируется однополяр-

ная система с единственной господствующей силой в регионе. Таким образом государства, которые стремятся достичь максимальной безопасности через военное господство, не заинтересованы в равном балансе сил в регионе; им выгодно поддержание гегемонии с помощью малых, зависимых от альянса государств (таких как, например, Северные страны).

Последствия

Толкование норвежского и северного мышления о безопасности в такой перспективе — редкий случай. Всё послевоенное время Норвегия, подобно своим северным соседям, относилась скептически к рассмотрению собственной безопасности как коллективного или неделимого блага. Это прежде всего касается государств различной категории и размера. Швеция в действительности всё время поддерживала секретное сотрудничество с США и НАТО на протяжении всей «холодной войны» (Holmstrøm 2012), что также делала и Финляндия, но в меньшей степени (Rislakki 2005). Но, в общем и целом, Норвегия и Дания часто характеризовались как две наиболее скептически настроенные страны НАТО в западном сообществе безопасности и были заинтересованы в сохранении *статуса-кво* в существующем балансе сил. Вдобавок Швеция и Финляндия хотели остаться нейтральными, чтобы они сами и Север в целом не были втянуты в продолжительные кризисы, которые возникали вследствие соперничества великих держав: США на западе и Советским Союзом на востоке. Таким образом, вместе эти четыре страны образовали буфер, район низкого напряжения, где они балансировали друг с другом и с великими державами.

Эта форма «северного баланса» способствовала не только тому, что малые государства избегали соперничества великих держав в своих регионах (Brundtland 1966). Баланс также способствовал стабильности, потому что строгая практика самоограничений и соблюдения принципов нейтралитета создавала предсказуемость. Отношение малых государств к США, Советскому Союзу, НАТО и Организации Варшавского договора было «священной коровой», с которой не следовало шутить. Таким образом, политика безопасности стала областью, которая возвышалась над другими и которая

была исключена из политической «неформальной сделки». Приверженность принципам по своей природе создавала стратегию *статуса-кво*, которая стала предсказуемой и умиротворяющей как для США, так и для Советского Союза. Обоснованием этому было желание не провоцировать излишнее напряжение в собственных пограничных районах. Поэтому рассматривать политику безопасности как неделимое благо для Советского Союза и для Севера имело смысл. Логика была в том, что малые северные страны никогда не достигнут безопасности для своего населения, если советские граждане не будут ощущать того же. Поэтому в центре оборонительного реализма лежит извечное искусство государственных деятелей, с описания которого мы начали книгу. Дилемма о том, как получить максимум безопасности от западных великих держав, не провоцируя принятие контрмер Россией. В центре этой дилеммы находится баланс между двумя противоречивыми соображениями: дать северным малым государствам право решать самим, к кому они хотят быть ближе: к востоку или западу — без того, чтобы выбор привел к обеспокоенности и неуверенности соседа.

Таким образом, размышления о безопасности в таком ключе контрастируют со склонностью наступательного реализма изменять *статус-кво* с помощью логики, основанной на конкуренции. Здесь не только военный гегемон — США, — но также и малые северные государства будут смотреть на свою безопасность как на относительную величину, которая достигается за счёт других. Это означает, что меры безопасности Северных стран, такие как, например, более тесная координация собственных военных планов с США, рискуют подорвать региональный баланс и тем самым — региональную безопасность. Это связано с тем, что Россия воспринимает это развитие как угрожающее и из-за этого принимает контрмеры. Это часто заканчивается продолжительным соперничеством, где политические, экономические и дипломатические разграничительные линии усиливаются. А это, в свою очередь, приводит к возрастающему напряжению и непредсказуемости, потому что ни Россия, ни Северные страны не могут найти решения, которые бы отвечали основополагающим интересам безопасности друг друга. Таким образом, возникает классическая дилемма безопасности, сводящаяся к тому, что государства чувствуют себя уязвимыми по отношению к военным планам друг друга. В конце концов это заканчивается парадоксом:

все получают от этого не больше безопасности, а меньше, несмотря на то что изначально они смотрели на собственные военные меры как на оборонительные и легитимные, ведь единственное, чего они хотели, — это дать своему населению чувство большей безопасности (Herz 1950; Snyder 1984).

Ведь для Северных стран, традиционно основывающихся на международном праве и коллективных военных решениях, потому что в их расположении имеется мало вооружённых сил, было всегда предпочтительнее рассчитывать на равный баланс власти. Под этим подразумевается то, что стабильность достигается через взаимное сдерживание вооружёнными силами друг друга, при котором противоборствующие страны входят в «тайное сотрудничество» по взаимному заблаговременному обеспечению информацией об обнаружении стратегических угроз. Это осуществляется в том числе путём наличия на собственной территории достаточно надёжной военной защиты сил гегемона. Не потому, что Северные страны имеют сильные антиамериканские настроения. Наоборот, Северные страны в основном очень сильно привязаны к США. Тем не менее может оказаться, что собственные жители получают больше безопасности, если не будут склонять региональный баланс власти в собственную или американскую пользу. Ведь если Север станет интегрированной частью передовой обороны США и даже решится обзавестись вооружёнными силами, которые смогут ответить ударом по российской территории, это естественно спровоцирует крайние меры по боеготовности и обороне по другую сторону границы. Тем самым возрастёт угроза того, что сосед станет более обеспокоенным, а не умиротворённым. Альтернатива заключается в том, чтобы рассматривать меры национальной безопасности как неделимое благо, как своего рода эксклюзивный предмет роскоши, доступный лишь немногим, ибо в противном случае возникает опасность того, что соперничество великих держав будет происходить на территориях самих малых государств. Как мы говорили в начале книги, увеличение вооружений не обязательно означает большую безопасность.

Последствия перехода от оборонительного реализма к наступательному заключаются в том, что малые государства, такие как Норвегия, Швеция и Финляндия, становятся движущей силой гонки вооружения, которая снижает уровень безопасности в Северной Европе. Это выглядит как геополитическая игра, которая спо-

способствует росту милитаризации приграничных районов: как сила, которая заключается в том, чтобы использовать по максимуму ценность собственной территории. Таким образом, малые государства получают доступ к большей безопасности за счёт американских вооружённых сил. Это также отвечает интересам США, поскольку великая держава напрямую заинтересована в своей защите от российского ядерного оружия, вместе с увеличением собственной роли как надёжного гаранта безопасности в Европе и других регионах, которые важны для безопасности США. Согласно министру обороны США в 2017–2018 годах Джеймсу Н. Мэттису, «... конкуренция великих держав, а не терроризм является основным предметом внимания национальной безопасности Соединённых Штатов» (Mattis 2018). Следствием этого служит американское присутствие, понимаемое как более эффективная реализация планов по усилению боеготовности и обороны, сооружению объектов долговременного складирования, портовых сооружений, аэропортов, систем связи и радарных установок вместе с проведением учений с партнёрами вдоль российских границ (Department of Defense 2019). Все эти мероприятия вкуче сокращают стратегическое время предупреждения об угрозах для регионального противника США на востоке. В том числе это признаётся Разведывательной службой Министерства обороны и Военным исследовательским институтом, которые утверждают, что сегодня Россия может в короткий срок сконцентрировать войска у норвежской границы (Etterretningstjenesten 2018; Skjelland et al. 2019).

Таким образом, может показаться, что Норвегия отказалась от того абсолютного мышления о безопасности, которое накладывало отпечаток на норвежскую послевоенную политику вплоть до 2000-х годов. Таким же путём норвежское военное мышление могло бы развиваться, следуя логике, что безопасность для Норвегии *также* представляла бы безопасность России. Так было потому, что национальный военный центр тяжести находился настолько далеко от российской границы, что не представлял никакой угрозы. Но также и потому, что тренировки и учения американских военных не включали в себя боевые операции в Финнмарке или использование финского и шведского воздушного пространства, а также аэродромов, как, например, аэропорта Рованиеми в 150 км от российской границы. Не было также и размещения американ-

ских солдат на ротационной основе в Тромсё и в Вернесе. Скорее в Норвегию прибывали небольшие по численности подразделения из различных стран НАТО всего на несколько недель или месяцев на учения в зимних условиях. В целом это указывает на то, что норвежские власти были всё же более склонны думать о безопасности в относительных понятиях. Укрепление американской военной гегемонии важнее, чем сдерживание США от дальнейшего расширения своего военного присутствия на Севере. Удержание США подальше от Кольского полуострова могло бы поспособствовать созданию более стабильного баланса между США на западе и Россией на востоке.

С введением в 2008 году «пороговой обороны», основанной на сдерживании (Forsvarsdepartementet 2008), кажется, что мышление об относительной безопасности приобрело больше ясности. В норвежском понимании это, в частности, выражается в изменении практики применения политики отказа размещения баз и проведения учений и частично за счёт ставки на меньшие, но более дорогостоящие вооружённые силы, как, например, истребители F-35, самолёты базовой патрульной авиации и подводные лодки. Это привязывает норвежский оборонный бюджет к небольшим по количеству, но чрезвычайно дорогим оборонным проектам на многие годы вперёд. Это позволяет властям получить доступ только к наступательным типам вооружения, а не к более широкому и сбалансированному перечню оборонительных морских и сухопутных сил при наличии наступательных военно-воздушных сил. Это способствует тому, что норвежская обороноспособность постоянно становится более зависимой от союзнических подкреплений на чрезвычайно ранней стадии возможного обострения напряжённости обстановки в отношениях и между Норвегией и Россией. Следовательно, экономические связи способствуют тому, что перечень вооружённых сил, о которых норвежские власти будут доводить до сведения российских властей, становится меньше, суше и более пригодными для нанесения потерь посредством неожиданных контратак по целям на российской территории. Таким образом, сдерживание становится скорее более наступательным посредством «сдерживания через наказание», чем через оборонительное «сдерживание через воспреещение» времён «холодной войны». Причина в том, что последняя подразумевает оборону, которая характеризуется скорее бóльшим

объёмом и выносливостью, а не меньшими размерами при большей мобильности (Mazarr 2018).

Отсутствие надёжной национальной обороноспособности в шведском и финском контексте особенно проявляется через участие в так называемых договорах по оказанию поддержки принимающей стороне с США и НАТО. Частично такое намерение заключается в том, что это должно помочь максимально быстро перебросить «... вооружённые силы и боевую технику через границы без бюрократических формальностей, отнимающих много времени» (Bakke-Jensen et al. 2018), но также, согласно заявлениям финских властей, чтобы провести тренировки приёма и взаимодействия вооружённых сил из других стран, даже через норвежскую территорию (Defence Ministry of Finland 2018). Например, только за 2018 год Финляндия приняла участие примерно в 60 международных учениях с участием западных союзников (Ibid.), а с 2014 года Норвегия незаметно заключила больше двухсторонних договоров по сотрудничеству с США, чем за период с 1949 года.

Когда северные малые государства решают изменить *статус-кво* в Северной Европе, может показаться, что они стали более склонны к достижению безопасности за счёт России. Это приводит к обратной реакции, взаимному страху и девальвации добрососедских отношений. Со временем это приводит не к укреплению, а к ослаблению безопасности, частично потому, что Норвегия в возрастающей степени воспринимается как «хороший союзник», а не как «хороший сосед», а частично, потому что всё больше военных объектов размещаются всё ближе к границам России. На протяжении 2000-х годов Норвегия и другие северные страны должны были принять эту стратегию, поскольку страны сами на рубеже веков решили свернуть национальную систему обороны. Со временем мы увидели, что период, когда многие рассчитывали, что Россия вернётся в «Европейский дом», был непродолжительным. Но когда в 2000-х годах Россия снова усилилась, в том числе в связи с ростом цен на нефть, и получила средства для увеличения военного бюджета, эти решения отразились на них самих. Уменьшение из-за расчёта на «совместимые и дополнительные возможности», пространства для манёвра вынудило Норвегию и другие северные малые государства резко активизировать «политику приглашения» по отношению к США. Из-за этого малые государства также становятся важными

действующими лицами в соперничестве великих держав в Северной Европе. Это соперничество не направлено на поддержание *статус-кво* и скорее заключается в основанном на конкуренции варианте реализма, который делает ставку на наступательные, а не на оборонительные военные меры.

Это приводит к тому, что малые государства, такие как Норвегия, Швеция и Финляндия, которые на самом деле хотели получить наибольшую безопасность, удерживая великие державы на расстоянии вытянутой руки, становятся более склонны к недалёковидному мышлению в контексте «здесь и сейчас». Ведь потребуется время, чтобы выстроить военную структуру, которая могла бы обеспечить в сжатые сроки беспрепятственное взаимодействие воздушных, военно-морских и сухопутных частей, дислоцированных в разных регионах страны, которые вдобавок должны сотрудничать с иностранным военным контингентом и службами гражданской обороны. Ощущение недостаточности в военном и оборонительном планировании приводит к насущной необходимости в срочном порядке как можно больше укрепить свою безопасность. Это будет происходить быстрее, если использовать свои преимущества географического положения. С точки зрения США таким преимуществом является выросшая ценность северных территорий, поскольку доступ к воздушным, морским и сухопутным военным районам увеличивает свободу действий американских сил, которые придут в Европу в случае кризиса или войны. Таким образом, американские войска вместе с воинскими контингентами северных стран в качестве поддержки смогут планировать свои действия на несколько недель вперёд. Цель не обязательно заключается в том, чтобы победить противника (российские войска), а скорее чтобы быть частью принудительной дипломатии, где американские силы будут противостоять противнику, которого поставят перед выбором, в свою очередь усиливающим дипломатическое давление за столом переговоров. Таким образом, доступ США к современной инфраструктуре с хорошим потенциалом, при наличии лидеров, принимающих решения на местном и национальном уровне, имеет большое значение. Это также увеличивает надёжность США как гаранта безопасности, особенно для балтийских стран — участниц НАТО, которые зажаты в регионе и которых трудно защитить, используя территорию Прибалтики и Польши.

Теоретический вывод

Следующий из этой дискуссии теоретический вывод заключается в том, что малые государства, такие как Норвегия, способствуют эскалации наступательного реализма. Он традиционно уделял большое внимание поведению великих держав в мировой политике, и поэтому не замечал или не принимал во внимание роль, которую играли малые государства (Liu 2014; Thomson 2010). Так называемое *buck-passing*¹ часто используется для оправдания наступательного реализма, но это редко применяется к северным малым государствам. Но с ростом зависимости от альянса через программу реформ НАТО вместе с недостаточным собственным финансированием национальной обороны малые государства становятся более склонными к продвижению интересов великих держав. Но тезис гегемонии в наступательном реализме не был бы возможным в мирное время, если бы гегемон был приглашён самими малыми странами. Наступательный реализм Джона Дж. Миршаймера, конечно, добавляет малым государствам немного веса, но недооценивает значение в них внутриполитических процессов принятия решений, поскольку они боятся оказаться покинутыми и используют вклад в международные силы для поддержания связей с гегемоном. Вследствие этой зависимости страна и регион в целом становятся более доступными для интересов великих держав, когда соперничество между ними растёт.

Тезис о гегемонии, лежащий в основе наступательного реализма, таким образом, превращается в парадокс европейской политики безопасности: малые государства, которые свернули свою оборонительную систему после «холодной войны», поскольку хотели освободить скудные военные ресурсы для финансирования международных операций, сегодня являются ведущими представителями «политики приглашения», из-за которой сами становятся жертвой противостояния великих держав.

Если правда, что всё больше малых государств Северной Европы попадают в зависимость от американской помощи и присутствия в собственных приграничных районах, это также говорит о том, что тезису о гегемонии придаётся большое значение. Это касается даже одного из богатейших и располагающих наибольшими ресурсами

¹ Перекладывание ответственности (англ.).

обществ, в котором наблюдается нежелание использовать на оборону более 1,6 % ВВП. Это увеличивает военно-стратегическое пространство для действий США как по отношению к своим союзникам на Севере, так и по отношению к своему российскому сопернику в Восточной Европе. Поэтому между двумя соперниками возникает вакуум, заполняющийся великими державами, что приводит к тому, что дилемма безопасности разыгрывается на собственных территориях малых государств.

Глава 4

ОТНОШЕНИЕ К США

Феномен, вокруг которого вращается тема книги, — это дилемма о том, насколько далеко может зайти малое государство в принятии помощи для обеспечения собственной безопасности от других государств, одновременно не провоцируя ответных мер со стороны скептически настроенных соседей. В этой главе будут обсуждаться преимущества и недостатки постоянно усиливающейся военной связи между Норвегией и США. Цель частично состоит в том, чтобы понять, какие оценки должны быть приняты во внимание, чтобы оказать России внушительное противодействие, и отчасти в том, чтобы определить, какие дилеммы и парадоксальные выводы могут возникнуть. Сначала расскажем о том, как норвежско-американская зависимость проявляется в Северной Европе. Затем обсудим, как она влияет на норвежскую политику, ориентируемую на НАТО. В конце покажем дилеммы и парадоксальные выводы, которые, если рассматривать их вместе, заставляют задаться вопросом о том, насколько больше или меньше безопасности получили норвежские власти в результате сделанного выбора. Но прежде всего нужно пояснить, что подразумевается под словом «дилемма».

Дилемма — это ситуация, в которой два государства вынуждены выбирать одну из двух сложных альтернатив. Это означает, что, какой бы выбор они ни сделали, решение никогда не будет идеальным. Сомнения будут присутствовать всегда, в том числе у политиков, высокопоставленных чиновников, офицеров, журналистов, исследователей и интересующихся этой проблемой граждан. Часто, особенно по прошествии времени, может казаться, что вторая аль-

тернатива была бы лучше. Критика и задний ум будут всегда влиять на принимаемые решения, несмотря на то что принимающий решения «в конкретное время и в конкретных обстоятельствах» делал то, что считал наилучшим.

Примером подобного может быть война в Ливии в 2011 году, когда 2-й кабинет Столтенберга решил принять в ней участие, основываясь на решениях, впоследствии оказавшихся ошибочными (House of Commons 2016). Несмотря на то что бывший премьер-министр Йенс Столтенберг и бывший министр иностранных дел Йонас Гар Стёре утверждали, что они поступили бы также снова, тем не менее правительственный комитет Петерсена¹ (2017–2018) в своём докладе «Оценка норвежского участия в операциях в Ливии в 2011 году» показал, что власти не только не имели должного понимания реального положения, но и не желали получить от союзников дополнительную информацию на более высоком командном уровне (Petersen et al. 2018). Поэтому сомнения, критика и анализ стали важными отправными точками, чтобы добыть больше знаний, стать разумнее и тем самым увеличить вероятность лучшего выбора в будущем. Таким образом, дилеммы являются желаемым злом как при повседневной выработке политических решений, так и при работе в министерствах, надзорных органах и директоратах, осуществляющих проведение политических решений в жизнь. Дилеммы и парадоксальные выводы напоминают властям о том, что не существует простых ответов и очевидных решений. Поэтому дилеммы могут также восприниматься как неотъемлемая естественная часть процесса принятия решений; окружающий мир непрерывно характеризуется малыми и большими событиями, на которые политикам и чиновникам нужно постоянно реагировать и принимать решения.

Отсутствие чётких правильных ответов, которые удовлетворили бы всех, является поэтому болевой точкой вызовов государственной политики в области безопасности. Принимаемые решения, например о том, насколько близко от российской границы в губернии Финнмарк американским войскам можно проводить учения или насколько далеко власти могут пойти навстречу российскому давлению по вопросу об охранной зоне вокруг Шпицбергена, веро-

¹ Ян Петерсен (род. 1946) — норвежский политик, лидер Консервативной партии (1994–2004), член парламента (1981–2009), министр иностранных дел (2001–2005). — *Примеч. перев.*

ятнее всего, будут предметом дискуссий. Часто подобные выборы являются прагматичным выражением хрупких компромиссов между пересекающимися взглядами и противоречивыми интересами. Мы говорим об «играх коалиций» на «союзнической арене», «арене противника» и на «домашней арене» — между различными партиями, министрами и ведомствами в правительстве, в Стортинге или при встрече с американскими и российскими сторонами. Принимаемые решения могут даже основываться на унаследованных инстинктах и на «рефлексах спинного мозга» в собственной организации (Christensen et al. 2015), на «протоптаных дорожках», которые со временем установились в парламентских комитетах, министерствах и в военных штабах. Со временем они становятся стандартной процедурой и «правилом большого пальца»¹ для того, что будет говориться вовне, и того, что будет решено за закрытыми дверями.

Несмотря на огромные различия в военном потенциале Норвегии, США и России, общий итог, независимо от того, какие бы решения ни были приняты, будет всегда приводить к недостаткам. И эти недостатки будут также носить продолжительный характер. Аналогично последствия часто будут непреднамеренными и будут охватывать больше сфер, нежели только международная и оборонная, поскольку существует мало других средств воздействия, кроме вооружённых сил, столь подходящих для того, чтобы вызвать страх, неуверенность или подозрительность у соседа. Это касается не только отношений между США и Норвегией, с одной стороны, и Россией — с другой. Также и в отношениях между близкими союзниками может возникать неуверенность в том, в чём заключаются намерения другой стороны. Это ярко проявилось в ходе так называемых «тресковых войн» между двумя странами НАТО — Великобританией и Исландией в 1958–1976 годах, когда Исландия хотела расширить границы своих территориальных вод и угрожала закрытием американской авиабазы в Кефлавике, если Великобритания не выполнит её требования (Vørresen 2005). Различающиеся взгляды и интересы также проявлялись во время гражданской войны в Ливии в 2011 году, когда большинство стран НАТО отправили специальные вооружённые

¹ *Правило большого пальца* (англ. *rule of thumb*), или эмпирическая закономерность — зависимость, основанная на экспериментальных данных и позволяющая получить приблизительный результат, в типичных ситуациях близкий к точному. — *Примеч. ред.*

контингенты, чтобы поддержать повстанцев, в то время как эти же страны вели войну от лица ООН и в этом качестве не должны были отдавать предпочтение той или иной стороне (Kuperman 2013).

Решения, которые принимаются для продвижения национальных интересов, рассматриваются, таким образом, не в вакууме, но в среде, где союзники, соседние государства, оппозиционные партии, народные движения, журналисты и исследователи бдительно следят и реагируют на то, что они, исходя из своих собственных представлений, считают необходимым. Поэтому государство не обязательно является единым рациональным игроком, а скорее конгломератом из различных общественных и частных, гражданских и военных организаций, которые действуют и реагируют исходя из того, что они считают наилучшим. Примером может послужить то, как норвежские воинские подразделения справились с террористическим актом в правительственном квартале в Осло в 2011 году. Королевская гвардия установила на позициях пулемёты, чтобы меткими выстрелами уничтожить возможных террористов-смертников, если они вдруг атакуют королевский дворец. За это они получили похвалу министра обороны, и многие были удостоены Королевской медали заслуг. В некоторых управлениях Министерства юстиции и полиции, напротив, был более распространён скептический взгляд. Ведь способ, которым военные уладили ситуацию, был рассчитан на создание большего страха и беспокойства, особенно в обществе, которое и так уже находилось под сильным впечатлением от сенсационного теракта (Nygaard 2013).

Поэтому разрешение дилемм в политике в области безопасности является искусством государственного управления, которое больше всего напоминает хождение по натянутой стропе: взгляд должен быть направлен далеко вперёд, чтобы он не отвлекался на что-то иное. Сильные колебания вправо или влево не должны производиться слишком быстро и с чрезмерной силой, ведь тогда это приведёт к необходимости новых поправок, которые будут серьёзнее и радикальнее, чем те, с которых начинали. Поэтому в оставшейся части этой главы и в следующей главе мы более глубоко раскроем три дилеммы, которые изначально были представлены в 1-й главе: дилемму зависимости, дилемму безопасности и дилемму эскалации. Эти дилеммы основываются на стратегическом выборе, который был принят на рубеже веков, когда Россия рассматривалась как

партнёр и друг, а международным операциям придавалось большое значение. Но на протяжении 2000-х годов выяснилось, что сделанные выборы оказались неудачными, в том числе из-за роста цен на нефть, когда Россия получила возможность увеличить военный бюджет, а ряд инициированных США «цветных революций» и смен режимов вызвал обеспокоенность восточного соседа последствиями американского самоуправства на мировой арене. По словам министра обороны Бакке-Йенсена, «всё обострилось быстрее, чем мы думали; и обстановка оказалась более серьёзной, чем была раньше» (NRK 2019).

Норвегия как стратегический фронт

Первая дилемма тесно связана с норвежско-американскими отношениями и может быть лучше всего обозначена как *дилемма зависимости*. Под зависимостью имеется в виду, что Норвегия нуждается в США больше, чем США в Норвегии. Это совсем не значит, что США не нуждаются в Норвегии. США не могли бы содержать более 800 баз и различных военных объектов, а также около 15 % от 1,3 млн своих солдат в постоянной готовности в более чем в 150 странах мира, если бы у них не было союзников. Поэтому даже самая влиятельная мировая держава зависит от других стран, в том числе созданием заранее оборудованных мест дислокации, которые позволяют осуществить быструю переброску войск поддержки, а также обеспечением оперативности действий уже заблаговременно размещённых там подразделений. Примером может послужить уже упомянутое использование США северо-норвежских портов и аэропортов для приёма экипажей американских подводных лодок, которые оперируют в Баренцевом море. Без доступа в Норвегию, при использовании для смены экипажей и технического обслуживания баз в Дании, Великобритании или Исландии американским подлодкам потребовалась бы большая продолжительность плавания. Если бы США не могли использовать инфраструктуру страны и окружающие её воздушные, морские пространства и территории для наземных частей, то, например, Россия или страны НАТО, расположенные вдоль российских границ, быстро поставили бы под сомнение реальность американского присутствия. Говоря более

обобщённо, можно было бы поставить под вопрос способность и желание США осуществлять лидерство в Европе (Melby 2017). Поэтому США крайне заинтересованы в хороших отношениях со своими европейскими союзниками, прежде всего потому, что американские вооружённые силы не могут ни защищать, ни контролировать ситуацию в Европе с Американского континента, то есть с другой стороны Атлантического океана. Таким образом, США нуждаются в верных союзниках, которые готовы принимать крупные воздушные, морские и сухопутные военные подразделения и в не меньшей степени на протяжении определённого времени поддерживать их боеготовность за счёт своей системы жизнеобеспечения, фортификаций и логистики.

Зависимость США от Европы тесно связана с потребностью в опорных пунктах, откуда американские ВВС и ВМС могут выдвигаться к потенциальным театрам военных действий в северных регионах, Балтийском море, на Кавказе, Ближнем Востоке, в Северной Африке и Центральной Азии. В Северной Европе США прежде всего зависят от получения достоверной разведывательной информации о том, где находится российский Северный флот, в любой момент в реальном времени. Частично для того, чтобы максимально быстро предпринять ответный ракетный удар по российским целям, если Северный флот запустит ракеты в направлении США. Но также и для того, чтобы контролировать маршруты подводных лодок Северного флота, держать их под наблюдением и в случае возникновения глобальной войны между двумя ядерными державами быстро их обезвредить. В северных районах США также заинтересованы в данных разведки о том, насколько хорошо российские ВВС, ВМС и сухопутные войска организуют взаимодействие в совместных оперативных манёврах, начиная с материковой части России и к югу в Норвежском море, а также насколько эффективно действует недавно созданное командование Северного флота со штаб-квартирой в закрытом городе Североморске. Также важно, насколько далеко военно-промышленный комплекс продвинулся в разработке, например, последних версий ракет «Булава», а также каким образом развивается подготовка к ведению войны в космосе с баз на Кольском полуострове. В последние годы также усилилась потребность в разведанных о российских подлодках, которые среди прочего начали проводить тренировки по прослушиванию и возмож-

ному выводу из строя оптоволоконных кабелей, связывающих США и Европу по дну Атлантического океана (Nilsen 2018b).

США особенно зависимы от Норвегии в поддержании на высоком уровне способности сдерживания в Северной Европе. Частично это происходит путём предварительного складирования военной техники в Трёнделаге. Это укрепляет уверенность, что надёжные ударные силы можно в сжатые сроки перебросить в регион и развернуть их, например, в Финнмарке, на Балтийском море, на острове Готланд или на Аландских островах. Вдобавок доступ к рукавам норвежских фьордов и к воздушному пространству облегчает действия американских кораблей и самолётов. Это касается как поиска укрытий от российских самолётов и подлодок, так и заправки и пополнения боезапаса, а также проведения технического обслуживания, смены и отдыха личного состава, который может круглосуточно поддерживать боеготовность и своё присутствие, на что норвежская армия более не способна.

Пока Россия может угрожать тем, что сотрёт с лица земли большие американские города атакой с Кольского полуострова, Норвегия будет стратегически важным фронтом в обороне США. Согласно историку Рольфу Тамнесу (1991), в периоды усиления напряжения между Востоком и Западом Норвегия не будет местом, где война будет выиграна, но рискует стать местом, где война может быть проиграна. Важной причиной этого является, как говорилось, то, что кратчайшая траектория ракет, базирующихся на российских подлодках на Кольском полуострове, и побережьем США проходит через Норвегию. Вдобавок проход между Шпицбергенем и материковой частью Норвегии является самым широким и, таким образом, самым безопасным коридором для становящихся всё более бесшумными российских подводных лодок, отправляющихся на задания, в том числе вблизи побережья США (Hudson og Roberts 2017). В соответствии с американской военной стратегией это представляет серьёзный риск для безопасности собственных войск, особенно в случае, если возникнет необходимость переброски в Европу большого количества солдат и боевой техники.

Цель этих примеров — показать, что большие и малые страны могут подчас находиться во взаимозависимости. Не в меньшей степени это касается самого гаранта безопасности, который в кризисное время должен иметь ясное представление о положении

в опасном районе действий, подходящем вплотную к российским стратегическим воздушным и военно-морским силам на Кольском полуострове. В том числе это было одной из причин того, что американская сторона жёстко настояла на том, чтобы норвежская Разведывательная служба сохранила старый разведывательный корабль *Marjata II*, когда новый разведывательный корабль *Marjata III* был введён в эксплуатацию. Вместо того чтобы сэкономить оборонные средства, поставив старый корабль *Marjata* на прикол, он был переименован в *Eger* и задействован в операциях далеко к западу в Норвежском море: там, где российские подлодки пытаются пройти незамеченными через так называемый Фареро-Исландский рубеж (Гренландия — Исландия — Великобритания) по пути к восточному побережью США.

Страх быть забытыми

Американское лидерство и активность в Европе касаются не только вопроса о том, как наиболее эффективно сдерживать Россию. В значительной степени это касается того, насколько убедительно США ведут себя по отношению к малым и средним государствам, которые больше всего опасаются остаться наедине в двухсторонних отношениях с Россией. Под этим подразумеваются «кризисы, которые будут слишком серьезными для Норвегии, но слишком незначительными для НАТО» (FD 2007). Это может произойти, например, когда США не придут на помощь достаточно быстро, и ситуация вдоль границы может закончиться *fait accompli*¹ в пользу России. Или же это может произойти, если США всё же придут на помощь, но слишком поздно или недостаточными силами, поскольку другие регионы, такие как Чёрное море, Ближний Восток или Юго-Восточная Азия, имеют больший приоритет. Сомнения в американской поддержке могут также распространиться на другие регионы и части света. Многие союзники США вне НАТО внимательно следят за тем, как те ведут себя по отношению к своим европейским партнёрам. Если сигналы будут двусмысленными, тогда такие союзники на Ближнем Востоке, как Саудовская Аравия, Катар и Иордания,

¹ Свершившийся факт (*фр.*).

начнут искать себе другого гаранта. То же самое сделают и Южная Корея, Япония, Тайвань в Южно-Китайском море.

На севере это может привести к тому, что Норвегия, Швеция и Финляндия более активно начнут координировать свои совместные усилия в области обороны. Это объясняется не только более жёсткими экономическими рамками и ростом цен на военную технику (Regjeringen 2018). Не менее важно то, что страны сами окажутся вынужденными делать ставку на внесение гораздо большего вклада в оборону, чтобы обеспечить безопасность населения до того, как прибудет (если вообще прибудет) американская помощь. Создание условий для большей свободы политических договорённостей посредством военных решений, снимающих бюрократические препятствия, для, например, более гибкой и беспрепятственной переброски воинских контингентов северных стран через государственные границы друг друга, становится логичным и рациональным. Другой пример — желание «иметь большее число надёжных опор» вместо того чтобы «складывать все яйца в американскую корзину». Одной из многих причин того, что малые страны Северной Европы, такие как Норвегия, Швеция и Финляндия, присоединились к британской программе Объединённых экспедиционных сил в 2015 году, — это расширение пространства для манёвра. Это особенно касается кризисов, которые возникают внезапно, потому что национальные силы обороны оказываются не в состоянии урегулировать их в течение нескольких дней до того, как структура обороны рискует рухнуть (Heier 2018a). Это будет особенно важно, поскольку НАТО объединил в себе много стран-участниц, каждая из которых преследует различные интересы в области безопасности. Поэтому в кризисных ситуациях странам вдоль российской границы может быть трудно добиться быстрого развёртывания мощных ударных сил поддержки, поскольку большая часть членов НАТО на западе континента в такие моменты не видят угрозы для себя.

Северные и региональные договорённости о сотрудничестве, несмотря на то что оно прежде всего усиливает зависимость, достигаются исходя из степени равенства: «... именно *асимметрия* в зависимости, скорее всего, является источником влияния на отношения действующих лиц друг с другом» (Keohane og Nye 2001, 9). Для Норвегии это означает, что прежде всего Министерство обороны, а также, но в меньшей степени, Министерство иностранных дел

и канцелярия премьер-министра готовы на многое, чтобы пойти навстречу особым американским взглядам и интересам. Примером может послужить первоначальный скепсис канцелярии премьер-министра по поводу участия в «войне против ИГИЛ» в 2014 году. Когда же позже обнаружилось, что Норвегия не приглашена для участия в широкой коалиции, которую президент США Барак Обама собирал во время встречи НАТО в Уэльсе, правительство Сульберг изменило своё мнение и отправило 60 спецназовцев в Иорданию и Сирию (Egeberg 2017).

Важной причиной подобного изменения курса была сохраняющаяся потребность в поддержании близких личных отношений с ответственными лицами в Пентагоне и Государственном департаменте. Быть воспринятым в качестве нахлебника в трансатлантическом сообществе по безопасности, членство в котором предусматривает участие американских сил в обороне Норвегии и остальной Европы, было бы рискованно. Это особенно касается конфликтов, которые не обязательно будут восприняты союзниками всей душой, как, например, ограниченный конфликт по вопросу ресурсов в природоохранной зоне у берегов Шпицбергена, у побережья Финнмарка или в Баренцевом море. С тех пор как Норвегия нерешительно оставила политику нейтралитета и в 1949 году попала в зависимость от НАТО, ей было присуще постоянное беспокойство по поводу того, чтобы не быть забытой, покинутой или другим способом быть отодвинутой на периферию интересов ведущей силы — США (Eriksen og Tamnes 1999). Это прежде всего касается вопросов, которые относятся к Норвегии, но при рассмотрении которых к норвежским властям не прислушиваются, их не привлекают или каким-либо другим образом не принимают во внимание при принятии важных решений.

Дилемма зависимости

В свете асимметричных отношений между США и Норвегией проявляется дилемма зависимости, где норвежский выбор оказывается между двух зол — национального и международного: насколько далеко норвежские власти могут пойти навстречу американским интересам в разделении риска и тягот в зарубежных

операциях, прежде чем это начнёт происходить за счёт способности обороняться на своей земле в самом начале конфликта? Ведь, как мы уже обсуждали в 3-й главе, можно не сомневаться, что чем больше ресурсов используется для удовлетворения американских интересов безопасности за рубежом, тем меньше ресурсов останется для того, чтобы поддерживать возможности решения особых норвежских задач в сфере обороны в собственных приграничных районах.

Это не означает, что международные операции, возглавляемые США, автоматически наносят ущерб национальной безопасности Норвегии. Например, можно утверждать, что участие норвежских войск в операциях в Афганистане было решающим в повышении уровня квалификации армии и специальных подразделений вооружённых сил (Svinndal 2015; Nesheim 2015; Hammersmark 2015). По сравнению с тренировками и учениями в Норвегии в условиях мирного времени боевые операции за границей представляют намного более реальную возможность для повышения качества подготовки и приобретения необходимого опыта. Когда большая часть вооружённых сил в 2000-х годах участвовала в зарубежных операциях, что являлось их главной задачей, было, кроме прочего, достигнуто повышение боеспособности и укрепление веры в собственные силы при оценке обстановки, в которой личный состав может оказаться в условиях, требующих хорошей физической и психологической выносливости (Snedal 2015; Eriksen 2017).

Но преимущество участия в зарубежных операциях нельзя переоценивать, потому что в этом есть также и недостатки. Последствия могут к тому же быть гораздо более серьёзными для свободы манёвра, которую норвежские власти пытаются создать при потенциальном столкновении с российскими воинскими частями на севере. Согласно мнению бывшего директора Военного исследовательского института (1993–2001) Нильса Хольме, в 2013 году едва ли остались силы, рассчитанные на «высокоинтенсивное противостояние» (Holme 2013). Под ним подразумевается наличие воинских контингентов, которые могут защищать норвежские интересы помимо скромного урегулирования спорных моментов и незначительных эпизодов в мирное время. Эта точка зрения также получила поддержку бывшего генерального инспектора сухопутных войск в 2005–2009 годах генерал-лейтенанта Роберта Муда, который, когда

он перестал быть представителем Норвегии в НАТО, утверждал: «Мы полностью оставлены на произвол судьбы, поскольку уступили другим ответственность за нашу безопасность в случае, если что-то произойдёт. [Норвегия имеет] национальную оборону с настолько ограниченной обороноспособностью, что её очень легко вывести из игры» (Mood 2016). Подобные оценки также исходят от норвежских властей, хоть и в более дипломатичных и подобострастных выражениях. Шеф обороны Норвегии Брун-Ханссен часто предупреждал, что ситуация с личным составом «требует решения» и что вооружённым силам не хватает «доступности, выносливости и прочности» в том числе вследствие высокой нагрузки из-за участия в операциях за рубежом. Тем самым сегодня обороноспособность находится ниже так называемого уровня минимальной обороны, рекомендованного военными советами (Bruun-Hanssen 2014; Bruun-Hanssen 2017; Bruun-Hanssen 2019). Подобные оценки исходят также из натовских кругов, в том числе от шефа норвежской военной миссии в Брюсселе, который утверждал, что у Норвегии нет должной обороны, отвечающим минимальным требованиям, лежащим в основе альянса (Olsen 2019).

Профессиональные военные рекомендации становятся всё отчётливее по мере обнаружения уязвимости в рядах вооружённых сил. Примером может быть положение с вертолётами в системе противовоздушной обороны в 2015 году, когда, в частности, обращалось внимание на то, что участие в международных операциях трудно совместить с национальной обороной. Вертолётные подразделения не имели

необходимого объёма возможностей для одновременного решения национальных задач и оказания поддержки в Афганистане. Результатом этого стало то, что национальные задачи были отложены, чтобы выполнить задания в Афганистане. Кроме прочего, это привело к тому, что готовых вертолётов не осталось для полиции 22 июля 2011 года (Snedal 2015).

В этом смысле можно утверждать, как заключил образованный правительством комитет по Афганистану после 15 лет пребывания войск за границей, что «самое важное для Норвегии было обеспечить себе хорошие отношения с США и сохранить значимость НАТО»

(Godal et al. 2016, 10). Дилемма — поддерживать самостоятельную обороноспособность в кризисных ситуациях с Россией или делать ставку на меньшую, но более дорогую и более приспособленную к членству в альянсе систему обороны — получила тем временем парадоксальный результат. Ведь в выборе между двумя альтернативами, при желании властей поддержать программы реформ в НАТО, возросла также зависимость от США. И это потому, что войска национальной обороны рисковали быстро истощиться, потому что нет уже больше воинских частей, которые могли бы разделить нагрузку. Под нагрузкой подразумевается способность находиться в постоянной боевой готовности или проводить круглосуточные операции на больших расстояниях, неделя за неделей в условиях сурового арктического климата.

В соответствии с вышеописанным в 3-й главе норвежским выбором — быть лучшими в реформах НАТО — может показаться, что значительная часть национальной обороны была свёрнута. Требовалось высвободить средства для новых инвестиций в более современную технику и оплату увеличивающейся доли контрактников, которые по тревоге могут быть отправлены туда, где они нужны США, чтобы поддерживать значимость НАТО. Здесь можно, конечно, возразить, что территориальная мобилизационная оборона 1990-х годов была маломобильна, слишком плохо защищена и не подготовлена для быстрого урегулирования кризисов, возникающих в собственных приграничных районах (FS 2000). Но сложившаяся ситуация, похоже, привела к тому, что норвежская оборона оказалась за гранью того, что главнокомандующий Вооружёнными силами в 2015 году охарактеризовал как «минимальную оборону» (Bruun-Hanssen 2019). Здесь важно снова напомнить, что самая большая страна в мире — Россия — не боится Норвегии с её 5,3 млн жителей и её обороны, которая может быстро рухнуть, если воинские части внезапно подвергнутся нагрузкам, выходящим за рамки нормальной мирной обстановки. Россия боится того, что из-за роста зависимости Норвегия в условиях кризиса или войны отменит самоограничения по отношению к США и станет потенциальным «трамплином» для американских операций против России. Таким образом, рост зависимости от американских сил может способствовать меньшей, а не большей безопасности. Как такой парадокс может быть объяснён?

Привязать США к НАТО

Норвежская зависимость от США может рассматриваться как желание Норвегии выступать в НАТО в качестве одного из наиболее конструктивных и готовых к сотрудничеству членов. И это не потому, что НАТО сам по себе является спасением для безопасности страны, а потому, что НАТО является важнейшей опорой для активного американского лидерства и участия в делах Европы. НАТО для США является важнейшим инструментом контроля над дальнейшим развитием обороны и политики безопасности европейских стран. Поэтому норвежская зависимость выражается как в поддержании хороших отношений, так и в практических действиях. Ведь если бы Норвегия воспринималась как нахлебник в сотрудничестве НАТО, это быстро обернулось бы против неё самой. Не из-за страха того, что США придут или не придут на помощь Норвегии, а потому, что, как и любая другая страна, США всё равно это сделают, если на то будут достаточная политическая воля и военные возможности. Страх состоит в том, что основополагающий принцип НАТО — коллективная солидарность и взаимные ожидания — «один за всех, и все за одного» не выдержит. В таком случае в окружении Норвегии будет действовать «закон джунглей», где главную роль будет играть «право сильнейшего» и где двусторонние решения будут иметь первостепенное значение вместо более прозрачных и коллективных решений.

Это главные причины того, что малые, зависимые от альянса страны также думают в более региональном и двустороннем ключе. Доктрина администрации Трампа — *America first*¹ — и неприязнь американского президента к партнёрам по альянсу, которые заставляют американских налогоплательщиков финансировать их собственную безопасность (США оплачивают почти 75 % общего военного бюджета НАТО), способствуют большей неуверенности. Это также приводит к делению в НАТО на стран-единомышленниц. Пример тому — появление в 2010 году так называемой Северной группы, в которой на основе общих интересов объединились 11 стран — членов НАТО из протестантского «культурного круга» вокруг Северного моря. Развитие британских Объединённых экспедиционных

¹ Америка прежде всего (*англ.*).

сил, в состав которых 8 малых северноевропейских стран решили войти под началом третьей по величине после России и Франции европейской военной державы, — другой пример. Растущее военное сотрудничество между четырьмя странами Вишеградской группы — Польши, Венгрии, Чехии и Словакии — третий.

Таким образом, быть нахлебником в НАТО не является альтернативой для норвежских властей. Ведь больше всего они хотят, чтобы российские угрозы в северных регионах закончились не войной с Норвегией — а скорее стали бы общей войной Запада во главе с США за оборону Норвегии (Holst 1967). Конечно, Норвегия всегда зависела от поддержки вооружённых сил других стран. Норвежские воздушные и морские пространства и сухопутные территории всегда были больше, чем малочисленное население могло бы оборонять самостоятельно. И чтобы помощь пришла вовремя в достаточном объёме, нужно подготовиться заранее, в мирное время. Но эта подготовка требует большего, чем просто проведение тренировок союзнических подразделений и отработка совместных планов обороны Норвегии. Особенно после терактов Аль-Каиды в США 11 сентября 2001 года стало довольно важно оказывать военную помощь США в зарубежных операциях там, где она больше всего была нужна гаранту безопасности Норвегии.

Таким образом, сутью дилеммы зависимости от США является то, как малая страна с небольшими военными ресурсами может поддерживать достаточную обороноспособность в случае конфликта с Россией и одновременно быть воспринятой в качестве «хорошего союзника», который разделяет риски и тяготы с США за рубежом. Ведь без США не будет никакого НАТО. А без НАТО — никакого формального, прозрачного и объединяющего военного альянса, который бы связывал Норвегию с Европой, а Европу с США. Систематически на протяжении долгого времени эта дилемма доводилась до норвежской общественности. Чаще всего в качестве обоснования приводился аргумент, что национальный и международный вклад идут рука об руку, поскольку угрозы в современном глобальном мире не знают границ (Heløe 2002). Вдобавок утверждалось, что тем самым строится мост между национальным и международным сотрудничеством посредством увязывания многолетнего вклада за рубежом с расширением трактовки ценностей: «кем мы являемся и за что мы выступаем» (Bakke-Jensen 2019). Согласно заявлению

премьер-министра в 2000–2001 и 2005–2013 годах Йенса Столтенберга, Норвегия будет «...по мере своих сил играть роль мостостроителя и двигателем социально-экономического развития. Это также будет главной витриной нашей страны в мире» (Stoltenberg 2007). Таким образом, проблематика зависимости сводится к вопросу о том, что скорее является нравственным, солидарным и коллективным делом, а не к тому, что отвечает интересам Норвегии. В такой перспективе норвежский военный вклад представляется как «необходимое зло» на прочной основе широких демократических и институционных рамок НАТО, с явными отсылками к Уставу ООН (НАТО 2018).

В качестве альтернативы можно было бы сообщить обществу честно и откровенно, что у Норвегии есть реальный политический интерес к сотрудничеству с США в области разведки и политики безопасности. Но вместо этого информация о стратегическом военном сотрудничестве намеренно замалчивается. Это частично можно объяснить культурной традицией в норвежской политике и общественной жизни, в рамках которой норвежские власти на самом деле не хотят быть слишком заметными в возглавляемых США коалиционных операциях в Центральной Азии, на Ближнем Востоке или в Северной Африке. Более подробно это будет обсуждаться в главах 6 и 7. Тем не менее пока можно указать на то, что способ, которым американские силы ведут войну, в том числе путём полного выведения из строя критически важной общественной инфраструктуры (что приводит к утрате способности к управлению в стране), не соответствует образу «мирной нации» и «гуманитарной великой державы», который длительное время создавала Норвегия. Ведь когда коалиционные операции заканчиваются продолжительными гражданскими войнами, как в Афганистане, Ираке или Ливии, когда они приводят не к укреплению, а к ослаблению стабильности, становится сложно говорить о желании разделить риск и бремя с США. Неудачные попытки США в подавлении восстаний хорошо известны в закрытых военных кругах и могут быть лучше всего описаны словами сержанта-майора Руне Веннеберга из норвежской армии, который возглавлял ряд операций в Афганистане: «Мы проиграли борьбу за доверие в обществе. И каждым убитым повстанцем мы создавали двух новых» (Egeberg 2017, 569). Таким образом, как ранее указывали историки Кетиль Скугранд и Рольф Тамнес, может легко произойти, как тра-

диционно желали норвежские власти: «участвовать — не участвуя» (Skogrand og Tamnes 2001, 322).

Соответственно, в таких случаях «суровые» политические реалии были приглушены, поскольку установилось общепринятое мнение, что норвежская оборона должна прежде всего являться «национальным инструментом самообороны» для защиты «короля и родины». Тем не менее прошло уже много десятилетий с тех пор, как главнокомандующий (1989–1994) Турольф Рейн предостерегал от отправки норвежских воинских подразделений для участия в возглавляемых США коалиционных операциях за границей (Rein 1990). С ростом зависимости от США это правило стало скорее исключением. Когда норвежские военные отправляются в возглавляемые США операции в Афганистане, Ираке, Ливии, Иордании и Сирии, это не потому, что на карту поставлены интересы безопасности Норвегии. Единственное, в чём заинтересовано норвежское правительство, — это поддержание американского лидерства по всему миру, и лучше всего, если оно происходит в рамках международных организаций, которые выглядят более легитимными в глазах общественности. Таким образом, поддерживается либеральный мировой порядок, от которого зависят сами малые государства в Европе. Это является признанием логики силы: нет никаких других государств, кроме США, которые могут дать реальные гарантии безопасности Норвегии и Европе при столкновении с Россией.

В спорах между чисто норвежской обороной и обороной, которая более нацелена на продвижение американских и западных интересов в Центральной Азии, на Кавказе, на Ближнем Востоке и в Африке, с конца 1990-х годов предпочтение было отдано второму варианту. Чтобы НАТО не перестал быть интересным для США, любая «реорганизация вооружённых сил должна проводиться в соответствии с целями вооружённых сил, которые [были] приняты в НАТО» (FD 2002, 5). Политические афоризмы, подобно «меньшей, но лучшей обороне», не вызывали споров в начале 2000-х годов. Пока Россия рассматривалась как партнёр и друг, было легче ставить в приоритет качество, а не количество. Хуже стало, когда Россия в 2007 году возобновила полёты стратегических бомбардировщиков вдоль норвежского побережья, ввела войска в Южную Осетию в 2008 году, аннексировала в 2014 году Крымский полуостров, нарушила в 2015 году шведское и финское воздушные пространства, разместила в 2016 году

в Калининграде высокоточные ракеты большого радиуса действия с ядерными боеголовками и в том же году оказала влияние на американские президентские выборы¹, одновременно поддерживая ряд право-популистских партий в Центральной и Восточной Европе.

Сложный выбор

Выбор направлений политики в области обороны и безопасности был описан в 3-й главе, где говорилось, как смена акцента с национального на международный вклад в оборону привела к более сильной зависимости от США. Зависимость в том числе находит выражение в более прагматичном способе истолкования сути национальных самоограничений, прежде всего порядка проведения учений и размещения военных баз. Примером может послужить увеличение в последние годы количества учений восточнее 24-го градуса восточной долготы в Финнмарке, в которых в частности до 8000 американских, британских и норвежских военнослужащих отрабатывали методы ведения реальных военных действий близ российских границ (Bentzrød 2015; Rostad 2017; Forsvaret 2017). Зависимость также проявляется в более явном и постоянном базировании (на ротационной основе) американских морских пехотинцев в Центральной Норвегии и Тромсё. Это соответствует профессиональной рекомендации главнокомандующего вооружёнными силами, согласно которой собственный недостаток сил должен компенсироваться бóльшим союзническим присутствием даже в мирное время (Forsvaret 2015; Lysberg og Tallaksen 2016a). Зависимость также выражается в форме участия норвежских фрегатов в реализации американских планов по созданию ракетного щита, цель которого заключается в отслеживании и предупреждении возможных запусков ядерных ракет с российских подлодок в случае кризиса или войны. И, наконец, за счёт развития существующей гражданской и военной инфраструктуры в рамках Инициативы по обеспечению европейской безопасности Министерства обороны США. Примером этому может послужить промышленный порт у пролива Грётсунд неподалёку от города

¹ 7 октября 2016 года администрация президента США официально обвинила российское правительство в попытке вмешательства в выборы посредством взлома компьютеров Демократической партии и других организаций. — *Примеч. ред.*

Тромсё в 375 км от российской границы, где американские и британские подлодки могут бункероваться и менять экипажи (Nilsen 2019). Это способствует увеличению оперативности и присутствия, в связи с чем, согласно военным источникам, американские, британские и французские подлодки увеличили активность до 3–4 заходов в месяц (в 2017 году) (Nilsen 2018a). В общем, это способствует тому, что США могут лучше защищать проходящие через Атлантический океан линии связи. Это также позволяет американским вооружённым силам держать открытыми воздушные и морские коридоры для доступа к российским базовым комплексам и частично к стратегическим ВВС и ВМС, которые находятся в районе российско-норвежской границы, а также к кораблям Балтийского флота, которые дислоцируются на восточной стороне пролива Каттегат.

Этот способ идти навстречу интересам безопасности США, конечно, может повысить норвежскую безопасность, как потому, что США становятся теснее привязаны к обороне страны, так и потому, что дают этим понять России: «Норвегия — это НАТО на севере» (Regjeringen 2018). Постепенное размывание самоограничений приводит к тому, что американские силы получают право размещаться всё ближе к районам российских сил нанесения второго удара. За что российские власти могут «благодарить самих себя», поскольку это Россия «загнала» своего западного соседа ещё дальше в американское «стойло». Норвежские власти проявляют принципиальную твёрдость в вопросах, касающихся российского восприятия международного права, и считают, что оно было грубо нарушено, когда Россия изменила границы Грузии и Украины. И им это делать проще, когда они знают, что у них за спиной есть американская поддержка. Таким образом, это демонстрируется не просто «пустыми словами», а конкретной и решительной военной угрозой важнейшей группировке ядерных сил России.

Одновременно можно также утверждать, что в долгосрочной перспективе «политика приглашения» по отношению к США уменьшит норвежскую безопасность. Потому что те же самые воздушные, морские пространства и сухопутные территории станут важными отправными точками в российском планировании мер по обеспечению боеготовности и безопасности. Российские специалисты по обеспечению обороны не особенно отличаются от своих коллег в Норвегии, США и других странах НАТО. Общим требованием для всех

является: быть хорошо подготовленным, вооруженным, получать хорошее жалование и быть готовым к непредвиденным ситуациям. Это особенно касается случаев, которые могут иметь серьёзные последствия для государственной безопасности. В связи с этим практически все государства имеют различные типы организаций по поддержанию боевой готовности, которым полагается действовать при возникновении внезапно и неожиданно непредсказуемых кризисов. Тем самым Норвегия становится более интересной для многочисленных российских дипломатов, офицеров, чиновников и отдельных лиц из огромного количества посольств, консульств, «культурных институтов», разведывательных служб, киберорганизаций, а также частных пользователей, желающих получить информацию, которую норвежские власти считают «подлежащей защите». Общим для всех них является стремление получить доступ к информации о том, что может лучше всего повлиять на процессы принятия политических решений норвежских властей и как это влияние может быть использовано для ограничения способности и готовности Норвегии стоять на страже своих ценностей и интересов.

В напряжённых и неясных ситуациях подобное влияние на норвежскую оценку обстановки и обоснование для принятия решения, например, канцелярией премьер-министра, Правительственным комитетом по безопасности или тремя спецслужбами, может потенциально дать хороший эффект. И это не потому, что Россия боится, что норвежские войска вторгнутся на её территорию через границу в Финнмарке и выведут из строя системы управления и контроля в Североморске. Скорее потому, что российские власти ожидают, что северные воздушные, морские пространства и сухопутные территории быстро станут доступными американским контингентам. В силу этого малые государства станут важными узлами связи и плацдармами для развёртывания широкого американского фронта, главный удар которого будет направлен на *цели особой важности* в Баренцевом море, на Кольском полуострове, Балтийском море, в Калининграде и Санкт-Петербурге.

Такие оценки риска соответствуют давним представлениям о российской политике. Когда норвежские власти в 1949 году отказались от политики нейтралитета, чтобы стать частью возглавляемого США военного альянса, советское правительство выступило с дипломатической нотой, выразив обеспокоенность тем, что Норвегия может

в перспективе стать «трамплином» для американских операций против Советского Союза (Skogrand 2004). Когда норвежское правительство в конце 1950-х годов предоставило американской авиации возможность расширить зону полётов с базы на острове Аннёйя, последовала немедленная реакция Советского Союза (Klevberg 2012). То же самое происходило в 1960-е и 1970-е годы, когда норвежские власти хотели построить аэропорт в Лонгйире на Шпицбергене. Москва была обеспокоена тем, что он мог бы быть использован в военно-разведывательных целях против объектов на Кольском полуострове (Tamnes 1997).

После аннексии Крыма эта проблема получила новое развитие, с той большой разницей, что северные страны больше не являются одними из беднейших в Европе. Это означает, что их инфраструктура, с современными информационно-коммуникационными технологиями, аэропортами, портовыми терминалами, логистическими и транспортными системами, постепенно становилась всё более подготовленной для «принятия и размещения» на собственной территории больших контингентов американских вооружённых сил. Это прежде всего связано с тем, что концепты северных стран по тотальной обороне, несмотря на большие различия, создают важный эффект сотрудничества в гражданском и военном секторах. Оно частично происходит благодаря основанному на доверии управлению, которое на местном, региональном и национальном уровнях укрепляет дух коллективизма и социальный контракт между человеком и государством в условиях кризиса и войны. Кроме того, такое сотрудничество реализуется в форме институциональных соглашений и договорённостей по вопросам обороны с крупными предприятиями, такими как *Statoil*, *Telenor* и *Norsk Hydro*, которые из-за значительного участия в их акционерных капиталах государства несут особую ответственность перед обществом и за поддержание боеготовности, которая выходит далеко за рамки их коммерческих интересов (Norheim Martinsen 2019).

Цифровая и физическая инфраструктура, которой располагают Скандинавские страны и доступ к которой получают американские вооружённые силы, даёт особый повод для беспокойства тем, кто отвечает в России за оборонное планирование. В кризисной ситуации эта инфраструктура будет иметь большое значение для США, в том числе чтобы скоординировать передвижение тысячи

гражданских и военных транспортных средств, кораблей, самолётов и поездов из различных стран и деятельность коммерческих поставщиков в этом регионе. Это тот самый фактор, который в течение нескольких недель и месяцев после начала потенциального кризиса изменит баланс сил — с локального превосходства российских сил над своими северными соседями, к постепенному усилению американского присутствия в регионе. Именно это вынудит Россию действовать быстро, решительно и неожиданно при большом сосредоточении сил в этом районе. Российские власти рискуют столкнуться с усилившейся активизацией сил НАТО, которые с норвежских, шведских или финских территорий могут осуществлять разведывательные и рекогносцировочные полёты и даже проводить атаки на российские системы радиоэлектронной разведки и обнаружения угроз. Но это также может быть радиоэлектронное подавление и даже целенаправленные кибератаки и ракетные удары против сети командных пунктов и контрольных узлов, отвечающих за координацию оборонительных действий. Это может быть использовано, например, против центров связи президента и Генштаба в Москве с командованием стратегическими силами в северных регионах, в Сибири, на Балтийском и Чёрном морях.

Пока это не самый вероятный сценарий. Северная Европа является одним из самых зарегулированных регионов, с «лоскутным одеялом» из взаимно переплетающихся договоренностей, трактатов и институтов, которые вместе создают прозрачность и каналы для поддержания связи через границы проблемных приграничных областей. Вдобавок экономические связи между Россией и остальной частью Европы достаточно сильны. Смысл этого рассуждения — в том, чтобы выяснить, какие профессиональные военные оценки может давать российская сторона, с учётом того, что норвежские власти делают свои районы более доступными для американских вооружённых сил, — из-за боязни, что норвежская обороноспособность рухнет, если подвергнется давлению.

Постоянно присутствующие проблемы в Норвегии с боеготовностью создают вакуум, который быстро заполняется США, что, в свою очередь, усиливает соперничество двух великих держав в северных районах. Это также признаётся американскими властями. Согласно заявлению Роберта О. Уорка, бывшего в 2014–2017 годах заместителем министра обороны, увеличение присутствия США в норвеж-

ских приграничных районах прежде всего связано с «конкуренцией великих держав». Для США крайне важно дать понять России, что «мы можем работать в соседних водах, а когда и где — мы решим. Это сигнал, что мы здесь» (LaGrone 2018). Поэтому норвежская зависимость от США усиливает значение гораздо более гибких договорённостей, обеспечивающих быструю переброску именно такого типа помощи.

Парадокс

Парадокс состоит в том, что приглашение самой сильной военной державы мира в свою страну может привести к снижению уровня безопасности, несмотря на то что цель такой политики изначально сводится к обеспечению собственных граждан большей безопасностью. Хотя здесь можно возразить, заявив, что американское присутствие может стать сдерживающим фактором в военном отношении. В том смысле, что расширение американской инфраструктуры, как, например, наличие портовых терминалов, аэропортов и радарных установок или присутствие многочисленного контингента морской пехоты США в Тромсё и Трёнделаге может скорее повлиять на российские подсчёты цены-пользы действий в напряжённых ситуациях. В подобной перспективе возможное российское давление в Финнмарке может стать рискованным, потому что возможность серьёзного столкновения с США становится более вероятной и реалистичной.

Но можно также утверждать, что это старомодная логика, относящаяся к 1980-м годам, — до того, как цифровые технологии пришли в норвежскую критически важную инфраструктуру. Сегодня Норвегия является самым открытым и зависимым от информационно-коммуникационных технологий обществом, что расширяет пространство возможностей для российских специалистов, которые, несмотря на немного одностороннюю и «старомодную» военную логику сдерживания, пытаются воспользоваться ИКТ. Принимая во внимание неизбежную уязвимость, которая присуща небольшим, открытым и зависимым от цифровых технологий обществам, может случиться и так, что Россия не даст себя запугать. Просто-напросто потому, что есть неограниченное количество других возможностей оказания политического давления, чем чисто военные.

Более отчётливое американское военное присутствие в Норвегии может скорее заставить Россию принять более нетрадиционное и асимметричное решение: воспользоваться неизбежной уязвимостью норвежской критически важной общественной инфраструктуры, чтобы целенаправленно нейтрализовать такую сильную сторону Норвегии, как возможность быстрого доступа к американской военной помощи. Это могут быть, к примеру, сбои в подаче электричества в норвежские города и посёлки, нарушение деятельности систем управления движением пассажирских и грузовых поездов, самолётов и паромов, «приукрашивание» или даже изменение содержания новостных передач средств массовой информации или запугивание друзей и членов семей высокопоставленных гражданских и военных лиц, ответственных за принятие решений, сообщениями о неприятных, страшных или даже физически опасных событиях (Heier 2017). Другими словами, норвежская дилемма заключается в том, как можно обеспечить безопасность граждан, когда основная часть норвежского и американского вклада в оборону делает ставку на военную защиту существования страны.

Парадоксальность такого исхода в том, что норвежские граждане рискуют оказаться в меньшей безопасности. И это несмотря на то, что жители получают поддержку несомненно самой сильной мировой военной державы. В этой перспективе более утривованная «политика приглашения» по отношению к США и более либеральное осуществление самоограничений по отношению к России могут скорее стать частью проблемы, а не частью её решения, так как расширение американского военного присутствия в Норвегии и норвежских приграничных районах привлекает к себе больше, а не меньше российского внимания. В основе парадокса находится признание того, что два понятия — «безопасность государства» и «безопасность населения» — размываются и накладываются одно на другое. В попытке создания большей безопасности для государства за счёт более отчётливой «политики приглашения» по отношению к США одновременно сокращается уверенность населения в своей безопасности. Потому что значение норвежской территории с военной точки зрения возрастает в глазах России.

Из этого следует, что российская сторона будет осуществлять своё влияние и воздействие не там, где Норвегия и НАТО сильнее за счёт американских сил. Скорее российские контрмеры будут

предприниматься в тех направлениях, в которых страны являются наиболее уязвимыми и где вероятность успеха будет выше. Вряд ли это будет происходить путём противостояния с армией США, имеющей военный бюджет, превосходящий российский в 11 раз, располагающей более чем 13 тыс. самолётов, 20 авианосцами, более 1,3 млн военнослужащих, находящихся в постоянной боевой готовности, и 439 кораблями ВМФ. При встрече с противниками, на которых приходится 40% мировых военных расходов, логичнее воспользоваться их уязвимостями. В более широком норвежском общественном понимании целью может являться уязвимость, присутствующая расширяющемуся объёму предложений цифровых услуг для населения. Даже небольшие сбои быстро создадут чувство ненадёжности и беспокойства в «тысячах домов». С российской точки зрения, это будет самым простым, а также самым эффективным и дешёвым средством влияния на норвежские процессы принятия политических решений. Частично потому, что страх, который распространится в таком случае среди населения, если, например, пропадёт электричество, отключится интернет или самолёты, паромы и поезда потеряют способность ориентироваться в маршрутах движения, — это всё приведёт к тому, что в канцелярию премьер-министра начнёт поступать поток жалоб и требований: «что-то нужно делать». А частично потому, что этого «чего-то» явно недостаточно для того, чтобы обратиться к союзникам за военной помощью, а собственные вооружённые силы изначально не подготовлены, не оснащены и не получают достаточного жалования для решения подобных проблем общественного характера в государственном и частном секторах.

Мы обсудили различные стороны роста норвежской зависимости от ближайшего союзника страны — США. Но как это проявит себя при столкновении с норвежским восточным соседом?

Глава 5

ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ

В предыдущей главе мы обсудили преимущества и недостатки военного присутствия США в российско-норвежских пограничных районах. Главным выводом было то, что Норвегия действительно тесно связала свою безопасность с осуществлением планов США по поддержанию боеготовности и укреплению обороны. Но именно это делает Норвегию более интересным объектом для ряда российских структур, чьей основной задачей в мирное время являются поддержание боеготовности, обеспечение обороны и организация разведки. Не из опасения российских властей насчёт действий норвежских вооружённых сил, а исходя из вероятности, что норвежская, шведская и финская территории могут стать плацдармом для американских операций против их страны. Таким образом, можно утверждать: политика наших властей способствовала тому, что Норвегия стала более опасным местом для жизни в случае возникновения кризиса. Другими словами, доступ к американской военной помощи не подразумевает повышение уровня безопасности для государства и людей, живущих в нём.

В этой главе мы обратимся на восток и обсудим, как американское внимание к северу влияет на российско-норвежские отношения. Более конкретно мы рассмотрим, как норвежская дилемма зависимости от США влияет на отношение Норвегии к России. Сначала обсудим, какие вызовы связаны с приобретающей всё большее значение дилеммой безопасности на севере. Затем поговорим о том, смогут ли дилемма безопасности по отношению к России и дилемма зависимости по отношению к США дать толчок к появлению более

наступательной инициативы в норвежской оборонной стратегии. Под этим подразумевается, что норвежский ход мысли и планирование применения военной силы будут склоняться скорее к эскалации, нежели к деэскалации кризисов — из-за боязни, что они закончатся *fait accompli* с Россией: мы говорим о кризисах, которые рискуют стать «слишком большими для Норвегии, но слишком незначительными для НАТО».

Дилемма безопасности

Опасение, что норвежские воздушные, морские пространства и сухопутные районы могут послужить плацдармом для американских операций против России, вполне может быть обоснованным. Но оно также может быть преувеличено, потому что Россия должна учитывать, что её операции в Финмарке или в прилегающих воздушных и морских пространствах, скорее всего, вызовут ответные меры со стороны США. Так как Россия уступает США в политическом, экономическом и военном отношении, вероятнее всего, российские расходы превзойдут ожидаемую выгоду. Поэтому выражение «русским нечего бояться» (Diesen 2015) — очень подходящее определение для тех, кто может захотеть более жёстких отношений с восточным соседом. США, Норвегия и НАТО могут, например, с полным основанием продолжать оказывать давление на Россию, так как российская и западная экономики связаны настолько тесно, что возможность возникновения войны маловероятна. Кроме того, русские должны знать, что, согласно заявлению генсека НАТО Йенса Столтенберга, НАТО является исключительно «оборонительным альянсом. Действующим соразмерно. И в соответствии с международным правом» (Stoltenberg 2018). Тем самым, согласно высказыванию Сверре Дизена, бывшего в 2005–2009 годах шефом обороны Норвегии, установилось «стратегическое равновесие» между США и НАТО на западе и Россией на востоке (Diesen 2015).

В то же время рост американского присутствия в северных районах предоставит российским властям возможность в более короткое время получать упреждающие сигналы об угрозе. Сокращение времени для выявления угроз было также главным беспокойством, о котором руководство НАТО информировало страны-участницы,

когда США и Россия вышли из так называемого Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) в феврале 2019 года¹ (Johnsen 2019). Договор, который регулировал размещение и использование малых, мобильных и высокоэффективных машин с ядерными ракетами средней дальности, драматичным образом сократил возможности для манёвра в равной степени, как для российских, так и для американских и европейских руководителей, принимающих решения в кризисных ситуациях. Отчасти потому, что подобные системы вооружения сложно обнаружить и при необходимости уничтожить. Но более важно то, что этот вид вооружений сложно держать под политическим или гражданским контролем в кризисных ситуациях. Если Россия и США будут находиться на грани войны, системы управления, контролирующие использование этого вида оружия массового поражения, могут быстро быть отнесены к *целям особой важности*. По этой причине могут легко возникать положения, когда использование оружия против таких целей с военной точки зрения будет казаться разумным, но это станет невозможным в ходе более глубокой оценки ситуации на более высоком политическом уровне, потому что системы коммуникаций уже будут выведены из строя.

Поэтому сокращение стратегического времени выявления угроз вынуждает и западные, и российские ведомства, ответственные за обеспечение обороноспособности и безопасности, быть более бдительными и находиться в состоянии повышенной готовности, когда возникает небольшое происшествие, непонимание или кризис. Это может, например, произойти, если военные не поймут или даже будут действовать вопреки политическим директивам, которые лежат в основе использования вооружённых сил, подобно тому, как это случилось при администрации Кеннеди во время Карибского кризиса 1961 года (Allison og Zelikow 1971). Или из-за того, что сами военные захотят большей свободы действий в выборе способа урегулирования кризисов. В таком случае политическое вмешательство в чисто профессиональную военную сферу будет воспринято как чрезвычайно неуместное, о чём американский генерал Томми

¹ Президент США Дональд Трамп 1 февраля 2019 года объявил о начале процедуры выхода из Договора, в ответ на что Россия 2 февраля приостановила своё участие в нём. США вышли из договора 2 августа 2019 года, и в тот же день МИД России официально сообщило о прекращении его действия. — *Примеч. ред.*

Фрэнкс, руководивший вторжением в Ирак в 2003 году, очень чётко сказал: «Пусть Вашингтон сосредоточится на политике и стратегии. Оставьте меня, чёрт возьми, одного, чтобы вести войну» (Simpson 2012, 141).

Такие взгляды, которые можно также интерпретировать как выражение более широкой культуры военного мышления, могут тем не менее быстро увеличить вероятность ошибочных оценок, неправильных интерпретаций и неадекватных действий. В критической ситуации нужно совсем немного для того, чтобы несчастный случай, ошибка или недоразумение с одной стороны границы или внутри системы собственного военного командования привели к эскалации. И нельзя считать само собой разумеющимся, что в российской, норвежской или американской системе военного командования все поступают рационально, в соответствии с политическими целями и военными директивами. То, что Генштабу в Москве может показаться безвредным манёвром США в Баренцевом или Балтийском морях, командиру корабля Северного флота или пилоту истребителя в воздушном пространстве может показаться провоцирующим, опасным или даже угрожающим (Kjølborg 2013).

Это также подчёркивается рядом норвежских пилотов, которые на протяжении многих десятилетий встречали российских коллег в международном воздушном пространстве у городов Хаммерфест и Киркенес. Со временем вырабатываются определённые правила поведения в случаях, когда пилоты встречаются в воздушном пространстве. Они основаны на знании схем полётов и процедур друг друга; постепенно развивается культура понимания неформальных норм и правил того, что является приемлемым поведением. Но как только прибывают британские, американские или французские пилоты, эти нормы рушатся. Не потому, что они более агрессивные. Скорее потому, что эти лётчики просто не имеют опыта работы с правилами поведения, со временем выработанными норвежскими и российскими пилотами. Таким образом, чаще возникают недоразумения и неправильные интерпретации, которые повышают напряжение и непредсказуемость в ситуациях, которые могут быстро выйти из-под контроля. Исходя из сложившейся традиции, как американским, так и норвежским и российским властям было бы удобнее поручить урегулирование ситуаций между Россией и Норвегией норвежским самолётам, кораблям и военнослужащим (Tamnes 1997;

Klevberg 2012). Причина в том, что этот способ выглядит менее провокационно, чем если бы этим занялись американские вооружённые силы, которые ввиду своего великодержавного статуса более склонны к жестокому и отпугивающему общению со своим заклятым соперником. Норвегия, напротив, из-за своего географического положения не имеет возможности после выполнения поставленной задачи отступить на другую сторону Атлантического океана и вынуждена проявлять более сбалансированное и осторожное поведение, которое традиционно характеризует военные операции на севере.

С этой точки зрения может показаться, что норвежские и американские намерения увеличить военное присутствие на севере могут быть самым лучшим вариантом. Но по мнению российской стороны, значение имеют конкретные военные реалии — в воздухе, на море и в приграничных районах. Слова и заверения в том, что «России нечего бояться» или что «НАТО — это исключительно оборонительный альянс», с российской точки зрения не вызывают доверия. Основываясь на норвежско-американской дилемме зависимости, о которой шла речь в 4-й главе, можно вывести две новых дилеммы. Зависимость, которая является следствием желания быть «хорошим союзником», может ухудшить соседские отношения с Россией. Вместо того чтобы за счёт наращивания вооружений дать норвежцам больше безопасности, происходит обратное: присутствие США, с российской точки зрения, становится основной причиной дальнейшей эскалации. В том числе это объясняется тем, что сказал сам бывший заместитель министра обороны США Уокс: «Русские действительно больше, чем только подводный конкурент. Лучший способ добраться до них — действовать на территориях, находящихся рядом с ними, и не давать им вырваться в открытый океан» (LaGrone 2018). Исходя из стратегических перспектив великой державы может показаться, что слова «подойти к ним ближе» сказаны с умыслом. Но положение в российско-норвежской пограничной области из-за этого лишь обостряется, что, в свою очередь, осложняет норвежским властям возможность быть «хорошим соседом», так как они, с российской точки зрения, активно способствуют постоянному увеличению американского присутствия вблизи объектов, способных нанести второй стратегический удар.

Поэтому с российской точки зрения потребность в политической и военной разведке в Норвегии и прилегающих районах будет

возрастать также и в мирное время. Отчасти это найдёт выражение в росте российской активности в норвежском киберпространстве. Частично это проявится в увеличении количества учений, целью которых является отработка нападений в кризисных ситуациях и во время военных действий на норвежские и союзнические штабы, установки разведывательного характера и группы союзнических кораблей (Lunde 2018). Наконец, это также будет видно по масштабной мобилизации всего населения, что само по себе является выражением того, что страна готовится к большой войне с исходным пунктом в США, НАТО и Европе (Monaghan 2017).

Эмпирическое обоснование этого утверждения можно получить в норвежской Разведывательной службе, которая непрерывно следит за воздушным пространством над районами, прилегающими к российско-норвежской границе. В марте 2017 года было в частности зафиксировано, что российские бомбардировщики в сопровождении истребителей двигались в тактическом строю по направлению к разведывательным установкам в городе Вардё. Также была зарегистрирована симуляция атаки российских бомбардировщиков к северо-западу от острова Сенья сил НАТО, которые находились в Норвежском море. В мае того же года была также проведена симуляция подобной атаки с участием бомбардировщиков и истребителей на оперативный штаб вооружённых сил в Рейтане (пригороде Будё). По данным Разведывательной службы, это, вероятнее всего, было вызвано норвежскими действиями за несколько дней до этого в своих приграничных районах в связи с крупными учениями боевой авиации с участием шведских и финских истребителей (Lunde 2018).

Парадокс

Так называемая логика «услуга за услугу» заканчивается классическим определением дилеммы безопасности, которое было дано в 1-й главе. Частично потому, что ошибочные интерпретации и недопонимания между норвежскими и российскими вооружёнными силами могут возрасти. Но также и потому, что критически важная общественная инфраструктура страны становится более подвержена российской активности по сбору разведывательной информации и наблюдению, о чём говорилось в предыдущей главе. Это означает,

что даже небольшие инциденты, спорные моменты или кризисы, которые обычно можно было бы решить в рабочем порядке, рискуют разрастись и выйти из-под контроля. А это означает, что норвежское гражданское население будет скорее затронуто в случае вмешательства в «нервную систему» цифровой сферы общества. Примером может послужить глушение сигналов GPS в Финнмарке, в которых в том числе нуждались органы управления гражданской авиации для максимально безопасного проведения полётов в северной части страны (НКОН 2018; Bakke-Jenssen 2019). Таким образом, даже небольшие инциденты могут быть восприняты как реальная проблема безопасности и оказаться на рассмотрении высшего руководства стран.

Это означает, что отношения между Норвегией и Россией всё более сосредотачиваются на проблемах безопасности, понимая под этим, что двустороннее сотрудничество по «мягким» и безопасным политическим вопросам может быстро перейти в разряд проблем, затрагивающих государственную безопасность (Wæver 1995; Åtland 2015). Например, это может происходить в рамках мероприятий по борьбе с преступностью, в ходе сотрудничества по вопросам рыболовства в Баренцевом море или в рамках различных исследовательских и экономических проектов на Шпицбергене и в Арктике. Тем самым может легко возникнуть атмосфера, которая, согласно Хённеланду (2013, 93), становится всё более характерной: «С середины 2000-х годов нам становилось всё труднее получить согласие российских бюрократов принять нас».

Дилемма безопасности в отношениях между двумя государствами между тем приводит к парадоксу как для России, так и для Норвегии: несмотря на то что оба государства решают увеличить своё военное присутствие в регионе для повышения уровня своей безопасности, оба в итоге получают не больше безопасности, а меньше. Они бы получили больше безопасности только в том случае, если бы обе страны воздержались от наращивания вооружений по обе стороны границы. Этот парадокс противоречит проводимой двумя странами политике, в которой действует принцип «сила должна быть встречена внушительным противодействием». Для России это означает рост присутствия военных сил вдоль норвежской границы, даже далеко к югу у побережья Мёре-ог-Ромсдал, где происходит добыча норвежской нефти и газа для Европы. Норвегии, которая не

располагает внушительными вооружёнными силами, приходится реагировать на это путём вынужденной «политики приглашения» США и других западных государств. За счёт роста союзнического присутствия норвежские власти могут выглядеть принципиальными и жёсткими по отношению к российскому превосходству.

Как мы можем понять этот парадоксальный вывод? Норвежские и российские политики, несмотря на всё, люди разумные. Государственная администрация в обеих странах к тому же состоит из тысяч экспертов и специалистов по политике в области безопасности. В министерствах, управлениях, службах разведки и безопасности готовится масса докладов, проводятся брифинги и разрабатываются сценарии того, что произойдёт в случае возникновения кризиса. Наиболее правдоподобный ответ: в принимаемых решениях, которые делаются как в России, так и в Норвегии, и та и другая стороны рассматривают себя как слабейшую. Вследствие этого каждая считает себя наиболее подверженной давлению, провокациям, слежке, угрозам и возможным нападениям.

Бесполезное сдерживание

Норвежская сторона может иметь основания для беспокойства. Прежде всего из-за того, что способы ведения современной войны существенно отличаются от тех, что были во времена «холодной войны». Это означает, что сегодня норвежским властям будет сложнее проводить традиционную политику сдерживания российских вооружённых сил в Финнмарке или в Баренцевом море. Будет также сложнее призвать американские подкрепления, особенно в ситуациях, которые кажутся достаточно угрожающими для Норвегии, но не столь серьёзными по другую сторону Атлантического океана. Причиной в первую очередь являются изменения в использовании средств воздействия. Способы, которыми норвежские власти могут быть подвергнуты давлению, не относятся к традиционным; время, когда важнейшими средствами было использование истребителей, фрегатов, подводных лодок и танков, ушло. Это не означает, что обычные вооружения сегодня находятся на «исторической свалке», однако соотношение между военными и невоенными средствами воздействия изменилось. Сегодня война в Норвегии и в северных

странах ведётся прежде всего невоенными средствами воздействия, к которым добавляются «бряцание оружием» и демонстрация силы военными кораблями, истребителями и сухопутными силами. Это особенно актуально в регионах, которые характеризуются сильной экономической взаимозависимостью и где уже существует «лоскутное одеяло» из укрепляющих взаимное доверие институтов, договоров и соглашений; деятельность государственной инфраструктуры здесь сильно зависит от цифровых технологий и уязвима для вмешательства (НКОН 2018). Подобные условия, которые характерны для большей части Северной Европы и постепенно приобретают всеобщий характер в России, делают использование вооружённых сил более рискованным. Несмотря на то что государства региона не всегда являются в равной степени рациональными игроками, все они знают следующее: будет дешевле и менее рискованно поразить другие страны, используя их уязвимость в критически важной общественной цифровой инфраструктуре противника. Подобные нападения наносят меньший материальный ущерб и приводят к меньшим человеческим жертвам. Против такой формы «войны» сложно защищаться, и одновременно сложно её обнаружить, привлечь за неё к ответственности и подавить более сильными в военном плане мерами.

Таким образом, понятие «война» может быть истолковано не иначе как форма коллективно организованного применения насилия. Пока Европа и Россия имеют общий интерес в поддержании действующего международного морского права на севере, который позволяет России беспрепятственно извлекать львиную долю своих доходов из нефтяных и газовых месторождений в регионе, само собой разумеется, что традиционная война будет иметь катастрофические последствия. И не только потому, что это может быстро привести к ядерному Рагнарёку¹, но и потому, что материальные потери сделают сложным сохранение единства огромных российских территорий. Поэтому более логичным является достижение политических целей такой формой войны, которая является менее рискованной, но при этом в полной мере отвечает политическим целям и приносит успех.

¹ Рагнарёк — в германо-скандинавской мифологии: гибель богов и всего мира. — *Примеч. перев.*

С российской точки зрения, одним из самых эффективных способов ведения войны сегодня является атака на наиболее уязвимые позиции, характерные для западных демократий (Heier 2016a). В их основе находится доверие к общественному контракту между гражданином и государством. Доверие является своего рода «цементирующим составом» этой общественной модели. Доверие между управляемыми и управляющими является основной причиной того, что люди не берут власть в свои руки, но добровольно передают её избранной группе сограждан, которые принимают решения от их лица. Именно этот «цементирующий состав» приводит к социальной стабильности и эффективному политическому управлению, поскольку граждане страны знают, что представители верхов при парламентарной форме правления выступают от лица их всех: власти контролируются, они знают, что делать, поступают справедливо и умно. Поэтому из доверия возникает высокая степень политической легитимности, которая в том числе усиливается благодаря хорошему развитию частных и общественных услуг для граждан. Это может быть, например, возможность получения высоких зарплат и предоставление хороших условий труда, наличие системы обязательного социального и пенсионного обеспечения, выплата, на которую можно жить, доступная помощь в области здравоохранения или поддержание спокойствия и порядка на улицах, когда граждане могут спокойно перемещаться, не боясь дискриминации, травли, ограбления, изнасилования или убийства.

Когда у населения появляется чувство, что подобные услуги ему не предоставляются, возникает социальная тревога, которая увеличивает уязвимость социального контракта между гражданином и государством. Именно этой уязвимостью не в последнюю очередь могут воспользоваться противники, которые хотят посеять сомнения в способности властей управлять страной. Примером может послужить создание групп в Facebook, так называемых активистов или интернет-троллей, которые «атакуют» страну. Под словом «атаковать» подразумеваются меры, которые не вызывают организованного коллективного насилия, а скорее состоят из различной активности, которая способствует социальному разладу и общественной дестабилизации.

Целью является увеличение давления на политические институты и процессы принятия решений, которые обеспечивают эффективное управление в стране. В том числе это делается через разжигание идео-

логических, этнических, социальных, религиозных, экономических или географических конфликтов. Это потенциальные «пороховые бочки», и если их поджечь, они могут выбросить огромный потенциал нестабильности, который существует в любом гражданском обществе. Из-за разжигания потенциального недовольства, лежащего в этих конфликтных областях, создаются подозрительность, злоба и страх в больших группах населения. Подобная энергия часто генерируется в цифровых платформах, из которых население получает информацию, и это может быстро привести к относительно большой массовой мобилизации разъярённых, напуганных и недовольных жителей. Именно эта мобилизация используется для разрушения «цементирующего состава» гражданского общества — доверия между гражданином и государством, или, другими словами: единства между управляющими и управляемыми. Рост поляризации, отчуждения или даже радикализации более широких общественных дебатов ослабляет тем самым коллективное единство разнообразных социальных групп.

Со временем это может способствовать общественной раздробленности, которая, с точки зрения властей, затрудняет противостояние дипломатическому, политическому или военному давлению других государств (*Ibid.*). Это не является чем-то новым, но масштабы подобной деятельности постоянно расширяются, так как «тысячи домов» получают доступ к цифровым технологиям и включаются в единый глобальный Интернет. Таким образом, война и сдерживание для норвежских властей являются чем-то бóльшим, чем просто столкновение с российскими вооружёнными силами в северных регионах. Согласно мнению американского дипломата и историка Джорджа Ф. Кеннана (1904—2005), эту форму войны можно назвать «средством политического ведения войны», и она может проводиться как открытыми, так и тайными методами. В так называемой длинной телеграмме из американского посольства в Москве в 1948 году Кеннан утверждал, что:

Мы были ограничены популярной приверженностью к концепции принципиального различия между миром и войной, тенденцией рассматривать войну как своего рода спортивную ситуацию вне всего политического контекста, национальной тенденцией искать политическое лекарство от всех бед и нежеланием признавать действительность международных отношений — вечного ритма борьбы во время и вне войны (Kennan 1948).

Это причиняет головную боль норвежским властям. Причина в том, что вовсе не обязательно, что Россия позволит сдерживать себя военными средствами, когда существует одновременно так много других более современных способов ведения войны. Ведь война — это нечто большее, чем просто организованное насилие военными средствами воздействия. Война, согласно начальнику российского Генштаба генералу Валерию Герасимову, — это «примерное соотношение невоенных и военных действий как 4:1. Эти невоенные действия включают в себя экономические санкции, разрыв дипломатических отношений, политическое и дипломатическое давление» (Bartles 2016, 4). Политическое и дипломатическое давление происходит прежде всего из-за опасения, беспокойства и страха, которые создаются внутри собственного населения и доводятся до верхов, принимающих политические решения, часто с требованием: «что-то должно быть сделано», когда критически важные общественные системы оказываются под давлением, временами нарушаются или перестают работать.

По словам Чарльза К. Бартлеса, главной проблемой тем не менее является то, что Запад рассматривает невоенные средства воздействия как способ избежать войны, в то время как Россия рассматривает те же самые средства как абсолютно решающие для ведения войны (Ibid.). Это также подтверждается британским парламентом, который после аннексии Крыма заключил, что страны НАТО не могут сдерживать Россию:

В настоящее время НАТО недостаточно подготовлен к российской угрозе против стран — членов НАТО. Будет сложно противостоять российскому нетрадиционному нападению, использованию асимметричных тактик [то есть гибридной войны], предназначенных для того, чтобы не допускать ответного порога НАТО. И вызовы, с которыми НАТО встречается при сдерживании [...], такие как нападение, представляют фундаментальный риск подрыва надёжности НАТО (House of Commons 2014, 3).

Но несмотря на то, что Россия хочет в основном использовать невоенные средства воздействия, это не означает, что военные средства уже отыграли свою роль. Тем самым открывается ещё одна проблема сдерживания. Дело в том, что возможности норвежской

обороны сдерживать Россию военным способом уже нет. Поэтому норвежское пространство для манёвра сокращается, так как реальные признаки слабости военного арсенала приводят к тому, что даже небольшие эпизоды, спорные моменты и кризисы не могут быть более урегулированы самостоятельно. Как мы показали в 3-й главе, в начале 2000-х годов норвежские политики свернули национальное организационно-штатное расписание военного времени, объекты заблаговременного складирования вооружения и региональные структуры командования. В краткосрочной перспективе это было разумным выбором. Сворачивание большой, статичной и территориальной структуры обороны освободило средства для инвестиций в профессиональные части, которые в короткие сроки можно было бы применить в более широких планах альянса и изменить ситуацию там, где это больше всего нужно США.

В то же время это привело к продолжительному перерасходу норвежских сил, что в нынешней ситуации — спустя около 20 лет — стало головной болью для норвежских властей. Сейчас национальная оборона испытывает большие проблемы с противостоянием России в любой ситуации, которая отклоняется от нормального мирного положения дел на севере. Согласно мнению шефа обороны Норвегии Брун-Ханссена, вдобавок к названному сворачиванию это также объясняется серьёзной нехваткой по части технического обслуживания, наличия резервов и логистики (Bruun-Hanssen 2017), а также недостаточной выносливостью из-за нехватки сил даже для выполнения основной задачи — иметь чёткое понимание обстановки в пограничных областях с Россией (Bruun-Hanssen 2019). Другими словами, имеется слишком мало сил, которые могли бы защищать норвежские интересы, в случае если российские войска окажут давление на Норвегию в Финмарке, в Баренцевом море, на Шпицбергене или у острова Медвежий.

Расширение военного присутствия и рост активности по российскую сторону границы заставляют норвежские власти чувствовать себя более уязвимыми и, следовательно, менять стратегию. В том числе это выражается через более ясный посыл российским властям: согласно мнению Министерства обороны, выгода от угрозы или вызовов норвежской безопасности «не будет соответствовать затратам, которые она повлечёт за собой» (FD 2016, 17). Больше внимания уделяется запугиванию, а не успокоению. Если 2-й кабинет Столтенберга ввёл

понятие «порог обороны, предупреждающий конфликт» (FD 2008), то правительство Сульберг в 2012 году ужесточило тон и заменило термин на «устрашение». В том числе это выразилось в ежегодных представляемых правительством Стортингу докладах о проводимой стратегии. В то время как ежегодный законопроект Стортинга о выделении денег вооружённым силам (Законопроект № 1) между 2008 и 2015 годами использовал термин «устрашение» (которое происходит от латинского слова *detéere*, что означает «устрашать») в среднем не более двух раз, мы видим десятикратное увеличение использования этого термина в 2016 году. О потребности «устрашать» Россию было упомянуто 21 раз (Bragstad 2016; Heier 2018c).

Здесь можно возразить, что не стоит обращать слишком много внимания на формулировки в политических текстах. С точки зрения реальной политики в конечном итоге играет роль военный потенциал на суше, в воздухе или на море. Но тон и посыл политической директивы создают впечатление, что функции устрашения уделяется значительное внимание. Успокаивающий тон, который связан с соседскими отношениями с Россией, уступает тональности норвежских отношений с НАТО (Nilssen 2015; Wilhelmsen og Gjerde 2018). Это также выражается в практической политике, в том числе в размещении американских морских пехотинцев в Тромсё и Трёнделаге, в более частых заходах союзнических подводных лодок в Северную Норвегию, в большем числе крупных учений с американским участием в Финнмарке, а также в более тесной координации мер северных стран по обороне, которые, в свою очередь, связываются с американской реализацией планов по боеготовности и укреплению обороны на Севере. Таким образом, сокращается стратегическое время обнаружения угроз, которое является сутью аспекта успокоения (Holst 1967). Это — парадокс, потому что «в целом сотрудничество, а не конфликт больше характеризовали отношения» между Норвегией и Россией (Holtmark 2015, 635).

Со своей стороны Россия также обеспокоена. Не потому, что норвежские воздушные, морские или сухопутные вооружённые силы представляют какую-либо угрозу российскому Северному флоту. А потому, что норвежские власти в политической и военной областях сближаются с НАТО, который в 2018 году суммарно потратил на оборону в 12 раз больше, чем Россия, будучи управляемым [американским] соперником, который, помимо того, что он является

единственной военной сверхдержавой мира, в течение последних 20 лет вступал в войны в ряде стран, активно поддерживал «цветные революции» в «колеблющихся государствах», которые хотели выйти из исключительно российской сферы интересов (Bartles 2016). С российской точки зрения западные воинские части до сих пор могут беспрепятственно проникать через российскую границу. Так происходит потому, что существуют «чёрные дыры», которыми можно воспользоваться, чтобы проникнуть незаметно для сети радиолокационных станций обнаружения, ведущей наблюдение за береговой линией длиной 22 000 км и сухопутной границей к северу от Полярного круга длиной 11 000 км.

Американские подлодки, оперирующие у норвежских берегов, также обладают высокоточными ракетами, которые за 15–16 минут могут уничтожить политическое и военное руководство в Москве (Wilhelmsen og Gjerde 2018). Согласно заявлению Конгресса США, это является важными компонентами американского концепта обороны, который часто называют *Prompt Global Strike* (PGS) — Быстрым глобальным ударом:

Эта возможность придаёт уверенность попыткам США сдерживать и победить противника, позволяя Соединенным Штатам атаковать значимые либо перемещающиеся цели в начале или во время конфликта. Конгресс в целом поддержал миссию PGS, но ограничил её финансирование на несколько лет. В последнее время усилия по развитию возможности быстрого удара большого радиуса действия вместе с другими усилиями создания сверхзвукового оружия накапливают увеличивающуюся поддержку (CRS 2019, 2).

Подобные системы вооружения представляют большую опасность для способности России преследовать свои цели в кризисах или войнах, и, следовательно, угрозы должны быть предотвращены в случае возникновения конфликта с США. Таким образом, ситуация с российской безопасностью представляется более угрожающей, чем это было всего несколько лет назад. Кроме прочего, согласно мнению Директората по предотвращению облучения и атомной защите, это объясняется тем, что в последние годы количество заходов американских, британских и французских АПЛ увеличилось в четыре раза (Selnes, Eikermann og Amundsen 2018). Согласно данным Штаба опе-

ративного командования вооружённых сил, размещающегося в пригороде Будё, в 2018 году в Норвегию заходило 27 атомных кораблей, что в 3 раза больше, чем те же данные на 2009 год (Johansen 2018). Эти подлодки являются одним из важнейших компонентов американской концепции PGS (Podvig 2006) и могут, согласно собственному исследовательскому центру Конгресса, способствовать росту неуверенности противника. Это становится возможным потому, что «противники США могут неверно истолковать запуск ракеты с обычной боеголовкой и заключить, что ракета несёт ядерный заряд (CRS 2019, 2).

Поэтому с российской точки зрения держать американские и военные силы других стран — участниц НАТО на максимально отдалённом расстоянии от собственных границ является важным преимуществом. Частично потому, что это облегчает возможность российских атомных подлодок быстрее уйти на глубину — около 150 м у Кольского полуострова и более чем на 1000 м у острова Медвежий. Если это удастся, им станет легче скрываться в Северной части Атлантического океана, потому что издаваемые ими шумы подлодок будет сложнее идентифицировать. Тем самым возрастает надёжность способности нанесения второго удара, потому что Северному флоту будет легче ответить нападением на потенциальные цели в США. Увеличение времени обнаружения также является важным для того, чтобы российские военные успели сбить западные ракеты, направленные против российских систем командования и контроля и которые в короткие сроки могут парализовать российскую обороноспособность и гражданскую оборону.

Если обе стороны решат дать друг другу более долгое стратегическое время выявления угроз, российские и норвежские военные части могут быть переведены в состояние более низкого уровня боеготовности. Подобные самоограничения помогают продемонстрировать готовность сторон к ослаблению напряжённости, диалогу и сотрудничеству (Heier 2018b). Поэтому, как бы парадоксально это ни звучало, сокращая количество союзнических войск в собственных приграничных районах, норвежские власти уменьшают дилемму безопасности. Именно такую логику во время «холодной войны» Юхан Йорген Хольст назвал «молчаливым сотрудничеством» между Норвегией и Россией (Holst 1967), которое сегодня заменилось дилеммой безопасности, достаточно парадоксально показывающей, что обе страны достигают не больше безопасности, а меньше.

Взаимный страх

Причиной этого является взаимный страх, что стороны уступают друг другу в военном отношении. Это приводит к тому, что как норвежские, так и российские защитные меры представляются как оборонительные и тем самым — как необходимые и легитимные в глазах собственного народа. Но с точки зрения противоположной стороны подобные меры всегда будут рассматриваться как наступательные и угрожающие. Таким образом, можно утверждать, как об этом сказал Томас Шеллинг, что сдерживание не обязательно подействует, так как принимаемые меры воспринимаются по-разному в зависимости от того, подвергаетесь ли вы сдерживанию или сами выступаете за это. Насколько действует сдерживание США и России друг на друга, «полностью зависит от их силы воздействия на восприятие целевого состояния. Любая стратегия, предотвращающая агрессию, должна поэтому начинаться с оценки интересов, мотивов и требований потенциального агрессора» (Mazarr 2018, 1–2). Исходя из этой перспективы, норвежские, американские и российские учения будут иметь незначительный стабилизирующий эффект в российско-норвежском пограничном регионе. Это может, например, объясняться тем, что в натовских учениях *Trident Juncture 2018* также участвовали финские самолёты, которые отправлялись с баз в Рованиеми, находящихся всего в 15 милях от российских границ (Puolustusvoimat 2018). Также это может объясняться российскими учениями «Запад-2017», в ходе которых в 2017 году были произведены запуски ракет «Искандер» в долине реки Печенга всего в нескольких милях от города Киркенес (Lunde 2018). Ещё это могут быть норвежские учения *Cold Response*¹, в которых в 2016 и 2017 годах в норвежском воздушном пространстве отрабатывали поставленные задачи американские бомбардировщики В-52, способные нести ядерное вооружение (NTV 2017b). Или это могут быть более современные российские воздушные и морские учения со стрельбой боевыми патронами далеко к югу Норвежского моря, у Лофотенских островов после учений *Trident Juncture 2018* (Tallaksen og Lysberg 2019).

Все эти меры говорят о способности ответить на нападение, а также о политической воле сделать это у противоположной сто-

¹ «Холодный ответ» (англ.).

роны. Одновременно учения способствуют сокращению времени для возможного неожиданного удара или даже упреждающего удара. Хотя сейчас с норвежской стороны было ясно заявлено, что учения *Trident Juncture 2018* не носят наступательного характера и что они будут проводиться вдалеке от российских границ (НАТО 2018). Но также важно чётко понимать, что одновременно с учениями *Trident Juncture 2018* проходили и другие учения с американским участием и под американским руководством. Далеко на севере прошли учения *Northern Screen*, которые являлись ответом на возможные российские «контратаки» в связи с *Trident Juncture 2018*. Здесь, например, норвежские подразделения выступали как передовые корректировщики огня для американских истребителей, оперировавших с американского авианосца «Гарри Трумэн». Южнее и восточнее этого района, в проливе Каттегат и в Балтийском море, также проводились американские учения, в том числе с датским, шведским и финским участием. Суммарно это военное присутствие создаёт впечатление, что заклятый соперник с запада почти закрепил свои военные позиции не только в Норвегии, но и на всём Севере и в целом в Северной Европе.

Российская реакция на такое развитие выражается в том числе путём наращивания военного присутствия и учений в прилегающих норвежских районах. Например, когда штабы Северного и Балтийского флотов сообщили авиакомпании *Avinor* о предстоящих ракетных учениях вблизи нефтегазовых месторождений Норн, Хейдрун, Кристин и Асгард с 1 по 3 октября 2018 года в регионе, который совпадал с учениями *Trident Juncture*, что могло помешать поставкам энергоресурсов в Европу. Частично также путём запуска крылатых ракет подлодками, которые находились вблизи границ норвежских территориальных вод у коммуны Берлевог с 6 по 9 ноября 2018 года. Частично через испытание ракет в норвежской экономической зоне у Лофотенских островов, 20 миль западнее от города Стокмаркнес 22 ноября 2018 года. И, наконец, через создание полигона у Лофотенских островов с 11 по 14 апреля 2019 года в связи с более крупными учениями, которые, по мнению Министерства обороны Норвегии, были «весьма необычными» (Tallaksen og Lysberg 2019).

Таким образом, учения по обе стороны границы отвечают модели, в которой собственная активность воспринимается противной стороной как угрожающая и приводит к тому, что Норвегия

и Россия, каждая со своей стороны, вынуждены принимать предупредительные меры по обеспечению безопасности. Примером могут послужить более высокие требования к боеготовности российских и норвежских истребителей и спецназа. Это также может быть модернизация планов и учений, которые должны обеспечивать более быструю и эффективную переброску американских или российских сил в приграничные зоны. Эти меры также узаконивают более интенсивную разведывательную деятельность по обе стороны границы, одновременно ставя гражданскую и военную инфраструктуру в список целей, которые должны быть как можно скорее разрушены или временно выведены из строя в условиях кризиса. Это развитие создаёт спираль взаимного недоверия. И это одна из первоочередных причин того, что даже самые незначительные события или эпизоды могут расширяться и, следовательно, стать политической проблемой, которая может быстро выйти из-под контроля, так как вооружённые силы будут использоваться быстрее и чаще, чем это необходимо.

Примером этого может послужить переброска около 70 норвежских спецназовцев из города Рена на полуостров Банак ночью 25 октября 2005 года. Это было сделано для оказания помощи губернатору Шпицбергена в связи с тем, что российское рыболовное судно и перегрузочный корабль у острова Медвежий отказывались платить штраф. Несмотря на то что предельная санкция сводилась всего лишь к шести месяцам ареста, одни из самых боеспособных и востребованных групп спецназа НАТО были переброшены в район происшествия, чтобы как можно быстрее заблокировать рыболовное судно. Это произошло потому, что за два дня до этого региональное командование Северной Норвегии столкнулось с тем, что российское рыболовное судно «Электрон» отказалось подчиниться приказу береговой охраны о буксировке в город Трумсё и вместо этого взяло курс на Мурманск, имея на борту двух норвежских инспекторов по рыболовству. Более дальновидная позиция в новом происшествии у острова Медвежий была бы преимуществом, и не в последнюю очередь заверением того, что больше не возникнет прецедент с невыполнением российскими рыболовными судами норвежских законов. Тем не менее департамент юстиции и полиции и губернатор Шпицбергена решительно воспротивились и отказались от захвата норвежским спецназом российских судов, в том числе из соображений о принципе пропорциональности (Ingebretsen Skaret 2013).

Такие эпизоды случаются редко. Это объясняется в том числе тем, что за прошедшие годы были выработаны эффективные механизмы по урегулированию конфликтов — так называемая культура компромиссов — между норвежскими и российскими властями. Это прежде всего касается определения объёмов вылова и сохранения рыбных ресурсов вокруг Шпицбергена (Hønneland og Jørgensen 2015). Инциденты также случались и в период, когда напряжение между Россией и Западом было низким. Но с военным вкладом — и оценками, которые лежат в основе военной стороны, — становится ясно, насколько важен способ, к которому прибегают государства для урегулирования напряжённых ситуаций: продемонстрировать военную инициативу и решительность необходимо для того, чтобы создать прецедент, показать, как будет развиваться кризис. Именно этот пункт вызывает беспокойство гражданского общества:

Способность политических руководителей высокого уровня поддерживать контроль над действиями и активностью вооружённых сил является затруднительной из-за чрезвычайно большого числа сложных приказов, которые отдаются под натиском кризиса по мере его обострения (George 1991, 18).

Отработанные процедуры, сложившаяся практика и доктрины, которые не рассматриваются в более широких политическом или юридическом контекстах, могут ещё больше испортить соседские отношения, которые уже ослабли из-за ужесточения тона общения двух стран. Россия демонизируется норвежскими властями (Nilssen 2015), в то время как российские власти всё больше рассматривают Норвегию как часть длинной руки США на севере. Но характер заявлений — это всего лишь слова, которым мало доверия, если они не поддерживаются конкретными действиями. Поэтому как норвежские, так и американские и российские силы, часто из удалённых районов сосредоточения войск, стягиваются и проводят учения в приграничных районах. В случае с США это происходит с участием более мощных военно-морских соединений, с так называемым Вторым флотом США с базы в Норфолке, район учений которого простирается далеко в Баренцевом море, чтобы помешать российским подводным лодкам уйти незамеченными в глубокие воды в районы к западу от Шпицбергена (LaGrone 2018).

В случае с Россией это касается скопления в этих районах воинских контингентов, в том числе сухопутных, которые могут быть внезапно переброшены незамеченными по железной дороге. Целью этого становится максимальное усиление момента неожиданности, чтобы норвежскими и союзническими властями это было воспринято как нечто неприятное и потенциально угрожающее (Stiberg 2016). Одновременно повышается значение ядерных сил на Кольском полуострове путём постепенного ввода в строй новых и более бесшумных подлодок (проекты «Борей» и «Ясень») или возобновлением авиационного фактора ядерного сдерживания стратегическими бомбардировщиками и самолётами сопровождения, совершающими полёты вдоль норвежского побережья и через Северный Ледовитый океан, а также изменениями в доктрине, в которой говорится, что Россия может почувствовать себя вынужденной к использованию ядерного оружия первой, и даже на ранней фазе, чтобы вынудить предполагаемого противника отказаться от дальнейшей эскалации¹. Именно это неприятное ощущение создаёт политическое давление, которое заставляет гражданские и военные организации, отвечающие за оборону по другую сторону границы, принимать ответные меры.

Что касается Норвегии, то её контрмеры принимаются по разным направлениям. Главное направление заключается в более тесном сотрудничестве с американскими и британскими властями, в том числе с так называемым Объединённым командованием в Норфолке, которое выделяет для операций в северных районах корабли Второго флота США. Эта контрмера подкрепляется возрастающим сотрудничеством по линии разведки между США (с авиабазы в Рейкьявике), Великобританией и Норвегией для наблюдения за морскими районами в этих широтах, в том числе закупкой более современных самолётов — Р-8 «Посейдон», — которые совместно могут более эффективно и систематично охотиться за российскими подлодками. Одновременно возрождается концепция по трансатлантическому усилению и повышению боеготовности в акватории

¹ Автор некорректен в трактовке положений Военной доктрины России, которая определяет: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против неё и (или) её союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». — *Примеч. ред.*

Атлантического океана, с тем чтобы американские воинские контингенты могли быстрее прибыть в Северную Норвегию до того, как это будет слишком поздно. Прибыть не только в Центральную Норвегию, как во времена «холодной войны», но и в губернию Трумс, где американский авианосец «Гарри Трумэн» впервые за 30 лет провёл совместные учения с норвежскими подразделениями. По мнению высокопоставленных офицеров вооружённых сил, расширенное присутствие союзнических ВВС, ВМС и сухопутных сил в норвежских регионах означает, что «сейчас время обнаружения угрозы практически равно нулю» (Wormdal 2018).

С учётом воинских контингентов, которые могут быть быстро переброшены в Киркенес, Никель или Баренцево море, принятие политических решений как в России, так и в Норвегии и США приобретает более жёсткое, конкретное и впечатляющее выражение. В то же время норвежские и российские власти также оказываются в парадоксальном положении, которое лучше всего может быть передано словами американского политолога чешского происхождения Карла Дойча (1912–1992): «Теория сдерживания [...] сначала предполагает, что мы должны обмануть наших противников, сильно напугав их, а затем нам следует рассчитывать на их рациональное хладнокровие в оценке нашего желания сохранить собственную выживаемость» (Deutsch et al. 1957, 70). Как это ни парадоксально, это оставляет у норвежских и российских властей чувство меньшей безопасности, так как грань между миром, кризисом и войной утончается. Ведь когда диалог, сотрудничество и взаимное доверие между соседними государствами исчезают, также сокращается и дипломатическое пространство для манёвра при внезапном возникновении кризиса.

Дилемма эскалации

До сих пор мы обсуждали дилемму зависимости по отношению к США и дилемму безопасности по отношению к России. Третья и последняя дилемма связана со стратегическими оценками, которые норвежские власти должны делать в отношении своей страны. Ключевым моментом является отсутствие достаточной национальной обороноспособности. Какой подход будет наиболее целесообразным

для достижения максимальной безопасности в случае конфликта с российскими вооружёнными силами в Баренцевом море, на Шпицбергене и вдоль границы в Финнмарке? Когда доверие между двумя соседними государствами истощилось, когда потребность в союзническом подкреплении является вынужденной, а собственные силы едва ли могут поддерживать обороноспособность в мирное время, будет ли обострение возможного кризиса самым мудрым решением? Или будет лучше избежать дальнейшей эскалации?

С одной стороны, эскалация может увеличить опасность полномасштабной войны, потому что США рискуют быть втянутыми в вооружённый конфликт с Россией. С другой стороны, желание деэскалации может быть воспринято как слабость и тем самым мотивировать российские власти на поддержание давления, а не на отказ от этого. Следовательно, дилемма эскалации тесно связана с двумя предыдущими дилеммами. По отношению к дилемме зависимости от США дилемма эскалации возникает потому, что продолжительный перерасход норвежских сил в зарубежных операциях больше не позволяет урегулировать спорные моменты и небольшие эпизоды самостоятельно. Таким образом, растёт потребность в быстрой оценке складывающегося положения, до того, как собственные вооружённые силы утратят способность к сопротивлению и в конце концов потерпят поражение. По отношению к России дилемма безопасности также создала потребность в «отражении силы силой» посредством наращивания норвежского и американского присутствия, поскольку Россия делает то же самое. Если будет выбрана эскалация, норвежские власти продемонстрируют России свою решительность. Если же будет выбрана деэскалация, будет проявлено желание к диалогу и сотрудничеству. С норвежской точки зрения и то и другое решения могут повлиять на оценку российским руководством цены-пользы в позитивном и негативном отношении.

С одной стороны, военная решимость и неуклонность поведения норвежской стороны может позволить избежать ответных реакций со стороны России благодаря тому, что норвежские силы проявят принципиальность, которая — если российские силы не уступят — может быстро привести к вооружённому конфликту. В таком случае это может увеличить вероятность дальнейшей эскалации, потому что есть риск вовлечения американских вооружённых сил. В соответствии с логикой военного сдерживания, дальнейшая эскалация будет

поэтому разумной, так как более наступательные действия внушают уважение и могут отпугнуть Россию от дальнейшей эскалации. В этом случае российские издержки могут быстро превзойти ожидаемые выгоды, что как правительство Столтенберга, так и правительство Сульберг очень хотели донести тезисом «порог обороны, предупреждающий конфликт» и стратегии открытого сдерживания (FD 2008; FD 2012; FD 2016). Таким образом, поворот в такой политике контрастирует с сигналами, дававшимися в 1980-х и 1990-х годах. В то время приоритет отдавался осторожности как части норвежской *политики низкой напряжённости*: военные меры, которые могли привести к нежелательной эскалации с российской стороны, должны были быть сглажены (Tamnes 1997).

С другой стороны, может также оказаться, что норвежская стратегия сдерживания, которая грозит эскалацией российско-норвежского кризиса, обернётся против самой Норвегии. Ведь если норвежская принципиальность будет проявляться без постоянной поддержки военно-воздушных, военно-морских и сухопутных сил, у этой принципиальности будет недоставать достоверности. Тем самым попытка отпугнуть Россию, например, угрозой эскалации кризиса будет выглядеть провокационно. Как крупнейшая страна в мире, владеющая одним из самых современных видов ядерного оружия, Россия в этом случае будет считать, что она чрезвычайно унижена, если — в глазах собственного народа и в зарубежных СМИ — будет «поставлена на место» малой страной с 5,3 млн жителей, у которых едва ли достаточно вооружения. Такая ситуация с российской точки зрения будет означать внешнеполитическое и внутривнутриполитическое поражение, несовместимое с амбициями по восстановлению своего статуса в международной политике. В таких ситуациях использование силы — даже в ограниченной степени — будет наиболее рационально, чтобы хотя бы выйти из ситуации «с честью» (Kjølbeg 2015). Любые другие меры стали бы свидетельством уступчивости и недостаточной воли отстаивать российские интересы, не в последнюю очередь в регионе, который обеспечивает защиту важнейшей ядерной группировки России, содержит около 80 % всей нефти и 90 % всего газа, которые Россия экспортирует за границу (Zysk 2015). Поэтому норвежские ракеты, установленные на кораблях ВМС Норвегии, время от времени подвергаются критике с российской стороны. Радиус действия в 185 км позволяет этим

ракетами создавать потенциальную угрозу главной базе Северного флота в Североморске, всего в 150 км от Киркенеса (The Local 2015).

Более сильный акцент на самоограничениях в таком случае способствовал бы более быстрому спаду напряжения, что, в свою очередь, дало бы дипломатам в МИДе большую свободу манёвра. Но дипломатия, которая не может поддерживаться военными мерами, тоже будет восприниматься как слабость. Эту точку зрения чиновники из Министерств обороны и иностранных дел вместе с представителями руководства Разведывательной службы и высокопоставленными офицерами вооружённых сил будут отстаивать на встречах в канцелярии премьер-министра и в Совете по безопасности правительства. Ведь если желание умиротворения России будет представлено в одностороннем порядке или слишком явно, это может быть истолковано в том смысле, что у норвежских властей отсутствуют необходимые амбиции для отстаивания своих национальных интересов (Diesen 2015; Grandhagen 2018). Тем самым российские власти могут легко истолковать ситуацию так, что у норвежских властей нет ни политической воли, ни военной возможности для того, чтобы подкрепить силой свои требования. Это может дать российским властям дополнительные основания для продолжения давления. Это не обязательно будет осуществляться за счёт обычного использования вооружённых сил. Как говорилось ранее, политическое давление скорее будет наращиваться путём распространения страха, неуверенности и беспокойства среди норвежского населения.

С норвежской точки зрения это может иметь негативные последствия. Главной причиной этого является то, что норвежские власти тем самым могут быть легче втянуты в двусторонние соглашения по сотрудничеству, которые могут отвечать интересам России и из которых будет сложно выйти. С американской стороны это также может вызвать обеспокоенность — не в меньшей степени потому, что США рискуют потерять влияние и контроль над стратегически важным регионом, который в случае кризиса или войны будет иметь большое значение как для защиты Европы, так и для обороны Американского континента. В таком случае подобное развитие быстрее приведёт к росту американского военного присутствия в Норвегии, помимо других причин для усиления национальной обороны США. Другими словами, более сильное американское военное присутствие будет происходить не только потому, что США хотят быть велико-

душными по отношению к «хорошему союзнику» в северных широтах, испытывающему давление более крупного российского соседа. Не менее важным будет стремление избежать того, что северные регионы, учитывая базы российских ядерных ракет, направленных на американские города, станут «чёрной дырой» для тех, кто принимает решения в США и кто должен делать это быстро, на основании хорошей осведомлённости.

В различных выборах между противоречивыми взглядами и пересекающимися интересами норвежское решение дилеммы эскалации привело в итоге к оборонной концепции, которая придаёт большее значение эскалации, а не деэскалации: «при наличии современных возможностей и значительной способности реагировать на вызовы вооружённые силы образуют порог, который предотвращает конфликт и содержит в себе высокий риск для тех, кто попытается бросить вызов норвежской безопасности и независимости» (FD 2012, 7). Необходимость донести наличие политической воли и военной способности, что приводит к эскалации даже небольших кризисов с восточным соседом, таким образом, резко контрастирует с теми размышлениями о политике безопасности, которые были характерны для норвежских властей в 1990-х и 2000-х годах. Тогда руководство вооружённых сил прежде всего хотело «воспрепятствовать развитию кризисов в военный конфликт» (Forsvaret 1985). Напряжение между Востоком и Западом должно было устраняться проведением норвежских операций с осторожностью и с учётом того, как они будут восприняты российской стороной. Предпочтение отдавалось проявлению сдержанности, а не привлечению американских воинских контингентов в расширяющиеся стратегии сдерживания, что также отразилось на планировании, которое легло в основу политики к началу нового тысячелетия: в последующие годы урегулирование кризисов вооружёнными силами должно было «воспрепятствовать нежелательной эскалации и не допускать военной конфронтации» (FD 1998, 58). Нежелание эскалации или нагнетания напряжённости было также подтверждено Министерством юстиции и полиции, которое в годы после окончания «холодной войны» стремилось проводить «мягкую политику» по отношению к России (Faure 2010).

Желание большей твёрдости и меньшей уступчивости по отношению к России — когда большее внимание уделяется сдерживанию, а не умиротворению — тем не менее приводит к парадоксальному

итогу: одновременно с тем, что в норвежской стратегии уделяется всё больше внимания сдерживанию, давая об этом знать понижением порога для назначения штрафов; оперативная способность тех, кто должен сдерживать противника, настолько слаба, что с трудом преодолевает неудовлетворительную оценку Министерства обороны (Forsvarsdepartementet 2018). Отсутствие запасных частей, логистики, технического обслуживания и необходимого персонала должной квалификации, а также хроническая нехватка многих оперативных подразделений означают, что вооружённые силы «не могут ни удовлетворить национальные потребности, ни выполнить требования НАТО» (Bruun-Hanssen 2019). Самым логичным решением в такой ситуации, помимо более систематичного и долгосрочного восстановления вооружённых сил, было бы сосредоточение на дипломатии, диалоге и сотрудничестве.

Рассчитанная на перспективу наступательная политика, наоборот, приведёт к повышению риска эскалации конфликта, который норвежские власти будут не в состоянии урегулировать. Более долгосрочная стратегия эскалации была бы рациональной, если бы власти располагали военными силами, которые были бы оснащены, подготовлены и рассчитаны по своей боеготовности и численности на противостояние российскому противнику в кризисных ситуациях. Но когда норвежские власти, по словам шефа обороны Норвегии Брун-Ханссена, располагают «минимальной обороной, которая обеспечивает слишком малую защиту» (Ibid.), такой ход мыслей может показаться нелогичным. Как может пониматься этот парадокс?

Поворот к наступательной стратегии?

Один из способов понять этот парадокс — соотнести его с дилеммой зависимости. Как мы писали в 3-й главе, в начале 2000-х годов норвежские власти решили свернуть территориальную оборону, чтобы высвободить средства для более дорогой, но меньшей по численности армии. При стратегии оборонного реагирования (FD 2004) норвежские власти могли подключаться к напряжённым ситуациям на ранней стадии, чтобы быстро взять кризис под контроль, до того, как он примет более острый характер. Тем не менее в этом случае недостаток заключается в том, что при небольшой ограниченной

обороне с малым количеством доступных контингентов невозможно поддерживать высокую военную активность на протяжении нескольких суток. Это объясняется тем, что отсутствие возможностей для замены активных участников отдохнувшей сменой быстро увеличит износ персонала и тем самым понизит обороноспособность. Одна только губерния Финнмарк сопоставима по размеру со Швейцарией, примерно на 10 % больше Дании; норвежское морское пространство вдоль материка составляет около 80 % Средиземного моря и примерно в шесть раз больше материковой части страны. Этой местности также присущ суровый климат с сильными ветрами и низкими температурами, которые оказывают негативное воздействие на боевую технику и выматывают личный состав быстрее, чем в южных районах.

Поэтому малая, но более эффективная «оборона реагирования» рискует быстро достичь так называемой критической массы и развалиться ещё до того, как подразделения вообще вступят в соприкосновение с противником. Большие расстояния, сложная и долгая транспортировка, а также плохая погода, плохие дорожные условия и пересечённая местность создают ситуацию, где малое количество небольших воинских единиц может столкнуться с проблемами в осуществлении норвежской стратегии сдерживания, заключающейся в эскалации кризиса до более высокого уровня интенсивности, поскольку это должно было, как подразумевалось, заставить США направить в страну подкрепление (Diesen 2013). В реальности это выражается в том, что норвежская оборона не располагает возможностями или оперативной выдержкой для создания необходимой для политиков и дипломатов передышки. Ведь передышка даёт время, а время — пространство для манёвра в ситуациях, когда соседи находятся на грани войны. Время также играет решающую роль для возможности выяснения недоразумений, достижения компромиссов и предотвращения излишней эскалации по дипломатическим каналам.

Время также важно для переговоров с менее обязательным и неоднородным альянсом в лице НАТО, состоящим из 29 очень разных членов; многие из которых к тому же не имеют ни представления о проблеме, ни национальных интересов, связанных с российско-норвежским развитием кризиса на другой стороне Европейского континента. Например, достаточно маловероятно,

что южно-европейские страны — участницы НАТО, которые, как кажется, наиболее заняты проблемами терроризма и незаконной иммиграции, захотят брать на себя риск содействия началу Третьей мировой войны с Россией из-за поддержки норвежских позиций и интересов в рыболовном конфликте в охранной зоне Шпицбергена (Skjelland et al. 2019).

Поэтому продолжительный российско-норвежский кризис, если он не обострится в форму *trip wire*¹ и вызовет прибытие союзнических подкреплений, может легко стать исключительно двусторонней проблемой. Уязвимость же норвежской стороны может быстро привести к ослаблению обороноспособности или даже развалу внутри очень сложной, но также фрагментарной «системы систем» (Heier 2018d). Отсутствие стойкости означает, что это может произойти на начальном этапе развития кризиса. Это также признаётся руководством вооружённых сил, которое утверждает, что способность оказывать внушительное сопротивление не может быть более чем «умеренной» или временами «изменчивой», если обороноспособность должна будет поддерживаться какое-то время (Forsvaret 2011). Это наглядно проявилось во время кризиса, который возник в связи с подготовками к войне в Ливии в 2011 году. Просто сам факт отправки 6 самолётов и 140 пехотинцев был несоразмерно большой нагрузкой, потому что «штаб не имеет достаточного личного состава для проведения операций в режиме 24/7 [круглосуточно]» (Heier 2013, 87). Подобные пробелы, которые пронизывают всю цепочку тактического, операционного и стратегического взаимодействия в системе командования, могут быстро закончиться *fait accompli* по отношению к России. Под этим подразумевается, что потенциальные кризисы в норвежских приграничных регионах будут разворачиваться на российских условиях, без того, что гражданским властям или вооружённым силам, по словам бывшего в 1945–1952 годах министром обороны Йенса Кристиана Хауге, «удастся заполучить американские гарантии безопасности» (Hauge 1981).

Этот недостаток является фундаментальным, пронизывающим всю систему и характеризующим всю кадровую и профессиональную среду вооружённых сил. Это находит подтверждение в оперативных директивах во всей военной системе командования, в рамках

¹ Пассивный пусковой механизм (англ.).

которой предотвращение кризисов расценивается как предотвращение предстоящих нападений на страну: «урегулирование кризисов и военная оборона Норвегии» (Forsvaret 2011, 15) становятся двумя сторонами одной и той же политики (Heier 2013). Эта логика является следствием присущей уязвимости, и она обостряет то, что я предпочитаю называть худшим кошмаром норвежских властей: возникновение кризиса, который очень быстро может стать «слишком серьёзным для Норвегии, но слишком незначительным для НАТО». Поэтому парадокс заключается в том, что малые страны, которые вероятнее всего были бы заинтересованы в том, чтобы избежать конфликта с более крупным противником, проявляют больше склонности к эскалации кризисов, а не к предотвращению их мирным путём. Основная уязвимость нашей структуры обороны означает, что Норвегия может стать более опасным субъектом в собственных приграничных районах. И это будет происходить потому, что принципиальное и жёсткое сдерживание, а не деэскалация путём умиротворения, рассматривается более рациональным средством. Свобода манёвра, которая могла бы снизить напряжённость проявлением терпения, осторожности и сдержанности, может быть быстро сужена за счёт насущной потребности как можно скорее прояснить вопросы, связанные с вовлечением в конфликт вооружённых сил США.

Глава 6

ЗАГРАНИЦА КАК АРЕНА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевой момент этой книги состоит в том, что поворот в норвежском представлении о безопасности должен пониматься как следствие сокращения пространства для манёвра Норвегии. В такие периоды норвежским властям становится важно показать себя. Особенно это касается тех конфликтных регионов, где США нуждаются в помощи и где даже небольшой вклад со стороны близких союзников может принести чрезвычайно хороший результат, который также принесёт выигрыш в политике в области безопасности и норвежским властям. Не важно, как завершится военный конфликт, но важно то, как норвежские власти проявят своё отношение к США. Ведь проявление своей солидарности с США укрепляет трансатлантические связи. Тем самым оно укрепляет веру в то, что американские вооружённые силы поддержат норвежские власти дома, если возникнет такая потребность. Несмотря на то что примеров этому в истории нет, желание быть «хорошим союзником» имеет в основе приятное звучание: «международный вклад в рамках альянса — это инвестиция в солидарность, которая гарантирует, что Норвегия тоже получит союзническую поддержку, если это будет нужно» (Forsvarsdepartementet 2016, 21). Но национальные стратегии обороны, которые включают в свой инвестиционный портфель участие в зарубежных операциях, не лишены проблем.

Продолжительный вклад в участие в зарубежных операциях ведёт к увеличению не только перерасхода сил, которые должны были бы использоваться дома. Растёт риск того, что власти также будут втягиваться в конфликты, участие в которых будет трудно понять широкой общественности. Велик риск того, что что-то пойдёт не так. Так же как и опасность того, что возникновение непредвиденных событий может привести к внутривластному разладу.

Примером этому может послужить военное участие Норвегии в возглавляемой США коалиционной операции «Непоколебимая решимость» (*Inherent Resolve*) в 2014–2018 годах, к рассмотрению которой мы более подробно приступим в этой главе. Операция была официально начата президентом Бараком Обамой 10 сентября 2014 года. Целью являлась победа над Исламским государством (ИГ), которое в течение лета захватило территорию размером с Великобританию в границах Ирака и Сирии с населением примерно в 8–10 млн человек. После того как норвежский, испанский и нидерландский спецназ провёл рекогносцировку обстановки, чтобы определить, как можно лучше всего помочь США, норвежские воинские контингенты в течение двух последующих лет были использованы для подготовки курдских ополченцев в городе Эрбиль, шиитского спецназа в Багдаде и суннитских ополченцев в Анбаре, а также в Иордании и Сирии. Все эти группы воевали друг с другом после американского вторжения в 2003 году и падения режима в стране. А до этого времени эти же группы из поколения в поколение боролись друг с другом за власть и влияние в иракском государственном аппарате.

Поэтому с осени 2014 года регулярно ставились под вопрос как сама практика применения положений международного права, так и возможность политической открытости, и военная польза норвежских и союзнических операций. Ведь вопрос заключался в том, насколько далеко «добровольная коалиция» сможет зайти в праве на свою самооборону путём интервенции в другие страны для победы над не имеющим государственного статуса субъектом, когда сами власти данной страны не хотят этого? И насколько соответствует обучение суннитских ополченцев международному праву (Ulfstein 2015)? Кто на самом деле является другом, а кто врагом (Hellestveit 2016; Grasaas-Stavenes 2018)? Подобные вопросы вызывают головную боль у малых лояльно относящихся к альянсу стран, которые в глубине души знают, что у них весьма ограниченные инте-

рессы в таком регионе, но которые тем не менее вынуждены инвестировать в собственную безопасность путём экспорта востребованной силовой поддержки в данном районе.

Постановка подобных проблем сразу же воспринимается норвежскими властями как тяжёлое бремя. И не потому, что политические партии выступают против дебатов. Как раз наоборот, критика и столкновение мнений в СМИ дают желанную возможность содействовать высказыванию собственных мнений и доказывать избирателям, почему их политика является наилучшей для страны. Главная причина прежде всего связана с опасением политических последствий, которые могут наступить вслед за использованием военной силы на этом политическом поле. Это может быстро привести к тому, что станет трудно удерживать твёрдый курс по отношению к оппозиции в Стортинге и преисполненным ожиданиями союзникам, когда государственный аппарат в Осло должен будет постоянно балансировать между противоречивыми взглядами и пересекающимися интересами политических партий. С одной стороны, норвежские власти вынуждены по-прежнему инвестировать в собственную безопасность путём продолжительных и рискованных операций за границей. Как мы писали в 4-й главе, это происходит потому, что сложно избежать циничности в вопросе распределения риска и тягот, когда в вопросах своей обороны зависишь от США.

С другой стороны, власти должны идти навстречу требованиям общества знать о проблемах, которые норвежский «инвестиционный портфель» активности за границей влечёт за собой. Это признаётся, в частности, постоянными членами Совета безопасности правительства Сульберг, которые признают, что власти должны более гибко обеспечивать поддержку зарубежных операций в Стортинге (Lysberg 2018). Но в этом случае правительство попадает под перекрёстный огонь, который может быстро нарушить хрупкий баланс между открытостью с одной стороны и сохранением секретности с другой. Ведь таким «вкладом, который обеспечит Норвегии предоставление союзнической поддержки, если нам это будет нужно» (FD 2017, 38) является главная поставка Норвегии: представление высокотехнологичных возможностей разведки и спецназа. Это стратегические средства воздействия, которые, с норвежской точки зрения, стали важнейшими и наиболее ценными инструментами

в борьбе за внимание к себе в ведущейся США «войне против терроризма» (Godal et al. 2016; Kristoffersen 2018).

В этой главе мы рассмотрим подробнее, к чему приводит это перекрёстное давление с разных сторон и как сокращающееся пространство для манёвра между США и Россией вызывает новые и непредвиденные напряжённости. Более конкретно мы опишем, объясним и поймём, каким образом норвежские власти втягиваются в конфликты, которые быстро могут отразиться на них самих. Не в форме мстительных террористических актов или российского давления на домашней арене, а скорее за счёт секретности и меньшей гласности в вопросах о том, как правительство использует самые драматичные и спорные средства воздействия.

Секретная кухня государственного управления

Секретность понимается как «избирательное разделение сведений и полное сокрытие их от определённых групп» (Synstnes 2015, 20). Поэтому как феномен «секретность» будет очень спорным понятием, не в меньшей степени из-за основанных на доверии моделей управления, которые давно составляют «хребет» норвежского общественного контракта между гражданином и государством. Но для тех, кто обеспечивает секретность, этот контракт может восприниматься как обоюдоострый меч. Ведь понижение уровня секретности может поставить под угрозу жизнь и здоровье гражданина, поскольку потенциальным противникам будет легче получить доступ к сведениям о планах национальной обороны, оборонительных сооружениях, новых технологиях, методах и технических процессах, которыми власти не хотят делиться.

Повышение уровня секретности также может нанести ущерб, поскольку снижает возможности демократической открытости и гражданского контроля за самыми закрытыми и спорными функциями государства. Если быть точнее, речь идёт об одних из самых крупных «бенефициаров государственного бюджета» в последние годы, а именно о трёх спецслужбах — Службе военной разведки (*Forsvarets etterretningstjeneste*), Службе безопасности полиции (*Politiets sikkerhetstjeneste*; *PST*) и Управлении национальной безопасности (*Nasjonalt sikkerhetsmyndighet*) — вместе с «королевским алмазом»

в военном наборе инструментов — Подразделениями специальных операций вооружённых сил (*Forsvarets Spesialkommando*). К этому стоит добавить управления в Министерствах иностранных дел, обороны, юстиции и общественной безопасности Норвегии, хотя они и являются менее приоритетными, когда речь идёт о дополнительных бюджетных ассигнованиях.

Недостаточная открытость стала между тем растущей проблемой. Это особенно касается периода после 2014 года, когда Норвегия, США и остальные страны — члены НАТО внезапно столкнулись с проблемой одновременности событий на восточном и западном флангах в Европе. На востоке — Крымский полуостров был аннексирован Россией, на юге — ИГИЛ провозгласило образование *халифата*, простирающегося от окраин Дамаска до предместий Багдада. Отсутствие открытости норвежской реакции на эти проблемы нашло отражение в том, что парламентарии, исследователи и журналисты стали задумываться над тем, как закон о публичности применяется на практике (Blindheim 2017; Fremstad 2017; Stortinget 2017; Stanghelle 2017; Ulriksen 2017). Эта обеспокоенность также получила поддержку Пера-Кристиана Фосса, в 2014–2017 годах занимавшего пост генерального ревизора, что усиливающейся тенденцией стало «неформальное рассмотрение некоторых вопросов, для того чтобы избежать информирования общественности» (NTV 2017a). В последующие годы был выявлен серьёзный недостаток открытости в норвежском государственном управлении, и Фосс считает, что тем самым развилась «культура боязни публичности». Это особенно касается форм соблюдения порядка архивации публичных документов:

Когда документы не архивируются, они также не регистрируются в журналах учёта, и возможность получить к ним доступ становится нереальной. Это уменьшает возможность общественного обсуждения и освещения важных и актуальных дел, а также возможность СМИ и общественности осуществлять контроль над деятельностью властей (Riksrevisjonen 2017, 10).

Обследование Комиссией генерального ревизора семи министерств, включая Министерства иностранных дел и обороны, показало, что в трети отказов в общественных запросах на доступ к документам не доставало «юридически обоснованной основы» (Ibid.).

Среди самых серьёзных случаев был круг вопросов, которые могли потенциально поднять политический шум в СМИ и в общественном мнении. Это касалось, в частности, изучения правовой обоснованности военного участия Норвегии в «войне против ИГИЛ» в 2015 году и двусторонних отношений с Китаем после присуждения Нобелевской премии мира в 2010 году¹, а также желания не провоцировать Китай во время пребывания Далай-ламы в Норвегии в 2014 году.

Таким образом, заключение Комиссии генерального ревизора об «обширных нарушениях в политике гласности» добавляет пример того, как подлежат сокрытию дела, которые могут подорвать правительственную политику. Это осложняет долговременный и более систематический контроль со стороны общества. Примером могут послужить высказывания бывшего в 2006–2010 годах послом США в Норвегии Барри Б. Уайта, который в 2008 году утверждал, что «норвежцев кормят глянцевою гуманитарной картинкой войны [в Афганистане], которая так мало соответствует действительности; народ может быстро изменить своё отношение к правительству, если представляемая картинка окажется блефом» (Vold 2017, 4). В 2009 году посол утверждал, что заместитель министра обороны Норвегии в 2005–2010 годах Эспен Барт Эйде предостерегал США

...против открытого выдвижения требований к Норвегии, таких как отправка батальона «Телемарк» на юг [Афганистана], так как это могло бы вызвать дебаты в Норвегии и подорвать «прочную основу», которую нынешнее правительство выстроило для обеспечения дальнейшей поддержки вклада в войну в Афганистане (Ibid.).

В то же время есть также случаи, когда власти настроены скептически по отношению к предложениям, которые могут ослабить открытость. Примером может послужить предложение командования вооружённых сил в 2017 году о закрытии профессиональной газеты *F — Forsvarets Forum*². Это предложение было отклонено министром обороны, членом Консервативной партии Норвегии Сёрейде, поскольку это ослабило бы демократическое обществен-

¹ Нобелевскую премию мира за 2010 год Норвежский Нобелевский комитет присудил китайскому правозащитнику Лю Сяобао (1955–2017) «за длительную ненасильственную борьбу за фундаментальные права человека в Китае», что вызвало жёсткую реакцию китайских властей. — *Примеч. ред.*

² «Ф — Форум Вооружённых сил» (норв.).

ное обсуждение в такой важной общественной сфере деятельности. Согласно заявлению Комитета по обеспечению многообразия средств массовой информации, такие информационные каналы являются решающими для демократии, не в последнюю очередь для того, чтобы «избежать тематических слепых зон» в политических областях, которые, возможно, могут быть неприятными для властей, но которые в полной мере затрагивают интересы каждого гражданина государства (Åmås et al. 2017).

Согласно заключению историка Мортена Сюнстнеса, когда важные стороны норвежской политики в области обороны тем не менее скрываются от внимания общественности, это может быть обусловлено как оправданной, так и неоправданной секретностью (Synstnes 2015). Оправданная секретность узаконивается тем, что национальной безопасности может быть нанесён ущерб, если подлежащая сокрытию информация будет предана огласке. Неоправданная секретность, наоборот, отличается от законной тем, что власти скрывают информацию от отдельных групп общества. Это происходит не из-за соображений безопасности, а скорее потому, что секретность рассматривается как «средство укрепления баланса власти» и для достижения политических преимуществ (Ibid.).

Примером тому служит желание правительства Сульберг уменьшить значение российских предупреждений норвежской авиакомпании *Avinor* о том, что Северный флот проведёт учения по запуску новых ракет вблизи норвежской границы территориальных вод у побережья Мёре-ог-Ромсдал в ноябре 2018 года (Rabås 2018). Несмотря на то что этого не произошло, российское предостережение поступило в тот момент, когда НАТО проводило свои крупнейшие со времён «холодной войны» военные учения в этом районе. С точки зрения норвежских властей, это было весьма серьёзным шагом. Частично потому, что это показало желание российской стороны изменить курс норвежских властей в их политике по отношению к России. Но также и потому, что Россия таким способом общения использовала уязвимость Норвегии: ожидание Европой стабильных поставок газа и нефти, добытого на норвежском шельфе. Учебные запуски российских ракет в водах, где вертолёты нефтяного сектора курсируют между материком и месторождениями Хейдрун, Кристин, Асгард и Норн, могли бы быстро привести к немедленному запрету полётов. Это бы,

в свою очередь, повлияло на стабильность нефтегазовых поставок, в частности в Германию, Великобританию и Францию.

Если бы испытание ракет частично произошло бы в зоне учений НАТО, в которых приняли участие 50 тысяч военнослужащих, отработывавших оказание поддержки Норвегии, риск мог бы возрасти ещё больше. Тем самым могли бы легко возникнуть несчастные случаи и недоразумения, которые, в свою очередь, вышли бы из-под контроля. Несмотря на то что отдел по вопросам поддержки в кризисных ситуациях Министерства юстиции и общественной безопасности пригласил на координационную встречу представителей Министерства обороны, Службы военной разведки, компании *Avinor* и многих других ведомств, власти решили скрыть степень серьёзности произошедшего от населения. По заявлению министра обороны, члена Консервативной партии Франка Бакке-Йенсена, «в этом не было ничего драматического» (Lysberg og Tallaksen 2018b).

Стремление не драматизировать обстановку можно понимать как попытку смягчить нежелательные последствия более принципиальной политики по отношению к России, которая с 2008 года была больше сосредоточена на устрашении, а не на умиротворении (Forsvarsdepartementet 2008). Если российская манера общения была бы истолкована в СМИ ещё в более несбалансированном виде, это могло бы также повлиять на отношение населения к политике правительства, и это, таким образом, породило бы сомнения и беспокойство в общественном мнении. В таком случае это подорвало бы норвежский внутривластный консенсус, сплочённость населения, отношение к США и в их совокупности — политический «баланс власти». Через пять лет после аннексии Крыма и введения США и ЕС экономических санкций в отношении России мы можем увидеть зачатки именно этого. Среди членов Комитета по иностранным делам и обороне Стортинга есть разногласия; частично между оппозиционными и правительственными партиями, но также между двумя правительственными партиями — Консервативной и Партией прогресса. В понимании того, как будет осуществляться норвежская политика по отношению к России, Партия прогресса склонна проявлять более взвешенный подход, в то время как Консервативная партия твёрдо стоит за сохранение режима санкций, введённых США и ЕС (NRK 2019).

Этот способ понимания режима секретности — в котором разные группы в обществе отстаивают особые интересы, чтобы укрепить

свою «опору власти», — также находит отклик в существующей теории. В классической работе «Власть и бюрократия» немецкий социолог Макс Вебер (1864—1920) утверждал, что напряжение между различными группами по интересам будет всегда. Как политики, так и бюрократы будут часто заинтересованы в сокрытии информации, которая должна была быть доведена до других участников общественной жизни, таких как, например, журналисты, исследователи или народные избранники в Стортинге. Собственные интересы бюрократии могут быть частично поняты на основе их желания принимать большее соучастие и обладать бóльшим влиянием на процессы принятия важных политических решений. Это особенно касается государственной администрации, в которой между секциями, отделами, управлениями и департаментами постоянно идёт борьба за бóльшие бюджеты, за лучшие итоги годичной работы и за бóльшую сферу ответственности (Weber 1971). Ведь если придерживать информацию, то свой отдел или подразделение приобретает относительно большое значение. Потому что ведение дел становится всё более специализированным и зависимым от компетенции, что, в свою очередь, делает так, что никто, кроме отделов, которые владеют нужной профессиональной компетенцией, не знает лучше, «где жмёт ботинок» или как проблемы могут быть решены.

Одновременно собственный интерес может пониматься, как выражение лояльности чиновников по отношению к политическому руководству (Weber 1971). Защита руководства от политического «шума» или «нежелательного внимания» в СМИ делает так, что чиновники высшего ранга, а также политические советники и подразделения, отвечающие за связи с общественностью в министерствах, постепенно превращаются в «швейцаров», задачей которых является предотвращение доступа посторонних лиц. Защита профильных министров и правительственной коллегии от критики, например, за ошибочные военные оценки, непредвиденное развитие обстановки в зоне конфликта или за принятие решения, о противоречивости которых чиновники знают по своему опыту, может поэтому стать целью самой по себе. Ведь придерживаться «твёрдого курса» и избегать колебаний в такой важной и серьёзной политической области, как внешняя политика и политика безопасности, во многих отношениях может быть равноценно поддержанию «государственной безопасности».

Открытые и закрытые стратегии

Бюрократическая перспектива Вебера даёт нам полезную информацию о том, как может пониматься норвежский процесс обеспечения секретности. Это прежде всего относится ко времени, когда Исламское государство создало свой *халифат* и нанесло удары по ряду городов в Европе и на Ближнем Востоке в промежутке между 2014 и 2017 годами. Это способствовало тому, что норвежские власти после некоторого колебания решили принять участие в том, к чему мы вернёмся немного позже. Но перспектива Вебера не объясняет, как соблюдение секретности реально происходит на практике. Чтобы понять это, могла бы пригодиться мысль Алисона Бейлса (2009) о разделении стратегии по категориям на «открытые/явные» (*declared strategies*) и «закрытые/глубокие» (*deep strategies*). «Открытая стратегия» предполагает своевременное донесение властями важной информации до всех активных участников норвежской политики и общественной жизни. Под этим подразумевается, что депутаты парламента, средства массовой информации и население получают представление о различных этапах выработки политики, от идеи до подготовки проекта и принятия решения до его реализации. Это особенно актуально для тех политических вопросов, вовлечение в которые не создаёт проблем в политических кругах, где риск критики и дебатов незначителен, потому что общество видит в этой политике отражение своих интересов. Это могут быть, например, роль посредника на Ближнем Востоке, «строителя мостов» в Латинской Америке или гуманитарной великой державы в Африке.

Но когда норвежские власти становятся более склонными к участию страны в военных конфликтах, которые США в большинстве случаев начали сами, как в Афганистане и Ираке, с использованием «открытых стратегий» возникают сложности. Это объясняется не только страхом выступить с публичной критикой ближайших союзников. Очень многое также объясняется тем, что малые государства часто оказываются вынужденными принимать политические и военные условия, которые взяты за основу великими державами и которые должны быть фактически приняты малыми государствами, потому что у них нет достаточного экономического, политического или военного веса для изменения этих решений (Bailes 2009). Это особенно касается способа ведения войн, который часто может

существенно отличаться от того, что выбрало бы малое государство, имеющее в своём распоряжении меньшее количество сил. Таким образом, благим намерениям, поддерживаемым обществом желанием и расплывчатым целям больше не придаётся значения. Скорее именно риск — политические и оперативные издержки и проблемы, которые они влекут за собой, — находится в центре внимания. Частично этому отвечает публикация речей, докладов и отчётов, которые на первый взгляд демонстрируют открытость, но на самом деле замалчивают часть информации и снижают драматизм дилемм в политической, военной и международно-правовой сфере, которые встают перед властью. И частично не упоминая «слона в посудной лавке» — США, которые в этой связи является ближайшим союзником Норвегии.

Несмотря на почти 20 лет ежедневных столкновений и последующих побед над намного хуже подготовленными и вооружёнными противниками, в частности в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии, Йемене и Мали, коалиции, возглавляемые США, по-прежнему сталкиваются с серьёзными проблемами в достижении реального политического результата вооружёнными силами, вовлечёнными в операции. Несмотря на то что западные коалиционные силы могут демонстрировать впечатляющие тактические успехи на поле боя, самое важное до сих пор не достигнуто: добиться этими операциями какой-либо формы политического успеха, который обеспечил бы большую безопасность местным властям и успокоил бы гражданское население. Почему так мало людей задаются вопросом об оправданности применения доктрины нападения к руководству такими рыхлыми государственными образованиями, как Афганистан, Ирак и Ливия? Почему никто не оспаривает сам способ ведения войны, в котором Мулла Омар, Саддам Хуссейн и Муаммар Каддафи не просто рассматриваются как деспоты (коиими они являлись), но также как гаранты того, что страна не рухнет, как только они будут отстранены от власти?

В то время как «открытая стратегия» предназначается для ответственности, «закрытая стратегия» рассчитана на избранную группу профильных министров и чиновников высшего ранга в Министерствах иностранных дел и обороны, сотрудников штабов вооружённых сил и спецназа вместе с определёнными структурами секретных служб в секторе обороны и юстиции. С такой практикой повыша-

ется уровень секретности, потому что постоянно всё большее число вопросов, связанных с выработкой политических решений, расценивается как «информация, достойная защиты». Таким образом, важные аспекты выработки политических решений происходят за закрытыми дверями и доверяются более узкому кругу лиц. Это является парадоксом, потому что норвежские и союзнические вооружённые силы с начала века, похоже, проигрывают больше войн, чем выигрывают. Это должно было бы показывать возрастающую потребность в обсуждении проблем, новом мышлении и возможного изменения курса. Если политический успех определять как уменьшение насилия и организованного сопротивления, повышение стабильности и плавного экономического роста, то тогда можно утверждать, что участники закрытых процедур выработки решений с гражданской и военной стороны нуждаются в повышении своих знаний и предложениях об инициативах извне. Это признание того, что сложно принять, но оно вызвало дебаты о реорганизации как в НАТО, так и в руководстве Международных сил содействия безопасности в Афганистане. Согласно заявлению американского генерала (и в течение короткого времени советника администрации Трампа по безопасности) Майкла Т. Флинна, западным военным недостаёт основополагающих военных знаний:

Спустя восемь лет с начала войны в Афганистане разведывательное сообщество США имеет незначительное отношение к общей стратегии. Сосредоточив подавляющее большинство усилий и аналитической интеллектуальной силы на повстанческих группах, огромный разведывательный аппарат неспособен ответить на фундаментальные вопросы о среде, в которой действуют США и союзнические силы, и о людях, которых они стремятся убедить (Flynn et al. 2010, 7).

На потребность в основанном на знаниях влиянии на установившиеся структуры власти также указывал 2-й кабинет Столтенберга (2005–2013). В так называемом Докладе о компетенции (Stortingsmelding 14, 2012–2013) правительству потребовалось время, прежде чем оно пришло к выводу, что единомыслие, дисциплина и унификация сдерживают расширение военных знаний: «Вооружённые силы имеют исторически сложившуюся культуру системы отбора, набора и развития карьеры, которая вме-

сте с иерархической организацией и внутренними процессами взаимоотношений в большой степени содействует образованию шаблонности и затрудняет высказывание разнообразных мнений» (Forsvarsdepartementet 2013, 24). Это не типично для вооружённых сил, но скорее является всеобщим явлением, которое характеризует большинство организаций. Тем не менее недостаток открытости создаёт для «глубокой стратегии» хорошие условия роста, потому что лояльность и групповое мышление рано укореняются среди офицеров, чиновников и политиков, которые должны преданно следовать программе партии. В исследовании о конформизме и взаимоотношениях в руководстве норвежской армии одним из основных выводов являлся: «Ученики [школы командного состава] усвоили укоренившиеся подходы и проявили большую волю к послушанию и подчинению» (Rones 2017, 47).

Примером того, как «закрытая стратегия» находит отражение в реальной политике, может послужить решение правительства Сульберг о том, чтобы принять участие в «войне против ИГ» в 2014 году. В сообщении для прессы из своей канцелярии премьер-министр изначально сама уведомила США о том, что Норвегия хотела бы следовать «гуманитарному пути» в Сирии. Это исключало использование военных подразделений (NTV 2014a). Таким образом, норвежские представители в сфере международных отношений и обороны оказались «отодвинуты в сторону», когда во время саммита НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 года США собрали около 60 своих ближайших партнёров по альянсу, чтобы образовать из них коалицию против ИГ (Egeberg 2017). По словам Сульберг, норвежское обоснование сводилось к тому, что такая война могла бы легко привести к «конфликту между Западом и радикальным исламом ... [тем, что] способствовало бы вербовке молодёжи как из наших, так и из других стран» (NTV 2014b).

Для норвежского Министерства обороны в особенности, но также и для некоторых других подразделений, отвечающих за вопросы политики в области безопасности в МИДе Норвегии, это было тем не менее неоправданным решением. Отчасти потому, что норвежские власти могли быть восприняты как нахлебники в возглавляемой США «войне против ИГ», участие в которой отвечало норвежским интересам, поскольку терроризм мог угрожать также и Норвегии. Но не в меньшей степени потому, что недостаточный

вклад сил с норвежской стороны осложнил бы возможности Министерств иностранных дел и обороны, командования вооружённых сил и Службы военной разведки поддерживать важные каналы связи с центральными органами, принимающими решения в США. Это касалось как администрации Обамы, так и с 2017 года администрации Трампа, а также различных разведывательных служб и вооружённых сил страны, включая спецназ. В случае возникновения на территории Норвегии кризиса или войны будет важно использовать уже установленные каналы связи на максимально высоком уровне и как можно скорее. Но после того, как шеф обороны Норвегии «даже не смог постоять в коридоре, когда происходило планирование международной борьбы с ИГИЛ», позднее осенью того же года в США правительство Сульберг изменило своё мнение (Egeberg 2017, 630). В ходе пресс-конференции на высшем уровне с участием премьер-министра, министров иностранных дел и обороны, должным образом был обозначен переход от гуманитарной к военной помощи. В соответствии с «открытой стратегией» Норвегия отправила в Багдад и Эрбиль около 60 спецназовцев и 60 военнослужащих, в том числе чтобы придать «умеренным» суннитским ополченцам больше сил в борьбе с ИГ (Sandvik et al. 2014).

Тем не менее «открытая стратегия» мало что говорит о причине такого резкого поворота. Из того, что было сообщено об этом общественности, также неясно, почему норвежские подразделения сначала тренировали курдских ополченцев в Северном Ираке, затем шиитских ополченцев в Багдаде и в конце концов закончили подготовкой суннитских ополченцев в Эрбиле. Это соперничающие группировки, которые поколениями находились в состоянии противостояния друг с другом и которые в последние годы неоднократно нападали друг на друга. «Открытая стратегия» также ничего не сообщила о риске того, что шиитские ополченцы, которых норвежские силы должны были тренировать в Багдаде, нарушат нормы международного военного права по отношению к суннитским, курдским и христианским меньшинствам (Obaide 2015). Эта стратегия также не сообщила о том, насколько суннитские ополченцы, которые должны были готовиться норвежским спецназом в Иордании и Сирии, будут готовы следовать международному военному праву, подчиняться и позволят контролировать себя созданной командной системе, находящейся под демократическим контролем с участием предста-

вителей гражданских организаций или о том, что эти ополченцы будут менять стороны в ходе войны (Hustadnes 2017).

В следующей главе мы рассмотрим более детально напряжённые отношения между гласностью и засекречиванием. В оставшейся части данной главы мы должны сначала объяснить, почему вообще возникают «тематически слепые зоны». А после этого — как режим секретности проявляется норвежскими властями в формах своего участия в зарубежных коалиционных операциях под руководством США. Но сначала опишем непредсказуемую взаимосвязь между местными, региональными и глобальными конфликтами. После чего покажем наиболее эффективные норвежские способы действия, которые главным образом состоят из взаимодействия разведывательных служб и спецподразделений.

Собственная динамика войны

Заинтересованность норвежских властей в соблюдении секретности можно понять, если учесть непредсказуемость, характерную для конфликтов, в которые вовлечены вооружённые силы, будь то в Афганистане, Ираке, Сирии, Иордании или Мали. Некоторые из наиболее важных общих черт сводятся к следующему: во-первых, пёстрая картина участников — множество противостоящих друг другу правительственных и неправительственных игроков из целого ряда стран и регионов. Во-вторых, все эти действующие субъекты имеют совершенно различные мотивы своего участия. Мотивы варьируются от продвижения национальных интересов от лица государства (типичный государственный мотив) и участия в захватывающих событиях (индивидуальный мотив) до борьбы за идеологические или религиозные убеждения, за которое стоит умереть (экзистенциальный мотив). В-третьих, все игроки привносят в конфликт широкий спектр различных средств воздействия. Ими может быть всё: от материальных ресурсов, таких как ультрасовременное оружие, дроны и спецназ, до когнитивных ресурсов — осознания того, как собственная организация может подстроиться под тактику врага, изготавливать импровизированные мины, привлекать к себе новобранцев, организовывать сбор большего количества денег или использовать социальные СМИ для распространения страха, укреп-

ления собственного статуса или влияния на политические процессы в других государствах (Heier 2015).

Поэтому в эпоху глобального и цифрового века только фантазия и собственные творческие способности ограничивают то, какое множество различных категорий участников, намерений и возможностей может вовлекаться в конфликт. Но именно это тоже ведёт к росту непредсказуемости, так как многообразие различных игроков, намерений и возможностей создаёт большую свободу действий для всех участвующих в конфликте сторон. Из-за этого также возрастает внутривнутриполитический риск того, что что-то пойдёт не так у нас самих. Ведь пока зарубежные операции представляют собой «войны по выбору», а не «войны по необходимости» (Naas 2009), существуют пределы того, насколько власти дома, в Осло, хотят рисковать человеческими, материальными и экономическими ресурсами. По мнению шефа подразделений специальных операций вооружённых сил в 2014–2017 годах Фруде Кристофферсена (2018, 15–16), норвежские силы рискуют принять участие в

... в большом числе неправомерных действий. Нарушение законов войны, криминальная активность и вовлечённость в коррупцию — всего лишь некоторые виды деятельности, которые могут оказаться заманчивыми для блока партнёров в военной зоне, по мере роста его потенциала. В случае таких действий Норвегия может оказаться в положении, в котором она непреднамеренно оказала косвенную поддержку неправомерным действиям партнёров.

Это прежде всего касалось путей использования спецназовцев во время операции «Непоколебимая решимость». Согласно заявлению премьер-министра Эрны Сульберг, до завершения операции в октябре 2018 года спецназ должен использоваться в том числе «чтобы усилить малочисленное суннитское арабское население. В противном случае ИГИЛ [Исламское государство] и другие экстремистские группировки снова нашли бы возможность отвоевать свои позиции» (Regjeringen 2016a). Цитата из выступления шефа спецназа тем не менее указывает на то, что есть большой риск в подготовке вооружённых группировок, которые не находятся под политическим контролем. Потому что этот тип ополченцев, не связанных с правительством, не обязательно будет привержен демокра-

тическим принципам и международному праву, внедрению которых управляемая государством командная система должна содействовать. Поэтому в таких случаях отсутствует как гражданский, так и политический контроль над военными группировками, которые обучаются норвежскими солдатами. Поэтому контраст получается слишком большим по сравнению с латвийским и индонезийским спецназом, который также получил норвежскую подготовку, так как эти подразделения были частью функционирующего и легитимного государственного аппарата, в котором военные силы подчинялись гражданскому и политическому контролю посредством целого ряда институтов, действующих в рамках государства. Но этого не было в случае с подготовкой «местных сирийских групп», которым, по мнению властей, нужно было придать «больше силы» для победы над ИГ (Regjeringen 2016b). По словам Кристофферсена, норвежский спецназ, конечно, может повлиять на кодекс поведения ополченцев до начала операции. Но на практике контролировать поведение ополченцев во время операций гораздо сложнее, если это вообще возможно (Kristofferesen 2018).

Таким образом, непредсказуемые события в течение нескольких секунд могут выставить министров в невыгодном свете и разрушить хрупкий баланс в правительстве. Это становится особенно серьёзно, когда в поставленных военной миссии задачах речь даже не идёт о гарантиях существования государства. Практическому выражению норвежского вклада в безопасность за рубежом, которое во многом может казаться временем платить долги после 40 лет наличия американских гарантий обеспечения безопасности северных регионов, присуща, таким образом, двойственность. С одной стороны, есть реальная политическая потребность быть вместе с США, что требует активного участия в рискованных операциях на поле битвы. Но, с другой стороны, есть предел того, как много ответственности норвежские власти готовы взять на себя за исход войны. Похоже, что самым важным является то, что собственные силы не нарушают международного военного права и что норвежское участие с чисто юридической точки зрения является законным.

Примером этого может послужить норвежское участие в 2011 году в гражданской войне в Ливии, где норвежские истребители использовались для атак на важнейшие, но также наиболее рискованные цели в густонаселённых районах Триполи. Выбор пал на них потому,

что норвежские пилоты считались способными и готовыми пойти на риск, что у них был правильный тип ракет, который не наносил слишком большого ущерба близлежащим от цели объектам и что власти в Осло не накладывали строгих ограничений на то, как высокопоставленные офицеры НАТО будут использовать норвежские самолёты (Nordskog 2012; Sandnes 2012). Во время визита в США депутаты парламента получили за это высокую оценку членов Конгресса США в таких эпитетах, как *Best in Class* и *Gold Star*¹ (Kristiansen 2011). Но в то же время норвежские власти очень неохотно брали на себя ответственность за выбор способов ведения при планировании и принятии решений, которые легли в основу выбора целей в Триполи. Согласно оценке Комитета по вопросам войны в Ливии от 2018 года, это был «осознанный выбор не передавать норвежский персонал в оперативное подчинение штабу НАТО в случае с Ливией» (Petersen 2018, 131). Однако, согласно мнению Дага Хенриксена (2013, 30), не получила развития «самостоятельная национальная способность, как понимать, участвовать и оказывать влияние на встречах, которые определяют условия» использования норвежских сил за границей.

Норвежская политическая мантра «участвовать, не участвуя на самом деле», таким образом, укладывается в модель давних традиций в норвежском мышлении о безопасности: норвежские власти «с одной стороны, хотели бы широко воспользоваться преимуществами, которые даёт сотрудничество; с другой стороны, временами выражалось ограниченное желание взять на себя тяготы или признать, что сотрудничество в равной мере несёт за собой как затраты, как и выгоды» (Skogrand og Tamnes 2001, 322). Нежелание идти на траты можно рассматривать в свете норвежского реализма малых стран: собственная выгода достигается отстаиванием международного и гуманитарного права, в то время как затраты от принятия на себя большей политической ответственности за последствия на более высоких уровнях командования стараются избежать (Tamnes 2019; Heier 2019b; Østerud 2019). Это та цена, которую малые зависимые от альянса государства должны заплатить за то, что они не могут защитить самих себя. В соответствии с парой понятий — «оказаться в ловушке» (*entrappment*) и «оставление без внимания» (*abandonment*)

¹ «Лучший в своем роде» и «Свидетельство о победе» (англ.).

(Snyder 1984) — норвежские солдаты «оказались в ловушке» конфликтов великих держав за пределами своих границ, потому что политики и чиновничество боятся «остаться без внимания» США на своей территории. Тем не менее реализм малых государств воспринимается с разочарованием теми, кто должен будет подвергать свою жизнь и здоровье опасности в ходе реализации политики в жизнь. По словам многих офицеров, которые возглавляли норвежские военные контингенты в Северном Афганистане в 2000-х годах, они испытывали недостаток политического руководства. Заявления, подобные «не было никакой приоритетной цели в стратегии в норвежском задании», «если ты смог понять, какие цели были у Группы восстановления провинций, — значит, ты делал хорошую работу», и «было бы хорошо, если бы Норвегия имела приоритетную цель в своей стратегии, чтобы понять, чего она хочет добиться такими мерами», дают повод для размышления (Alme 2015).

Местные, региональные и глобальные линии конфликтов

Одним из способов понимания складывающейся обстановки может быть разделение области конфликта на местный, региональный и глобальный уровни. Таким способом мы сможем классифицировать районы предстоящих действий, которые многим будет невозможно и сложно понять, но которые становятся всё более важными для норвежских властей, в том числе для поддержания максимально тесных связей с США. Также важно иметь в виду, что благодаря заключению США соглашений о сотрудничестве с многонациональными институтами, такими как НАТО, Международные силы содействия безопасности и в рамках операции «Непоколебимая решимость», поддерживается законность участия норвежских военных контингентов в операциях за рубежом. При анализе картины конфликта на разных уровнях становится также проще углубиться в политические тонкости постановки проблем, которые норвежским властям сложно самим доводить до общественности. Ведь согласно «открытой стратегии» было бы политическим самоубийством сеять сомнения о целесообразности операций и тем самым об официальной позиции Норвегии. Это касается отношений как с США, так

и с оппозицией в Стортинге, а также с собственным народом. Редкий сбой в осуществлении «закрытой стратегии» произошёл лишь один раз за последние годы. Это случилось, когда сотрудник отдела анализа политики безопасности Министерства обороны сделал следующее заявление курсантам Норвежской военной академии в Осло: «Я каждый день живу в шизофреническом шпагате политики безопасности, когда мы, с одной стороны, делаем себя, как можно более красивыми перед американцами... В то же время США являются государством, которое, возможно, в наибольшей степени представляет угрозу многополярному мировому порядку, который отстаивает Норвегия» (Vegstein og Lysberg 2019). Показав то, как эти три уровня влияют друг на друга, можно будет легче понять, почему секретность в рамках «закрытых стратегий» в современном мире получает предпочтение перед «открытыми стратегиями».

Местный уровень

Под местным уровнем конфликта имеется в виду географический район, где он разворачивается. И там, как во всех обществах, есть скрытый ряд лежащих в основе линий конфликта. Применительно к Норвегии это может быть, например, взгляд на то, представляет ли Россия угрозу или нет; население Северной Норвегии будет всегда иметь более прагматичный и спокойный взгляд на российское военное присутствие, чем, например, правительство в Осло. Это происходит потому, что центральные власти больше заняты тем, чтобы по отношению к России неуклонно следовать принципиальной стратегии, которая была принята крупными державами в Вашингтоне и Брюсселе, чем прислушиваться к «узким» местным предпочтениям северных норвежцев (Heier og Kjølberg 2015; Nilssen 2015; Wilhelmsen og Gjerde 2018). Тем не менее за границей такое понятие, как «центр — периферия», не всегда имеет самое большое значение. Важную роль играет недостаток прочных и хорошо функционирующих государственных институтов, в том числе из-за того, что власть рассредоточена, децентрализована и характеризуется сильными внутренними региональными разногласиями (Shurkin et al. 2017; Østerud 2019). Такая слабость может быстро усилиться во время продолжительного соперничества — между племенами и кланами, которые из-за этнических, религиозных, географических,

исторических и социально-экономических причин находятся в продолжительных напряжённых отношениях друг с другом. Поэтому социальная и политическая стабильность часто основывается на хрупком балансе сил, который не соответствует западным принципам распределения власти или законным институтам, созданным на широкой народной основе. Скорее, стабильность сохраняется неформальными структурами власти, которые возникали с течением времени в отношениях между представителями различных групп, преследующих собственные интересы. Поэтому на практике способ урегулирования конфликтных ситуаций на местном уровне имеет мало общего с широким демократическим представительством или народной поддержкой. Он скорее основывается на том, что получит он, его семья, его племя или клан, поскольку именно к этому сводится доверие общества.

Однако, когда отдельные ветви власти неформальны и временами существуют параллельно или в виде какого-то симбиоза с официальными государственными институтами, политическое управление становится более уязвимым. Так происходит потому, что политическая и социальная стабильность зависит от того, как осуществляется лежащий в её основе баланс власти между различными группировками ополченцев, службами безопасности и лицами, контролирующими важные органы власти. Некоторые из игроков, как, например, элитные военизированные подразделения главы государства, находятся под сильным государственным контролем. Другие, напротив, более независимы, потому что они контролируют ресурсы, в которых нуждается глава государства. Таким образом, возникает важный предмет торга, который может быть использован для обмена на особые привилегии, как, например, расширение автономии или ослабление контроля. Такими игроками могут также выступать независимые группировки ополченцев, которые сегодня формально поддерживают государство, а завтра могут стать потенциальными мятежниками, если представится такая возможность.

В таких обстоятельствах главной задачей государства и администрации становится не защита «дома и родного края» или «короля и родины» от внешних врагов. Скорее, более важной задачей становятся контроль и слежка друг за другом, а также обеспечение баланса сил путём сложных интриг. Важнейшей задачей становится создание такой модели общества, которое гарантирует от угрозы

переворота. Ведь если попытка смены режима будет успешной, все стороны должны знать, что возникнет большая вероятность того, что всё общество погрузится в войну и хаос. Эта логика касается не только столицы, но и других районов, где расстояние между управляющими и управляемыми больше и где лояльность чаще бывает более неустойчивой. Подобные общественные системы, которых много в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Африке, являются чрезвычайно уязвимыми, и на их устойчивость легко повлиять. Частично это может исходить извне от государств, которые на региональном или глобальном уровне снабжают игроков на местном уровне ресурсами и средствами воздействия, которых у них иначе не было бы. Или же активные игроки сами, на местном уровне, движимые внутренними раздорами, начинают продолжительную борьбу за какие-то особые цели и интересы. В результате этого постоянно возникают новые союзы, что меняет расклад власти.

Примером этому может послужить «война против ИГ» в Ираке и Сирии, в которой норвежские силы воевали плечом к плечу с суннитскими ополченцами. Обобщённое понятие ИГ или «Исламское государство» часто использовалось норвежскими властями в период между 2014 и 2018 годами, в том числе чтобы представить образ врага норвежскому обществу. Но со временем оказалось, что это было не имеющим смысла упрощением. Ведь только некоторые члены ИГ, небольшое их количество, являлись религиозными фундаменталистами, которые не изменили взгляда на веру в Божью волю и порядок управления на Земле. Они были идеалистами, жертвовавшими жизнью ради общества, которое основывалось бы на строгом следовании законам *шариата*. Компромиссы с другими группами, сотрудничавшими с западными «крестоносцами» или с кланами, которые отказывались следовать законам *шариата*, были в связи с этим для них не актуальны.

Другие же бойцы ИГ, которые вплоть до весны 2018 года составляли гораздо более многочисленную группу, напротив, были меньше заняты соблюдением строгой религиозной практики. Скорее они были более заинтересованы в приобретении экономической выгоды, влияния в местном обществе и в повышении своего социального статуса. Эта группа получала как легитимность, так и деньги, активно поддерживая ядро ИГ: либо следуя прямым указаниям, либо самостоятельно возглавляя борьбу, руководя отрядами сопротивления.

Это происходило потому, что они знали, что будут вознаграждены деньгами, статусом и признанием. Эта категория имеет более прагматичный взгляд на место религии в *халифате* «Исламского государства». Это делает прагматиков более непредсказуемыми, потому что они быстро меняют лояльность, если она не служит их собственным интересам. Другими словами, легитимность может быть получена как от исламистского ядра ИГ, так и от государственных сил безопасности, западного спецназа и от местных повстанцев, которые больше преследуют иные цели, чем распространение Божьей воли на Земле.

Третья и самая большая группа — разрозненные группировки повстанцев, симпатизирующих взглядам ИГ. Главный мотив этой группы — выживание, в том числе путём заключения временных союзов с экстремистским ядром ИГ. Временные альянсы также сокращают риск несоразмерно большого налогообложения, которое осуществляется от лица ИГ или от государственной власти. Одновременно обеспечивается защита со стороны самого сильного участника борьбы от произвольных грабежей и потери доходов от бизнеса. Однако эта часть повстанцев ставит безопасность собственного клана, племени и семьи выше, чем приверженность религиозной идеологии. Поэтому «держать нос по ветру» или «ставить на двух лошадей» (Berg 2012) становится более рационально и логично. Для людей, которые живут в конфликтных районах с меняющимися комбинациями власти, это является стратегией выживания. Самой важной задачей становится не выиграть, а не остаться на стороне проигравшего, когда конфликт закончится и придёт «час расплаты».

Для норвежских властей, которые отправляют солдат из одного из самых богатых и хорошо функционирующих обществ мира, это деление государств на три категории становится постоянным фактором неуверенности. О непредсказуемости, образующейся в подобных обществах, также сложно говорить открыто. Ведь ополченцы, которых мы готовим и которые, вовлекаясь в «азарт боя», могут легко нарушить международное право или перейти на другую сторону; часто преследуют цели, которые отличаются от тех, о которых они говорят Западу (Biddle et al. 2017; Kristoffersen 2018). Поэтому, когда собственная политика будет представляться общественности, будет более удобным выделить наименее спорные стороны конфликта. Таким образом, сокращается риск жёстких дебатов,

которые могут привести к расколу правительства, политическому поражению и возможной смене курса. Частично это касается стремления выступать в качестве «хорошего союзника» США и также касается усилий по созданию официального образа, который общество готово принять.

Основная причина этого заключается в том, что норвежские власти оказываются вынужденными действовать в условиях конфликта, в котором война ведётся не от лица сильных, жёстких и хорошо функционирующих государственных институтов. Скорее, отсутствие доверия между гражданином и государством приводит к тому, что норвежские вооружённые контингенты становятся участниками борьбы за власть; не только между неуправляемыми племенами и ополченцами, которые придерживаются экстремистских линий конфликта. По обе стороны экстремистских разграничительных линий существуют также различные скрытые напряжённости, в том числе между социальными классами и между городскими или сельскими жителями, между сторонниками религиозного или светского путей развития (Shurkin et al. 2017). Время от времени норвежские партнёры используют символы и языковую культуру иракского государства для обеспечения законности средств воздействия. Но на самом деле ополченцы часто преследуют свои собственные интересы. Это, в частности, заставило норвежские власти вывести батальон «Телемарк» из Эрбиля в 2018 году. Причина такого шага заключалась в том, что курдские ополченцы, которых должны были обучать норвежские военнослужащие, были больше заинтересованы в курдских проектах по созданию собственного государства, а не в восстановлении иракского государственного аппарата, который США и партнёры по коалиции сообща разбомбили в 2003 году.

Тем самым возрастает также риск того, что наше собственное участие способствует реальной эскалации и затягиванию конфликтов. Поскольку боевая мощь, которую норвежские силы придают одной из сторон в конфликте, приводит к ответному противодействию других вовлечённых в борьбу игроков. Такая помощь поступает либо от группы племён или кланов, которые финансировали соперничающих ополченцев, либо от других государств в регионе, которые боятся, что нарушение местного баланса власти вызовет последствия, которые отразятся на их собственных территориях. И это переводит нас на региональный уровень.

Региональный уровень

Государства, расположенные рядом или поблизости от района конфликта, будут часто воспринимать местные линии конфликта как вероятные возможности, а также как потенциальные вызовы своей безопасности. Преимущества такой ситуации заключаются в том, что тем самым создаются благоприятные возможности для новых каналов в связи с племенами, кланами и ополченцами, которые в реальности преследуют совпадающие интересы. Например, это может быть желание изменить политический режим в стране или сохранить прибыльные контрабандные маршруты по обе стороны сухопутной границы. (Vøås 2019). Тем не менее недостаток в этом случае заключается в том, что и другим региональным соперникам, возможно, будет легче вмешаться и использовать в своих целях те же самые конфликтные линии. Причина этого в том, что прилегающие к району конфликта соседние страны будут обеспокоены собственной безопасностью. Ведь если баланс власти на локальном уровне в соседней стране будет нарушен в нежелательном направлении, состояние безопасности быстро изменится. Это относится не только к своим внешним границам, но также к собственной стране, потому что значительная часть местного населения часто имеет родственников или связи в группировках, которые живут или работают по другую сторону границы (и которые раньше часто использовались бывшими западными колониальными державами).

Поэтому поддержка одних кланов или племён вместо других становится рациональной, поскольку возрастает вероятность того, что локальная борьба за власть может быть использована к собственной выгоде. Поэтому подогревание конфликтных очагов в соседней стране путём засылки зарубежных наёмников, оружия и боевой техники или путём прямого вмешательства может сократить угрозы безопасности в собственной стране. Частично за счёт того, что племенам и кланам на местном уровне, которые часто имеют этнические, религиозные или даже семейные связи с себе подобными, помогают прийти к власти. А частично за счёт создания дополнительных проблем конкурирующим соперникам среди соседних государств, в частности, чтобы помешать им добиваться собственных целей путём засылки «своих» ополченцев. Ведь если соперничающие соседние государства смогут усилить свой контроль за развитием

ситуации в соседней стране, это произойдёт за счёт местных структур власти, которые они поддерживают.

Ведь если «сидеть сложа руки» и быть пассивным наблюдателем вмешательства других государств, то можно дожидаться изменения баланса сил. В таком случае это приведёт к новым контрмерам, частично за счёт национальных программ по усилению вооружения и сосредоточения войск вдоль границы и частично активизацией слежки и преследования оппозиции в собственной стране. Подобное развитие, в свою очередь, вызовет ответные меры других соседних государств или негосударственных группировок, которые считают себя более уязвимыми в регионе. Сумма всех этих факторов часто приводит к классической дилемме безопасности, когда все стороны наращивают вооружение, но не достигают этим большей безопасности.

Примером могут послужить Турция, Иран, Израиль и Саудовская Аравия, которые принимали военное участие в гражданской войне в Сирии, постепенно развивавшейся после 2011 года. Турция имела собственный интерес в том, чтобы не допустить создания курдскими повстанческими группами в Сирии собственных автономных районов. Частично потому, что это бы послужило «свободной гаванью» для курдских повстанцев, которые действуют в Турции и которые с 1920-х годов борются за то, чтобы объединить курдскую диаспору в Турции, Сирии, Иране и Ираке и создать отдельное государство. Иран, со своей стороны, заинтересован в поддержке сирийских властей. Прежде всего — с целью воспрепятствовать тому, чтобы алавитский режим Асада, который является разновидностью шиитской религиозной общины в Тегеране, не подвергался бы угрозе свержения суннитами, поддерживаемыми США. Ведь если Сирия попадёт в руки суннитской власти, для Ирана станет сложным создание сплошного шиитского коридора через Тегеран, ключевые районы Басры и Багдада к контролируемому Хезболлой Южному Ливану у берегов Средиземного моря (Hellestveit 2017).

Для Израиля, напротив, это воспринимается как угроза его существованию. Причина в том, что более сильное иранское присутствие в Сирии с поддержкой шиитских ополченцев из отрядов Хезболлы в Южном Ливане и сирийскими правительственными войсками вдоль северных и восточных границ сокращает Израилю время обнаружения угроз. Это прежде всего касается ситуации, когда

произойдёт неожиданное нападение заклятого персидского врага с востока. Поэтому во многих случаях Израиль наносил удары по целям в Сирии и Южном Ливане и даже стал первой страной, которая использовала новые американские истребители F-35 в реальных боевых операциях (Osborne 2018). Целью атак послужило желание ослабить иранское военное присутствие в указанном районе, одновременно с этим было расширено сотрудничество с заклятым врагом Ирана — суннитской Саудовской Аравией. Причиной послужило то, что у Саудовской Аравии также было желание воспрепятствовать росту иранского шиитского влияния в регионе. Частично также потому, что Иран поддерживал шиитские группировки в некоторых районах Саудовской Аравии, где находятся крупнейшие нефтяные месторождения. Но также и потому, что Иран поддерживает шиитское движение хуситов в Йемене; это движение борется за большую независимость от правительства в Санае, которое, в свою очередь, имеет суннитское происхождение и поддерживается Саудовской Аравией.

По этой же причине Саудовская Аравия вместе с Норвегией также входит в возглавляемую США коалицию, ведущую операцию «Непоколебимая решимость». И это несмотря на то, что Саудовская Аравия и Норвегия сильно отличаются друг от друга в вопросах соблюдения прав человека, либеральных демократических ценностей и основных принципов правового государства. Для норвежских властей это является неприятным парадоксом, который может легко вписываться в понятие «закрытая стратегия» норвежского государства. В сложном выборе между либеральным идеализированным мировым порядком и более реальным политическим сообществом с США в вопросах безопасности компромисс легко становится формой двойственного общения власти с норвежской общественностью (Holm 2017).

Глобальный уровень

На глобальном уровне развитие конфликтов местного и регионального уровней будет иметь серьёзные последствия для способности великих держав самим отстаивать собственные национальные интересы в вопросах безопасности. Это прежде всего касается способности поддерживать общественную, социальную и полити-

ческую стабильность, благодаря которой граждане чувствуют себя в безопасности в пределах своего государства. В связи с участвовавшими нарушениями товарооборота, когда важные составные части общественного и частного потребления от разных поставщиков мира поставляются по принципу «точно в срок», уязвимость таких деловых связей значительно возросла. Так произошло потому, что государства в нынешнем глобальном окружении практически полностью свернули свои национальные программы самопомощи и самообеспечения. Это касается, например, производства продуктов питания, лекарств и энергии. Таким образом, до того момента, когда будут поставлены под угрозу зависимые от импорта страны, нужно совсем немного. Важной причиной является то, что международная система торговли состоит из всё меньшего числа экспортёров, способных обслуживать большие группы потребителей, например, в США, Китае и Европе в кризисное время (Eldby og Smedshaug 2015).

Поэтому, когда отношения в мире становятся всё теснее и растёт взаимозависимость, возрастает и значение регионального и местного участия в производстве товаров. Кроме прочего, это приводит к тому, что великие державы начинают проводить более дальновидную политику, в том числе чтобы обеспечить неограниченную поставку товаров и услуг по открытым глобальным торговым маршрутам. Примером может послужить британский Комитет по уязвимости, который в 2011 году посоветовал властям принимать в этой области «...активное вмешательство правительств, а не “оставлять это на усмотрение рынка”» (Lang, Dibb и Reddy 2011). Это особенно важно для того, чтобы воспрепятствовать возникновению страха, беспокойства или неуверенности у населения своей страны, потому что конфликты в других регионах могут нарушить снабжение жизненно необходимыми товарами, такими как нефть, газ, электричество, информация и необходимые вычислительные мощности для работы критически важной общественной инфраструктуры. Возникновение чего-то подобного в таком случае увеличит риск того, что политическое управление в открытых и современных обществах ослабнет, так как доверие к властям подвергнется испытанию.

Для великих держав, которые имеют более широкий глобальный круг интересов и которые часто считают, что они больше подвержены угрозам, будет также важно избегать того, чтобы местные и региональные уровни не стали бы «свободной гаванью» для между-

народного терроризма. В таком случае это затронет само государство или его партнёров в собственных столицах, где западные власти наиболее уязвимы. Именно так и случилось в 2016 году, когда более 800 гражданских лиц было убито в ряде терактов по всей Европе (ИЕР 2018). Вмешательство государства в ситуацию на нижестоящих уровнях также необходимо, чтобы избежать положения, в котором соперничающие великие державы получают больше влияния на местном и региональном уровнях там, где у них самих есть большие интересы. Пассивность в таких областях повлияет в итоге на собственную надёжность великой державы (как государства) перед своими соперниками, собственным населением и союзническими государствами, которые способствуют присутствию великой державы.

Примером может послужить создание Россией ряда новых баз в Арктике вместе с возобновлением деятельности старых баз, которые были закрыты после окончания «холодной войны». По мере того как тают вечные льды и Северный морской путь между Тихим и Атлантическим океанами становится более доступным, США и Китай будут также наращивать своё военное и коммерческое присутствие в этом регионе. Таким образом, возрастает потребность в российской активности вдоль 22 000-километровой береговой линии к северу от полярного круга. Заполнить пустое пространство, которое расширяется по мере таяния полярных льдов, важно, так как уровень развития на местном уровне — например, в приграничных районах с Норвегией, Канадой или США — посылает важные сигналы о том, что у России есть политическая воля и военная способность отстаивать свои интересы в этих районах.

Другим примером является участие великих держав в гражданской войне в Сирии, в которой обе стороны изначально были заинтересованы в победе над ИГ. В самой России в пределах её собственных границ проживает около 14 млн мусульман, и, следовательно, она будет препятствовать усилению экстремистского ислама, который может послужить примером для около 10 % населения страны. Для США также важна эта гражданская война. После почти 20-летнего непрерывного ведения войны в Центральной Азии и на Ближнем Востоке администрация Трампа, как и администрация Обамы до этого, хочет завершить военное присутствие здесь в этом регионе так, чтобы ресурсы страны смогли быть перераспределены и, возможно, сосредоточены, например, в Тихоокеанском регионе. Одновременно

США обеспокоены тем, что Россия, Иран и Турция получают слишком большое влияние на Ближнем Востоке. Когда США выведут свои войска из Сирии и со временем — из Ирака и Афганистана, быстро возникнет вакуум, порождающий новый виток борьбы за власть, что ослабит американский контроль над регионом. Для России влияние в Сирии особенно важно, так как страна является плацдармом для проецирования политического и военного влияния за пределами своих границ. Благодаря присутствию в Сирии, которое поддерживается значительным российским присутствием в Ливии и Египте, корабли российского ВМФ больше уже не рискуют оказаться запертыми в Чёрном море. Тем самым России будет проще демонстрировать свой флаг на Ближнем Востоке, что важно, если США будут вынуждены свернуть своё военное присутствие из-за более крупных вызовов в Южно-Китайском море. Для Пентагона, напротив, военное присутствие в Сирии важно для того, чтобы России было сложнее превратиться в регионального соперника на Ближнем Востоке. У США есть ещё обязательства перед Израилем, который обеспокоен усилившимся иранским присутствием по другую сторону своей границы.

В этих условиях норвежский вклад примерно в 60–100 солдат является почти незаметной пешкой в большой и сложной игре великих держав. При этом самое важное для норвежских властей — убедить себя в том, что деятельность задействованных военнослужащих соответствовала бы международным обязательствам, содержащимся в международном праве, и создавала бы основу для обоснования легитимности их использования как дома, так и за границей. Поэтому для норвежских сил также не разрабатываются чёткие стратегические установки, кроме того, чтобы быть «хорошим союзником», что не нарушает международные правовые обязательства. Задачи, указывающие на особые норвежские интересы в сфере политической безопасности, которые военные от имени норвежских властей будут отстаивать в рамках системы союзнического командования в районе боевых действий, привлекают внимание своим отсутствием (Alme 2015; Heier 2019b).

В связи с этим норвежское участие может быть легко воспринято как «военная сила вразвес», которая не имеет ни более значимой цели, ни большего значения, чем просто «показать флаг» в борьбе за американское расположение и внимание. Частично это выразилось

в Афганистане, когда назначенный правительством Комитет Гудала нашёл «мало следов долгосрочной стратегии норвежского военного вклада [...]». То, в чём Норвегия конкретно должна была помочь в военном плане, в малой степени основывалось на долгосрочных оценках» (Godal et al. 2016, 54). Это также нашло отражение во время гражданской войны в Ливии в 2011 году, когда было неясно, какие национальные интересы в операциях от имени властей в Осло должны были отстаивать норвежские офицеры и сам вклад этих сил. И где впоследствии упор в оценке был сделан на норвежскую внешнюю политику, которая должна была обеспечить правомерность норвежских воздушных налётов ссылками на международное, гуманитарное и государственное права (Østerud 2019).

Полезный вклад в обеспечение мира?

Деление на три части, о котором говорилось выше, является упрощением реальности. Но иногда упрощения необходимы. В нашей ситуации это полезно, так как способствует пониманию противоречивых взглядов и пересекающихся интересов, которые норвежские власти должны постоянно взвешивать. Именно эта сложность приводит к тому, что соблюдение гласности в отношениях с общественностью затрудняется, просто-напросто потому, что непредсказуемость развития конфликта настолько велика, а риска неприятных внутривнутриполитических дебатов очень хочется избежать. Когда власти тем не менее вынуждены согласиться на своё участие в таких областях конфликта, это делается не потому, что у Норвегии есть существенные национальные интересы в Ираке, Сирии, Афганистане или Ливии. Скорее потому, что норвежские власти должны «выходить в мир», чтобы держаться «рядом с США». В конце концов, нет никаких других стран на земном шаре, которые могли бы дать надёжные гарантии безопасности для норвежских властей в их конфликте с Россией.

Именно это является причиной сложных оперативных ограниченных типовых условий, по которым норвежские власти вынуждены ежедневно вырабатывать свою позицию. И которые в своей совокупности делают сложным использование «открытой» стратегии за счёт «закрытой». Ведь одно дело — поддерживать относительно

однородное государственное образование, которое путём охвата большого числа участников и с помощью примирительного процесса национального строительства добилось общего желания восстановить законную систему правления. Другое дело — поддерживать диаметрально противоположные и раздробленные группы ополченцев, например шиитского, суннитского или курдского происхождения. Эти ополченцы в первую очередь не заинтересованы в представительной демократии, социальном или экономическом перераспределении или политической консолидации вокруг единой идеи о том, каким будет иракское государство. Такие группировки по своей природе являются независимыми, не связанными с государством игроками, которые в своих отношениях с внешним миром охотно используют обобщающие национальные государственные символы, чтобы заручиться поддержкой и признанием своей законности со стороны богатых доноров из западных стран. Но в душе своей ополченцы испытывают большое сомнение в отношении сотрудничества с инородными соперниками, которые поколениями осуществляли слежку, подавляли, дискриминировали, заключали в тюрьму, пытали или даже убивали их родственников, друзей и знакомых. Вот почему они являются ополченцами, а не находящимися под формальным, иерархическим и строгим политическим контролем представителями государственных институтов (Biddle, Macdonald og Baker 2017).

Обеспечивая военной поддержкой различных ополченцев на местном уровне, а также ряд соперничающих государств на региональном и глобальном уровнях, норвежские власти рискуют стать важным участником конфликта. Как это ни парадоксально, это не относится к усилиям по обеспечению мира и стабильности в данном регионе. Скорее может быть так, что норвежский вклад лишь поддерживает жизнь в религиозных и гражданских волнениях, потому что потребуется больше времени, чтобы достигнуть *кульминационной фазы насилия* (Luttwak 1999). Это был провокационный, негуманный и достаточно жестокий аргумент, который был впервые выдвинут американским политологом Эдвардом Люттваком в связи с вмешательством НАТО в Балканские войны в 1990-х годах. Однако в норвежском контексте маловероятно, что различные государственные и негосударственные игроки, которые поддерживают другую сторону конфликта, будут «тихо сидеть в лодке» и признавать то, что США, Норвегия, НАТО или «Запад» будут беспрепятственно усиливать

своё военное присутствие и своё политическое влияние. Это лишь одна из многих «тёмных» сторон норвежского участия в операциях за рубежом, которое систематически замалчивается и которое соответствует «закрытой стратегии» властей. И которое для депутатов Стортинга, СМИ и общества в целом рискует оказаться «тематической слепой зоной» (Åmås, et al. 2017).

Конкретным выражением этой стратегии стало норвежское желание поддержать так называемых умеренных суннитских ополченцев на территории Сирии и Иордании, с тем чтобы эти группировки могли усилить свой потенциал в операциях, которые должны были проводиться против ИГ (Dyndal 2016). Это произошло потому, что власти в Ираке попросили США и западные страны о помощи в защите страны против повстанческих движений, которые возникли после краха иракского государства. Предпосылками этого краха, как и последовавших за этим гражданской войны и возникновения ИГ, как ни парадоксально, являлось то, что возглавляемая США коалиция с участием Великобритании, Австралии и Польши одиннадцатью годами ранее осуществила смену режима в данной стране. Эта война, которая несколько ошибочно была названа операцией «Иракская свобода», была проведена без мандата ООН и основывалась на сообщениях разведки о том, что в стране якобы есть оружие массового уничтожения. Впоследствии оказалось, что эта информация основывалась на лжи и вошла в историю как одна из самых серьёзных ошибок США после терактов 2001 года (Burns 2019).

Норвежская поддержка «умеренных» суннитских ополченцев между тем не привела к желаемым результатам. Ведь наряду с ростом участия норвежского, американского и британского спецназа в Сирии, естественно возросло и участие с иранской и российской сторон. Это произошло потому, что суннитские ополченцы, которых поддерживала Норвегия, были заинтересованы в ослаблении режима Асада в Сирии так же, как и в защите иракского государственного образования, в котором доминировали шииты, с которыми суннитские ополченцы в Иордании и Сирии имели достаточно напряжённые отношения. Норвежские операции, которые иногда назывались «наращиванием возможностей», «военной помощью» или «иностранный помощью в обеспечении безопасности», таким образом, укладываются в более широкую модель: основной упор делается на очень краткосрочный военный вклад, который не адресован

каким-либо сторонам в политических, социальных, религиозных или этнических конфликтных противоречиях в обществе. В итоге западное военное вмешательство может быстро стать скорее частью проблемы, а не частью решения. И это потому, что критерии успеха, лежащие в основе военной стороны участия, часто связаны с тем, что американский политолог Сэмюэл Хантингтон называет «функциональными императивами». В операции «Непоколебимая решимость» это означало силовую структуру, готовность и оперативную эффективность в борьбе против ИГ или против других ополченцев, которые получали поддержку от соседних государств. Социальным же императивам Хантингтона в качестве, например, примирительных и содействующих стабилизации общества мер, которые укрепляли бы отношения вооружённых сил теснее с законными государственными институтами с широкой общественной поддержкой, наоборот, уделялось меньше внимания (Biddle, Macdonald og Baker 2017; Shurkin et al. 2017).

Чтобы получить более четкое представление о том, как возникают «тематические слепые зоны», мы должны немного углубиться в тему. Если говорить конкретнее, мы должны присмотреться более внимательно к тому, какие средства воздействия используются и какие выбираются методы, лежащие в основе использования этих средств воздействия. Под «средствами воздействия» подразумеваются воинские подразделения, которые приносят норвежским властям наибольший политический результат в отношениях с США. Средства воздействия и используемые методы полезно рассмотреть во взаимосвязи. Эта увязка их позволяет лучше понять, какие уникальные комбинации могут дать малому государству несоразмерно большой стратегический эффект. Под «стратегическим эффектом» в этом контексте подразумевается то, на достижение каких выгод в сфере политической безопасности малая страна может надеяться в сотрудничестве с более крупным союзником, когда обе страны — как США, так и Норвегия — зависимы от того, чтобы оказывать друг другу помощь. США — потому, что вооружённые силы страны нуждаются в обосновании самой коалиции, которая может представлять «мировое сообщество» и таким образом подорвать тезис о том, что США выступают в качестве «единоличного лидера» в мировой политике. Норвегия же — потому, что страна нуждается в тесных связях со своим важнейшим партнёром по альянсу в случае, если

возникнет внезапная потребность в срочных консультациях из-за российского давления на севере. Поэтому, в качестве малых стран, норвежские, а также датские власти находятся в особом европейском классе. Потому что после окончания «холодной войны» обе северные страны — участницы НАТО показали, как малые государства с ограниченными ресурсами могут предоставить высокопрофессиональные воинские контингенты, способные реально продемонстрировать своё преимущество в ходе возглавляемых США коалиционных операций (Hammersmark 2014; Ringemose, Jacobsen и Saxi 2018).

Для Норвегии это преобразование воинских подразделений постепенно происходило с конца 1990-х, когда стало ясно, что иначе власти рискуют минимизировать свою роль в трансатлантическом оборонном сотрудничестве с США (Heier 2006). После печального опыта в Балканских войнах в начале 1990-х, по отношению к которым, между прочим, Министерство иностранных дел было настроено скептически, потому что упор на задействование воинских контингентов, а не на вспомогательные подразделения «нарушал прежнюю практику» (Vørresen et al. 2004, 204–205), власти приступили шаг за шагом к систематической и долгосрочной работе. Центральным событием в этой реорганизации стала подготовка Разведывательной службы и спецназа к действиям в условиях непредсказуемой динамики, возникающей, когда местные, региональные и глобальные уровни смешиваются.

Таким образом, использование разведки и подразделений специальных операций может рассматриваться как «секретный инструмент» для гражданских и военных норвежских лиц, ответственных за принятие решений. Потому что связь между разведкой и спецназом даёт лицам, принимающим решения, доступ к *эффективной информации* (Lysgård 2016, 11). В таком случае норвежские средства воздействия могут рассматриваться «ключами» и средствами создания «витрин» перед США. «Ключами» — потому, что показ стратегического использования собственных преимуществ позволяет Норвегии стать ближе к своему важнейшему партнёру по альянсу. «Витринами» — потому, что норвежские власти также показали ближайшим коллегам в политической и военной области, что Норвегия серьёзно воспринимает вызовы американской безопасности. И что Норвегия в сильной конкуренции с другими зависимыми от альянса клиентами находится в первых рядах в вопросах выявления

и борьбы с сетью повстанческих групп, представляющих прямую угрозу американским интересам безопасности в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Африке.

Связь между стратегической разведкой и спецназом может казаться трансформацией. Под этим понятием подразумевается радикальное изменение в тактике действия войск, в способе их организации и методах использования ими новых технологий для улучшения собственных достижений (Sloan 2008). Таким образом, кооперация стратегических потенциалов штаб-квартирой Службы военной разведки в Лютванне в Осло и подразделений специальных операций в городе Рена и посёлке Рамсунн можно отнести к числу самых обширных преобразований, которые происходили в конце 1990-х годов. Тогда вместо статичных береговых фортов, взорванных на нескольких горных объектах, предпочтение было отдано подразделению егерей охраны побережья (*Kystjegerkommando*), которое, не привлекая к себе внимания и используя децентрализованную систему управления, могло бы обманывать врага более «хитрым» способом: частично путём наведения ракет дальнего радиуса действия на российские цели с небольших и быстрых катеров и частично благодаря пуску ракет «Хеллфайр» с небольших островов и шхер по наступающим силам противника.

Уникальная комбинация взаимодействия между стратегической разведкой и силами спецназа тем не менее осталась незамеченной, отчасти потому, что реорганизация происходила в рамках одного из наиболее закрытых звеньев системы государственного управления. Для Норвегии эта реорганизация означает, что власти в состоянии предоставлять уникальный потенциал там, где США в нём нуждаются, можно сказать, в практически бесконечной борьбе против лидеров повстанцев, в том числе в Афганистане, Сирии, Ираке, Ливии и Мали — или в других странах, где США возглавляют «глобальную войну против террора». И там, где норвежские власти видят, что они должны участвовать из-за зависимости в своей защите от США. В данном случае под понятием «разведка» понимается «систематический сбор и обработка информации, которая касается международных отношений» (Forsvaret 2013, 7). Эта информация может быть собрана из открытых источников, но также с помощью так называемых скрытых методов. Самым важным является то, что такая активность происходит в законных рамках, которые государства

обязались соблюдать. Согласно материалам Службы военной разведки, цель такой информации заключается в том, чтобы уменьшить неосведомлённость лиц, принимающих решения, и создать более глубокое понимание ими складывающейся обстановки и решений, которые, возможно, должны быть приняты. Таким образом, разведка также часто принимает предиктивный характер¹ (Ibid.).

Разведка и спецназ

В послевоенное время Норвегия постепенно развивала высокотехнологичную целевую подготовку в области разведывательной деятельности, особенно по перехвату сигналов с различных систем связи и радиолокационных установок. В качестве обобщающего термина для этой активности часто используется термин «радиоэлектронная разведка» (SIGINT), который включает в себя радиоразведку (COMINT) и радиотехническую разведку (ELINT). Эта форма достойной защиты информации была разработана в ходе прослушивания «военных радиотелеграфных и радиотелефонных систем связи», а также путём перехвата «электромагнитных излучений от иностранных военных радаров, органов управления и навигации» (Riste og Moland 1997, 129).

Стратегическое расположение губернии Финнмарк вблизи усиливающегося советского флота подводных лодок уже с начала 1950-х годов стало важной движущей силой развития таких возможностей. Это же касалось острова Аннёйи в губернии Трумс, который стал важной базой патрульных самолётов морской авиации. Она с использованием американских и норвежских высоких технологий постоянно работала над тем, чтобы обнаруживать всё более бесшумные советские подводные лодки в северной части Атлантического океана (Klevberg 2012). В целом результаты разведки, особенно радиоэлектронной и акустической, стали важным стратегическим обменным товаром в отношениях с США. В не меньшей степени это касалось разработки как можно более конкретных и надёжных планов по поддержанию боеготовности и укреплению обороноспособности. Это также было в интересах США, которые должны

¹ То есть способность к предсказаниям. — *Примеч. ред.*

были, насколько это возможно, представляться в качестве надёжного гаранта безопасности. Вдобавок к этому норвежская разведка получила ещё более высокую значимость по мере того, как Северный флот в 1960-х годах постепенно начал разработку атомных подлодок, которые могли нести ракеты дальнего радиуса действия; это было ответом на решение администрации Кеннеди увеличить военный бюджет с последующим вложением средств в строительство больших подлодок класса [вооружённых баллистическими ракетами] «Полярис» и авианосных групп.

Против такой угрозы советские подлодки стали лучшим ответом в обеспечении готовности к нанесению второго удара в случае возникновения кризиса или войны (Riste og Moland 1997). Поскольку эти ракеты были вдобавок оснащены ядерными боеголовками, которые за несколько минут могли стереть большие американские города с лица земли, норвежская радиоэлектронная разведка, в частности с территории губерний Финнмарк и Трумс, приобрела жизненно важное значение в американском военном мышлении. Хорошее знание обстановки в районах небольших глубин, через которые пролегают маршруты выхода подлодок с баз на Кольском полуострове, когда они не могут погружаться на глубины более 150–200 м, стало чрезвычайно важным. Ведь если советским подлодкам удастся избежать обнаружения до того, как они пересекут линию между Нордкапом и островом Сёркапом на Шпицбергене, им будет легче исчезнуть из видимости в глубинах океана более 1000 м. Поэтому акустическая разведка (ACINT) стала также важна для Норвегии.

Источниками норвежской осведомлённости являются технологические возможности сбора, анализа, информирования и использования в своих интересах информации, которую русские предпочитают сохранять в тайне и к которой норвежские и американские власти хотели бы получить доступ. Это очень важно для получения более полных знаний о том, насколько серьёзными могут быть вызовы национальной безопасности США, Европы и Норвегии. Например, это может быть информация о направлениях развития российских ракетных технологий и траекториях полёта ракет, о характере учений стратегических и тактических подводных сил, базирующихся на Кольском полуострове, или о процедурах активации ядерного оружия. Но это также может быть информация, полученная в ходе сбора и анализа данных с российских спутников в космосе, — так

называемая *телеметрия*. Примером такой деятельности может послужить станция Службы военной разведки на горе Ветен в коммуне Фёуске, которая в 1982 году перехватывала сигналы советских спутников, в том числе о координатах аргентинского крейсера «Генерал Бельграно». Это помогло британской подводной лодке потопить крейсер с экипажем 1093 человека на борту во время Фолклендской войны (Wormdal 2015). С американской точки зрения характер таких сведений, которые в основном собираются радиоэлектронной разведкой, умножает значение норвежских разведывательных возможностей. В связи с этим сотрудничество с Агентством национальной безопасности, являющимся главной разведывательной организацией США в области радиоэлектронной разведки, является очень важным. После террористических атак в 2001 году, последующей войны в Афганистане и глобальной «войны с террором» это сотрудничество усилилось (Godal et al. 2016).

Сегодня это касается не только сотрудничества в отношении России на севере. В равной степени это относится к использованию возможностей норвежской разведки как стратегического ресурса в зарубежных операциях, в которых власти во многих случаях считают себя вынужденными участвовать. Оборудование и технические средства Службы военной разведки, таким образом, не могут более быть статическими или территориально привязанными к Норвегии. Опыт норвежского участия в Балканских войнах в 1990-х годах скорее показывает, что прослушивание мобильных телефонов и перехват линий связи противника могут происходить в непосредственной близости от него, в самом районе конфликта (Heier 2019c). Много раз, особенно в Афганистане, это спасало союзнические силы от неожиданных нападений из засад, бомбардировок и возможных обстрелов. Примером этому может послужить случай, когда американский генерал решил отменить свою вертолётную поездку из Кабула, так как норвежская радиоэлектронная разведка узнала о том, что повстанцы планировали сбить вертолёт (Godal et al. 2016).

Согласно отчёту «Хороший союзник — Норвегия в Афганистане 2001—2014», усиление Сил специального назначения и Службы военной разведки сыграло большую роль в том, что Норвегия добилась более положительного отношения со стороны США. То, что норвежские власти смогли разругаться со своим гарантом безопасности, в том числе объясняется тем, что второй кабинет Столтенберга после

победы на выборах в 2005 году хотел чётко дистанцироваться от спорной «войны против терроризма» администрации Буша (2001–2009). Это было особенно наглядно потому, что два консервативных министра в предшествовавшем втором кабинете Бунневика (2001–2005) — министр иностранных дел Ян Петерсен и министр обороны Крон Девольд — привязали норвежские власти к спорной «войне против террора» теснее, чем это было желательно с точки зрения нового правительства (Egeberg 2017). Поэтому второй кабинет Столтенберга не хотел направлять батальон «Телемарк» или другие воинские контингенты в южные районы Афганистана, несмотря на то что именно там США и НАТО наиболее нуждались в помощи (Oma 2008).

Стратегическое значение в отношениях с США тем не менее заключалось не в отправке общевойсковых подразделений в провинцию Гильменд. В любом случае, восстание Талибана в Южном Афганистане не дало бы себя остановить, даже если бы западные страны отправили ещё больше танков в регион, где врага, чтобы победить, сначала нужно было отличить от гражданского населения. Скорее столь же важным, как и общевойсковые контингенты, было значение сложной и высокотехнологичной радиоэлектронной разведки SIGINT вместе с агентурной разведкой (HUMINT) и снимками районов с обозначениями целей, которые были сделаны спутниками из космоса (IMINT). Ещё более интересны методы, которые связывают результаты различных видов деятельности Службы военной разведки и спецназа: «Тесное сотрудничество между этими двумя службами и результаты, которое оно даёт, являлись тем, что вызывало наибольший интерес у союзников» (Godal et al. 2016, 196). Согласно выводам Комитета Гудала, за последние годы Норвегия разработала уникальную операционную концепцию, которую «могут продемонстрировать лишь немногие страны» (Ibid.). Таким образом, Афганистан послужил полезной лабораторией для развития стратегического использования норвежских сравнительных преимуществ *визави* в отношениях с США.

Важной причиной этого является то, что Служба военной разведки и Подразделение специальных операций вооружённых сил использовали зарубежный опыт для разработки лучших и наиболее эффективных форм сотрудничества. Оно получило развитие в рамках возглавляемых США мероприятий в области радиоэлектронной разведки в Афганистане с 2010 года (Godal et al. 2016) и привело

к тому, что норвежские и союзнические власти стали быстрее получать доступ к возможностям четырёх взаимодополняющих друг друга средств воздействия: цифровой информации (SIGINT) о том, где находятся мобильные телефоны разыскиваемых лидеров повстанцев, снимкам со спутников тех домов, в которых находятся соответствующие лица (IMINT), часто дополняемым подробной информацией своих агентов, находящихся поблизости (HUMINT) и, наконец, спецназу, который может действовать быстро и решительно, основываясь на этой информации. В военном смысле это является важным фактором в сложной составной и зачастую многонациональной «системе систем». Самое важное — добиться эффекта неожиданности, чтобы при численном неравенстве получить преимущество перед противником. Таким образом, становится важным достигнуть высоких темпов в процессе принятия решений между командованием и силами поддержки, которые часто состоят из лиц различных национальностей, специалистов из разных отраслей и сфер. Главная причина: противник не имеет централизованной системы управления, что затрудняет его обнаружение, и поэтому важно действовать быстрее, чем лидеры повстанцев успеют переместиться или спрятаться в новом месте (Ibid.). Другая причина: этот вид операций против не имеющих централизованного управления сетей повстанцев часто открывает доступ к новой информации, как, например, установление личности и местонахождения других повстанческих лидеров. Эта информация не оставляет много времени на размышления и, в свою очередь, может положить начало новым операциям, но в этом случае необходимо действовать незамедлительно — до того, как противник поймёт, что его собственную сеть вот-вот накроют. В то время как общевойсковые группы проводят так называемые «руководимые разведкой» операции против обычных сил противника, для этой формы войны характерно то, что цель операции определяет её характер.

Одним из результатов трансформации взаимодействия Службы военной разведки и спецназа является то, что норвежские власти получили более глубокое понимание основных мотивов конфликтов и организации структур власти, которые характерны для местного уровня в районе конфликта. Это имеет большое значение, так как теперь будет легче концентрировать военные усилия на мерах, которые подорвут структуру власти противника, организацион-

ные формы и его поддержку со стороны гражданского населения. Это также включает в себя выявление и нападение на более узкие и недоступные «подпитывающие каналы», которые поддерживают способность сопротивления. Это может быть, например, активность, связанная с вербовкой новых членов, подготовкой и размещением повстанцев, экспортом сырья, такого как нефть, минералы, наркотики, оружие, сахар и резина. Взаимосвязь между этими двумя «подпитывающими каналами» способствует поддержанию боевой силы повстанцев. Часто она осуществляется по древним торговым путям кочевников, простирается с территории конфликтного региона и до принимающей страны на региональном и глобальном уровнях (Vøås 2019).

В целом, западным странам может быть сложно овладеть такой информацией. Отчасти потому, что действия разворачиваются в незнакомом и чуждом им обществе, о котором у офицеров и солдат обычных воинских частей западных стран имеется мало представлений. Тем более что обычные воинские контингенты по характеру своей подготовки меньше всего заинтересованы в понимании базовых структур власти, которые характерны для местной и региональной области конфликта (Holen 2019). Вдобавок такие знания получают в процессе освоения непрерывного потока обновляющихся данных разведки. Это знание даёт военным уникальное понимание ситуации и поэтому является закрытой информацией. Следовательно, такой информацией нельзя делиться с кем угодно.

Таким образом, норвежская разведка готова к новому, более сложному и основанному на знаниях способу ведения войны. При том, что собранные сведения о противнике позволяют лучше понимать, как функционируют чуждые для нас и основывающиеся на племенных или клановых связях местные общества. По мере понимания того, как традиционные караванные маршруты по-прежнему используются в качестве основных путей для межгосударственной контрабанды и как соседние государства содействуют этой деятельности, возрастает американская оценка пользы норвежских сил. Это связано с тем, что знания, которые изначально пытались скрывать от противника, дают норвежским и американским властям лучшее понимание обстановки и, таким образом, более точную основу для принятия решений по ведению войны, в которой войсковым операциям предшествуют дроны, спецназ и разведчики, одетые

в гражданскую одежду. Такая логика действий применима независимо от того, возникнет ли конфликт в северных широтах или на Ближнем Востоке. Это может, например, касаться того, готовится ли ИГ к реальному нападению в Осло или в Кабуле, была ли российская ракета, летящая над норвежской и финской территориями, преднамеренным действием или случайной ошибкой, является ли активность средств связи или радиомолчание в сетях Северного флота лишь формой устрашающей политической пропаганды или на самом деле это свидетельствует о предстоящем нападении.

Поэтому потребность в большем количестве данных о том, что потенциальный противник пытается скрыть, возрастает, поскольку всё больше вербовок, планирования, финансирования и выполнения происходит с использованием цифровых технологий. Это касается как ситуации в Баренцевом море и в России, так и в возглавляемых США коалиционных операциях против повстанческих групп в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Различные виды спецназа, контрактники, агенты, операторы цифровых сетей и повстанцы пересекают границы как по цифровым пространствам, так и по суше и воздуху. Общим для них является способность оставаться «вне зоны обнаружения радаров» западных разведслужб. Поэтому они располагают возможностями оказывать воздействие на норвежские власти. Не потому, что они сами по себе представляют угрозу существованию норвежского государства. Скорее потому, что повстанцы сами по себе могут повлиять на норвежские процессы принятия решений, сея чувство страха, волнения и беспокойства в «тысячах домов».

Таким образом, более точная информация о том, где находятся интересующие спецслужбы лица, куда они ездят и чем занимаются, становится для норвежских властей стратегически важным товаром для обмена с союзниками. Для США это является востребованным товаром, не в последнюю очередь потому, что крупнейшая военная держава мира часто сталкивается с «закрытыми дверями» в отношениях с важными оппонентами и принимающими решения лидерами, с которыми им нужно взаимодействовать. Но поскольку США играют главную роль во многих конфликтах, им становится трудно самим получать доступ ко многим выдвигающим разные условия игрокам. Здесь также кроется одно из преимуществ Норвегии, поскольку роль посредника облегчает завоевание доверия у разных

сторон конфликта. В глазах США это увеличивает значение норвежских властей, потому что сами они часто оказываются отодвинутыми в сторону в параллельных политических, дипломатических и экономических процессах, которые происходят вне рамок военных операций, в которых сами США больше всего заинтересованы. Взамен норвежские власти получают новые усовершенствованные технологии для собственных разведывательных установок, истребители и ракеты, свежую информацию, например, об изменениях в российской структуре власти или о появлении новых повстанческих лидеров в племенных и клановых группах сопротивления, с которыми сталкиваются норвежские военные силы в районе конфликта. Таким образом, сотрудничество разведок и спецназов позволяет норвежским и американским властям получить более полное обоснование спорных решений, при определении круга лиц из числа руководства противника для включения их в список целей, которые должны быть подвергнуты ракетным ударам или задержанию спецназом (Godal et al. 2016).

Вышеупомянутое утверждение может помочь объяснить ставку на использование разведки и спецназа за границей. В начале 1990-х годов после развала Советского Союза командование норвежской армии считало, что подобные подразделения представляли собой «особый мальчишечий клуб» с ограниченной полезностью (Hammersmark 2014). Но когда силы норвежского спецназа были использованы для поддержания контакта с противниками сербов в Косово в 1999 году, в частности чтобы обеспечить контролируемый вывод сербских сил перед появлением сил НАТО, мнение о них изменилось (Melien 2012; Engebretsen-Skaret 2014). Сейчас норвежский спецназ является для властей «алмазом в короне» (Kristoffersen 2015) в работе над тем, чтобы оставаться «хорошим союзником» и интегрированной частью глобальной американской сети спецназа (Lysgård 2016). Поэтому Норвегия и получила место в так называемом Глобальном предприятии формирования специального назначения, которое было создано бывшим командующим силами специальных операций США адмиралом Уильямом Макрейвеном в 2001 году (US Army 2012; Yoho et al. 2013). Целью было обеспечить возможность норвежским лидерам, принимающим политические или военные решения, получать информацию и рекомендации о текущих операциях и о тенденциях развития

в тех частях мира, где у Норвегии мало или вообще нет интересов, но где тем не менее будет «стратегически разумным» показывать своё присутствие. А также для того, чтобы получить возможность оперативно реагировать при возникновении ситуаций, в которых США или другие партнёры могут нуждаться в помощи. Поэтому после терактов 2001 года Норвегия является активным источником сведений в этом сотрудничестве.

Глобальная сеть сил спецназа с момента создания Подразделения специальных операций вооружённых сил в 2014 году также давала властям возможность использовать спецназ в более стратегических целях. Кроме прочего, это произошло благодаря выводу сил спецназа из состава родов войск, которые представляли собой главным образом тактические команды с более узкими и более традиционными взглядами на свои действия в условиях конфликта. Как независимый силовой контингент, спецназ получает бóльшую возможность для своего развития в оперативном и профессиональном смысле, в частности за счёт более систематического и долгосрочного взаимодействия с вооружёнными силами других стран по всему миру (Kristoffersen 2018). Ведь для того, чтобы норвежские власти могли вести войну против сети повстанцев, которые действуют как на местном, так и на региональном и глобальном уровнях, силы спецназа должны быть частью единой глобальной сети. По мнению Скотта Моррисона, который ранее возглавлял натовскую командную группу действий (CAG) в составе командования сил спецназа, вне сомнения решающее значение имеет работа в цифровом формате для разрушения сети противника: «Для борьбы с сетью нужны сети. Правительствам, которые хотят защищаться от сетевой войны, возможно, нужно принять организационные проекты и стратегии, подобные тем, которые используются их противниками» (Arquilla et al. 2001, 90).

Поэтому норвежские власти усилили взаимодействие Подразделения специальных операций вооружённых сил и Отряда морских егерей (*Marinejegerkommandoen*) с шефом обороны Норвегии и политическим руководством страны. Но, возможно, ещё важнее то, что эти силы спецназа также интегрированы в так называемый Глобальный центр поддержки операций (*Global Mission Support Center*), находящийся в подчинении Центрального командования США во Флориде. Целью является, среди прочего, обеспечение оперативного

принятия решений, как в США, так и в Норвегии и в других союзнических странах. Таким образом, норвежский спецназ становится более интегрированным в американские процессы планирования и принятия решений, что, в свою очередь, повышает эффективность планирования, руководства и проведения операций практически по всему миру (Lysgård 2016). Выигрыш от этого для обеспечения политической безопасности состоит в том, что норвежские и американские интересы по обеспечению безопасности увязываются ещё теснее. Не потому, что у больших и малых государств имеются общие интересы во всём, что они делают. Скорее потому, что обе стороны могут действовать исходя из общего понимания складывающегося положения и знаний, известных обеим сторонам процессов принятия решений. В свою очередь, это создаёт предпосылки для более эффективной реакции, разработанной на основе аналогичных процедур, стандартов, методов и техник.

В этой главе мы изложили возможные причины того, что норвежское военное участие в зарубежных операциях может характеризоваться «тематическими слепыми зонами». Объяснение этого непредсказуемого развития обстановки в норвежской зоне ответственности было использовано для того, чтобы понять развитие и одновременно возрастание значения Службы военной разведки и Подразделения специальных операций вооружённых сил Норвегии. Поэтому в следующей главе будет естественным задать вопрос о том, как это развитие отражается на соотношении открытости и секретности в способе использования норвежскими властями вооружённых сил для обеспечения безопасности жителей своей страны.

Глава 7

БОЛЬШЕ СЕКРЕТНОСТИ, МЕНЬШЕ ГЛАСНОСТИ?

Большая часть норвежских зарубежных операций в 2000-х годах может свидетельствовать о том, что недостаточная обороноспособность собственных вооружённых сил дома вынуждает решать трудные и довольно рискованные задачи за пределами страны. Ведь в борьбе за надёжность американских гарантий безопасности Норвегии, «участие в международных операциях в рамках альянса» стало главным делом за пределами страны (Forsvarsdepartementet 2017, 38). И, как было сказано в предыдущей главе, наиболее эффективные средства воздействия, разведка и спецназ, были взяты из наиболее закрытых и недоступных структур в системе государственной администрации. В продолжительной работе, нацеленной на то, чтобы сделать НАТО полезным для США, власти подвергаются тем самым перекрёстному давлению.

С одной стороны, от гражданского общества исходит обязывающее требование о большей гласности. С другой стороны, от властей исходит ещё более категоричное требование о том, что гласность не должна осуществляться за счёт безопасности солдат — которые, в конце концов, ставят на карту свои жизнь и здоровье для удержания США в рамках НАТО.

Эта дилемма может быстро закончиться парадоксом. По мере того как «закрытые стратегии» получают возрастающую поддержку в государственной администрации, доверие в отношениях между гражданином и государством подвергается испытанию. Это, в свою

очередь, приводит к новому парадоксу. Основа либеральных ценностей, укреплять которую за рубежом, как подразумевается, должны норвежские силы, в том числе поддерживая восстановление государственных демократических институтов, ставится в жёсткие рамки в своей стране. Нужно, на самом деле, совсем немного, прежде чем спорные операции за рубежом вызовут шум и усилят разногласия в обществе, которое традиционно придерживалось консенсуса (Løvold 2002).

Поэтому цель данной главы — обсудить более широкие общественные последствия неприятного развития; тенденцию, согласно которой норвежские власти всё чаще отправляют собственных солдат за рубеж, чтобы поддерживать интерес США к НАТО. Ведь без США не будет никакого НАТО и, таким образом, никакой организационной связи между норвежской безопасностью и единственной страной в мире, которая могла бы обеспечить Норвегию надёжными гарантиями безопасности при столкновении с Россией. Цель такого обсуждения — получить больше знаний о том, как военная зависимость влияет на доверительное отношение между государством и обществом в условиях, когда гласность подвергается испытанию. Сначала кратко изложим основную предпосылку, которая заключается в том, что норвежский военный вклад в зарубежные операции сложно использовать для укрепления внутривнутриполитической стабильности, если нет явного врага, с которым нужно бороться. Затем обсудим проблемы, которые это влечёт за собой, такие как, например, меньшая открытость для гражданских лиц и уменьшение демократического контроля над военным аппаратом.

Скрытая проблема гласности

Скрытая проблема гласности, признаться, заключается в основном в том, что пока не удаётся победить врага, с которым вооружённые силы западных стран боролись с момента террористических атак в 2001 году. Это также является признанием, которое на протяжении долгого времени систематически замалчивалось норвежскими властями. Причина этого в том, что подобное сомнение в таком случае будет опасным для того доверия, той легитимности и той политической поддержки, которые необходимы малым зависимым от

альянса государствам, чтобы год за годом вести войну за пределами своих границ без видимого успеха. Подобное признание будет также означать, что норвежские власти испытывают сомнения в военной стратегии США в Центральной Азии и на Ближнем Востоке и что они не хотят показывать это по отношению к своему гаранту безопасности на западе.

В то же время поразительно, как норвежские, американские и военные других стран НАТО каждый раз выходят победителями в борьбе с врагом. Поэтому ещё более поразительно то, что, несмотря на эти впечатляющие победы, политический успех отсутствует. Когда достижение успеха, например, в Афганистане или Ираке откладывается, это очевидно объясняется тем, что враг просто-напросто не даёт себя победить. Это, в свою очередь, объясняется многими условиями, но важной причиной является то, что норвежские и западные солдаты не могут различить, кто является другом, а кто — врагом. Ведь когда враг ходит в обычной одежде и прячет оружие, смешивается с гражданским населением, исчезают и западные преимущества, которые заключаются в серьезной подготовке, лучшей разведке и превосходящей огневой поддержке истребителей, дронов и военных кораблей. Альтернатива, которая могла бы состоять в борьбе со всем населением или массовой его депортацией, также неактуальна. Это противоречит международному праву, принципу пропорциональности и всей международной юридической правовой базе, на которой основывается легитимность западной военной активности. В конце концов, правовые принципы использования власти являются опорой системы ценностей, которую Запад, собственно, и стремится насильно установить в регионе конфликта.

Тем не менее отсутствие политического успеха у сил Запада не является чем-то новым. Скорее опыт превратился в форму вневременного знания, которое в течение поколений нашло своё отражение в ряде доктрин. Согласно британской *доктрине* «малых войн» (*Small Wars*), которая была изложена Чарльзом Э. Каллуэллом в 1896 году, практически невозможно добиться политического успеха военными силами, «когда нет короля, которого можно завоевать, нет столицы, которую можно захватить, нет организованной армии, которую можно разбить, и когда нет знаменитых крепостей, которые можно взять, и нет больших городов, которые можно оккупировать» (Frantzen 2005, 24). В таких войнах всё не сводится к количеству так-

тических побед на поле боя, к подготовке ополченцев или к тренировкам сил национальной безопасности. Также не играет решающей роли количество убитых лидеров и полевых командиров среднего звена в различных клановых и племенных повстанческих движениях религиозного характера. Наоборот, подобные меры лишь «подливают масло в огонь», поскольку существующие очаги конфликта получают в ходе борьбы больше военного опыта, укрепляют боевую силу и выносливость. В такой форме «войны с народом» — *war among the people* (Smith 2009) — только восстановление доверия между ведущими войну сторонами может принести успех. Чаще всего это происходит в тишине, в частности благодаря созданию местных и неформальных механизмов консультаций, которые, в свою очередь, создадут основу для развития более формальных институтов, основывающихся на достаточно справедливом представительстве между воюющими сторонами и их семьями (Fukuyama 2014).

Поэтому в норвежской политике и общественной жизни есть мало убедительных аргументов, которые могут получить широкую поддержку, привести к объединяющему консенсусу, который позволил бы достичь единства между норвежскими гражданами и депутатами Стортинга. Скорее наоборот. Это связано с тем, что рост вооружённой силы в районе конфликта, как было показано в предыдущей главе, часто усиливает противодействие со стороны соседних государств. Поэтому правительству в Осло сложно представить собственному народу убедительные доказательства того, что норвежское участие в зарубежных операциях способствует улучшению политических, экономических, социальных, этнических и религиозных рамочных условий, характерных для района конфликта. Пока западные военные контингенты используются только в войнах с ограниченными политическими целями, которые отличаются от оборонительных боев по защите собственных территорий (Heuser 2010), противник может всегда мобилизовать ресурсы, которые превзойдут те силы, которые США и страны НАТО будут готовы выделить для операций за рубежом. Это означает, что в районе конфликта структуры, которые до войны контролировали национальные очаги противостояния авторитарным режимам, быстро теряют прежнюю способность выполнять свои функции и выходят из игры. Это связано с военным и невоенным вмешательством как местных, так и региональных и глобальных игроков. В результате,

однако, выходит, что существующие государственные институты ослабевают; таким образом, также исчезают площадки и механизмы для проведения консультаций на местном уровне между различными этническими, религиозными и политическими группировками, которые в противном случае могли бы направить недовольство через функционировавшие структуры, для которых характерны диалог, переговоры и компромиссы (Barth 2007; Fukuyama 2014).

Поэтому для сохранения спокойствия и предсказуемости в норвежской политике безопасности, возможно, было бы более удобным «прикрыть дело». Надеяться, что поддержка США в операциях за рубежом не вызовет слишком много внутривластного шума, на самом деле является платой за поддержание жизнеспособности норвежской опоры — НАТО. Ведь под прикрытием этой надежды укрепляется понимание того, что использование силы со временем приводит не к меньшему, а к большему насилию. Это также признаётся бывшим президентом США Бараком Обамой. Целью операции «Непоколебимая решимость» [в Ираке] являлось «разрушение и в конечном счёте — уничтожение ИГИЛ в ходе обширной и длительной контртеррористической стратегии» (Obama 2014). Однако год спустя он заключил, что ИГ являлось «прямым порождением Аль-Каиды в Ираке, возникшим из-за нашего вторжения. Это является примером непредвиденных последствий. Вот почему мы, как правило, должны лучше целиться, прежде чем стрелять» (Saul 2015). Со своей стороны, администрация Трампа утверждала, что это была ошибка Обамы, потому что он слишком рано вывел американские войска из Ирака в 2011 году, что создало вакуум власти, который был заполнен ИГ в 2014 году (The Hoover Institution 2018).

То, что ИГ является врагом, возникшим в вакууме власти, который возник, когда США вторглись в Ирак без мандата ООН в 2003 году, основываясь на лжи и ошибочной информации разведки о том, что в стране предположительно находилось оружие массового уничтожения и что преждевременный вывод войск в 2011 году открыл пути для становления халифата ИГ в 2014-м, об этом норвежские власти не сказали. Такие ошибки «замалчиваются», что соответствует трактовке понятия «закрытая стратегия», которая не должна сеять сомнения о солидарности, поддержке и одобрении Норвегией действий своего ближайшего союзника. Это также касается отношения к тем мерам, которые постепенно стали важнейшим вкладом

Норвегии в операции за границей: повышение потенциала местных сил безопасности в регионе конфликта (Kristoffersen 2018). Но здесь может также оказаться, что западная форма наращивания потенциала, как, например, в Ираке, Иордании и Сирии, уделяет больше внимания функциональным императивам, связанным с повышением военной эффективности и боевой мощи. Социальным императивам, таким как становление национального государства с опорой на входящие в него демократические институты уделяется меньше внимания (Huntington 1957; Shurkin et al. 2017). Таким образом, скрытая напряжённость между кланами, племенами и ополченцами, которые поколениями систематически настраивались друг против друга, а государство всегда было «готовым к перевороту», продолжается и даже усиливается (Østerud 2019).

Поэтому в свете «открытых» и «закрытых» стратегий Бейлса может оказаться, что норвежские власти заинтересованы прежде всего в получении легитимности, одобрения и поддержки своей политики в обществе. Не сообщая о том, что ИГ возникло после американского вторжения, обоснованного ложью и ошибочными данными разведки о том, что Ирак обладал оружием массового уничтожения. Или о том, что норвежские солдаты должны быть направлены для содействия восстановлению деятельности упразднённых США в 2003 году политических институтов, которые обеспечивали целостность Иракского государства. Или тот факт, что наращивание потенциала сил правопорядка может также усилить уже существующие очаги напряжённости, в условиях которых уже приходится действовать норвежским военным. Но больше говорится о том, что «война против ИГ защищает жизнь гражданского населения» и что в соответствии с мандатом ООН «мы все должны способствовать» восстановлению территориальной целостности Ирака (Brende 2015). Поэтому применение силы может легко привести к росту подозрительности и сомнений в норвежском обществе, потому что о скрытых мотивах говорится недостаточно чётко. Разрастание «закрытых стратегий», следовательно, соответствует пониманию Вебером бюрократического аппарата, в котором отдельные группы имеют собственные интересы в сокрытии сложных сторон конфликта от общественности (Weber 1971).

Применительно к Норвегии это происходит в том числе для того, чтобы избежать критики, ведущей к эскалации острых деба-

тов и возникновению «шума» в чувствительной области, которой традиционно лучше не касаться. Иначе это повысит риск возникновения внутренних разногласий и сомнений союзников в норвежской лояльности и предсказуемости в более широких областях её внешней политики. По мнению Кристофферсена, это была одна из многих причин, почему норвежские власти делали ставку на военных советников, в том числе в Ираке, Сирии, Мали и Афганистане (Kristoffersen 2018). Такие задачи, поскольку они не требуют привлечения больших воинских контингентов, могут выполняться на протяжении долгого времени. Такие задания за рубежом могут быть выполнены относительно небольшим количеством сил, что снижает износ и перерасход вооружённых сил, которые в противном случае могли быть использованы для обеспечения боеготовности и защиты норвежских приграничных районов. Эти задания также позволяют оказывать союзническую помощь для поддержки американских интересов безопасности на более низком уровне участия и привлекать меньше внимания средств массовой информации.

В то же время именно бойцы спецназа также имеют хорошие навыки действовать в одиночку и умеют выполнять задания в критических ситуациях. Это означает, что риск потерь и урона становится более приемлемым в своей стране. Но важнее всего то, что этот вклад хорошо виден в американских кругах, потому что он приносит пользу в войне с лидерами повстанцев и их организациями, одновременно помогая дружественным США режимам прийти к власти. Это особенно важно для стремления норвежских властей быть «хорошим союзником» США. Подобная стратегия может быть разумной особенно для малой страны, которая в растущей степени зависима от союзнической помощи практически в любом типе конфликта, который выходит за рамки от мирного и нормального положения в северных широтах. Придерживая спорную информацию от общественности, в том числе прибегая к участвовавшей практике проведения закрытых встреч парламентского комитета, правительство облегчает свою задачу по продолжению участия в войнах, за начало которых ближайший союзник Норвегии, США, во многом должен взять ответственность на себя. Бóльшая гласность в этих вопросах могла бы поставить под угрозу жизнь и здоровье солдат. В худшем случае это бы также превратило норвежское гражданское общество в привлекательную мишень для террористов. Потому что

любая сторона будет всегда пытаться влиять на внутривнутриполитические процессы принятия решений своим противником, с тем чтобы власти отозвали свои войска домой. Подобное испытало испанское правительство из-за терактов Аль-Каиды в Мадриде в 2004 году, которые были непосредственно направлены на предстоящие парламентские выборы, что привело к приходу к власти социалистов, а затем к выходу испанских войск из операции «Иракская свобода» (Philips 2004, Alvarez og Sciolino 2004).

В то же время склонность к секретности также приводит к искажению реальности. Потому что значение основных скрытых экстремистских и геополитических аспектов конфликта не раскрывается достаточно чётко. Главным аспектом в участии Норвегии в войне в Ираке являлась прежде всего не «война против ИГ», а, согласно заявлениям норвежских властей, «защита жизни людей» в этой стране (Wahab, Grasaas-Stavenes og Shanmugaratnam 2018). В стратегическом плане участие норвежских контингентов в «войне против ИГ» прежде всего связано с глобальным соотношением сил между США и Россией на Ближнем Востоке и с непримиримой борьбой за власть между суннитскими и шиитскими соперниками, а также турецкими, иракскими и саудовскими амбициями о приобретении большего влияния во всём регионе (Hellestveit 2017).

В конце концов, при рассмотрении вопроса о норвежском участии в такой перспективе речь идёт о том, кто будет контролировать Ближний Восток. В этой игре Норвегия является лишь маленькой пешкой. Одна из причин, которая может быть связана с «закрытой» стратегией, заключается в том, что норвежские власти обладают уникальными и востребованными средствами воздействия, о чём речь шла в предыдущей главе. Возможности разведки и спецназа особенно хорошо подходят для выявления противника и борьбы с повстанцами, которые стоят на пути американских интересов в регионе. Но хорошо ли обоснована эта форма международного участия? Была ли она должным образом рассмотрена, аргументирована и принята в скандинавском обществе, которое предоставляет одно из самых современных военных средств воздействия в мире?

С одной стороны, можно утверждать, что именно эта форма участия в зарубежных операциях позволяет норвежским и союзническим властям повышать безопасность. Ведь чтобы победить повстанцев, которые носят гражданскую одежду, не демонстрируют

своё оружие, смешиваются с местным населением и наносят удары там, где Запад наиболее уязвим, требуется больше всего работы разведки и специальных формирований, владеющих более эффективными методами, техниками и профессиональной подготовкой, чем обычные вооружённые формирования. Тот факт, что ИГ уже давно почти потерпело поражение в военном плане, что в том числе способствовало значительному сокращению в европейских городах количества террористических актов, давших самый низкий показатель с 2009 года (AFP 2019). С другой стороны, может показаться, что комбинированное использование разведки и спецназа усиливает требования к обеспечению безопасности операций и засекречиванию подлежащей защите информации. Именно потому, что «открытая стратегия» также содержит риск нанести урон «безопасности королевства». Желание обеспечить бóльшую безопасность своих сил, таким образом, происходит за счёт ущемления гласности в обществе в целом. Причина в том, что «открытые стратегии», описывающие методы, техники, процедуры и районы действий, могут раскрыть тайны, которые будут использованы противником. Одним из примеров тому могли бы послужить дебаты и разъяснения о том, что такое норвежские силы специального назначения. Потенциально это может привлечь к семьям спецназовцев и их друзей «нежелательное внимание» сторонников ИГ в Норвегии и раскрыть детали того, как действует норвежский спецназ и какие методы он использует. Это, в свою очередь, может раскрыть планы и тактическое значение фактора внезапности.

В то же время аргументы, которые подчёркивают склонность властей к «закрытым стратегиям», не должны заходить слишком далеко. Например, норвежский спецназ достаточно открыт. Так, шеф Подразделения специальных операций вооружённых сил Норвегии с 2017 года генерал-майор Тургер Гротруд позиционируется в СМИ как любящий отец семейства, который увлекается рыбалкой и грудью стоит за расширение гласности (Furrevik og Nørstebø 2017). Это также касается того, каким образом спецназ воссоздаёт афганские антитеррористические формирования в Кабуле. В соответствии с норвежской традицией, обществу представляется так называемая норвежская модель, согласно которой бойцы спецназа вызывают к себе доверие тем, что живут и спят вместе со своими афганскими коллегами. Это, по мнению Гротруда, способствует тому, что «афган-

ские полицейские подразделения [являются] одними из самых опытных в мире» (Forsvaret 2018, 43).

Другими словами, картина получается сложная. Тем не менее наметилась явная тенденция: всё больше норвежских военных усилий для того, чтобы предстать «хорошим союзником», характеризуются так называемым принципом «служебной необходимости» (*need to know*). Под этим подразумевается, что только государственные служащие в связи с обоснованной служебной необходимостью могут получать доступ к информации о том, что происходит на самом деле. Таким образом, обсуждение внешнеполитических и военных вопросов в Стортинге чаще переносится на закрытые заседания комитета. Поступление информации от правительства Стортингу сокращается, что, согласно мнению лидеров ряда фракций, граничит с «пренебрежением к Стортингу» (Grasaas-Stavenes og Shanmugaratnam 2018). Со своей стороны, норвежские власти имеют возможность, руководствуясь законом, обосновать свои действия тем, что значительная часть разработок национальной политики может быть скрыта от общественного внимания, поскольку подобная информация подлежит защите, и если она «утечёт», это может нанести ущерб безопасности государства. Данное соображение узаконивает более строгое исполнение как закона об информировании общественности, так и закона о безопасности.

Это выявляет традиционное противоречие между обеспечением секретности и гласностью, которое, по оценке Государственной счётно-ревизионной палаты, склонялось в сторону повышения секретности. Ведь после того, как деятельность некоторых наиболее защищённых государственных военных кругов теснее увязывается с разработкой политики, всё больше принимаемых оперативных решений, касающихся норвежской внешней политики в области безопасности, попадает под «закрытую стратегию».

Информирование общества и демократический контроль

Эта проблема вызывает много вопросов о том, насколько вообще возможно осуществление чёткого информирования общества при обеспечении публичного демократического контроля над деятельностью правительства. Не только со стороны общественных органов,

таких как парламентская Контрольная комиссия по надзору за службами разведки, наблюдения и безопасности (Комиссия EOS) или депутатов Стортинга, не имеющих опыта или не информированных по вопросам политики в области безопасности, не обладающих стратегическим мышлением или военной компетенцией. Но и в такой же степени от исследователей, журналистов и различных общественных движений, которые возникают под влиянием заинтересованности «большинства». Подобную заинтересованность после Второй мировой войны правительству было в основном легко учитывать потому, что в обществе в целом существовало единство в представлениях о перспективных направлениях в политике в области безопасности. Но с ростом международного участия в возглавляемых США коалиционных операциях в 2000-х годах может показаться, что уровень секретности возрос. А это вызывает растущую обеспокоенность в широких слоях населения и, в частности, выражается в повышении интереса и внимания к таким чувствительным вопросам, как норвежская политика в области безопасности и обороны, норвежско-российские отношения, «война с ИГ» и борьба с международным терроризмом.

Помимо «безопасности государства», между тем другие темы постепенно стали подпадать под режим секретности. По мнению генерального ревизора Пера-Кристиана Фосса, это выражается в том числе в отсутствии регистрации в учётах спорных и сложных дел (NTB 2017a). Примером тому могут служить попытка Министерства обороны скрыть критику Государственной счётно-ревизионной палаты и недостаточное сотрудничество с Министерством юстиции и общественной безопасности в 2017 году; продажа Министерством обороны военных кораблей в Нигерии частным полугосударственным фирмам, занимающимся вопросами безопасности, и итоги рассмотрения Министерством иностранных дел международно-правовой основы норвежского участия в войне против ИГ (NTB 2017). В этот период Министерство обороны отличилось в том числе тем, что оно было единственным министерством вместе с Министерством юстиции и общественной безопасности, которые заранее изъяли почти половину своих зарегистрированных в журналах документов из общего доступа (Riksrevisjonen 2017; NTB 2017a). Вдобавок Министерство обороны являлось тем ведомством, которое зарегистрировало в архивах наименьшее количество годовых доку-

ментов в 2016 году — всего лишь 15% по сравнению с Министерством иностранных дел (Riksrevisjonen 2017). Режим секретности также проявляется в более строгой практике правительства представления информации Стортингу. Согласно заявлению лидера Либеральной партии (с 2010 года) Трине Скай Гранде, во время 2-го кабинета Столтенберга и кабинета Сульберг утвердилась практика, согласно которой только лидеры партий в Комитете по иностранным делам и обороне могли получать информацию, хотя весь Стортинг имел на это право (Lysberg 2018). Таким образом, возрастает политический риск того, что что-то пойдёт не так в международных операциях, поскольку решения, которые лежали в основе применения силы, либо не были достаточно хорошо обоснованы, либо не учитывали общую политическую обстановку. По словам Скай Гранде, получение Стортингом наиболее широких полномочий отвечало бы интересам дела. Частично это укрепляло бы политическую способность поиска решения в случаях возникновения кризиса, в тех случаях, когда неясно, какую поддержку они могут получить со стороны Стортинга. А также потому, что, по мнению Гранде, военные, отправляющиеся на войну, должны знать, «что их поддерживает большинство партий в Стортинге» (Ibid.).

Поэтому напряжённое соотношение между гласностью и секретностью в 2000-х годах нарушает либеральную тенденцию, что, по мнению историка Ханса Мортена Сюнстнеса (2015), продолжается с 1960-х годов. Это было частично затронуто в предыдущей главе, но с 1970-х и 1980-х годов режим секретности в норвежской государственной администрации непрерывно менялся в пользу гласности и меньшей секретности. Отчасти благодаря прекращению «холодной войны» и за счёт нарушения лояльности газет к партийным идеологиям в 1980-х и 1990-х годах (Ottosen 2004). Но не в меньшей мере незаконными методами. Примером этого может послужить так называемый метод игры куча-мала, когда отдельные норвежские граждане систематически открыто собирают воедино доступную информацию и представляют более объективную картину происходящего, что потенциально может нанести ущерб безопасности королевства. Согласно мнению шефа обороны Норвегии в 1977–1982 годах Сверре Хамре, это вызывает серьёзную озабоченность, потому что «неписаное соглашение между вооружёнными силами и жителями» со временем потеряло смысл (Synstnes 2015, 405).

Но, как показывает это исследование, режим секретности в поведении властей, похоже, возвращается. Во многом это объясняется сложностью обстановки в районах операций, в которые втягиваются норвежские власти. Во многом это может также объясняться характером военных средств воздействия и методов, которые власти используют для сохранения членства США в НАТО. Масштаб этих обстоятельств сложно «оценить» с научной точки зрения, понимая под этим явную причинно-следственную связь между комплексностью районов конфликта, характером средств воздействия и используемым грифом секретности. Однако, может быть, есть основание предполагать, что военный вклад за границей, подразумевающий, «что в свою очередь и Норвегия примет союзническую поддержку, если она в этом будет нуждаться» (Forsvarsdepartementet 2016, 21), способствует большей секретности и меньшей гласности.

В то же время это не прямая линия с однозначным развитием. Ведь гласность может также быть в обществе, в котором модель управления основана на доверии между гражданином и государством и, таким образом, является как бы самим «цементирующим составом» в норвежской государственной системе управления. Согласно заключению Государственной счётно-ревизионной палаты, мало стран узаконили настолько строгую систему правил, обеспечивающих права общественного доступа к информации и контроля, как это сделала Норвегия (NTB 2017a).

Примером открытости являются три секретные службы — Служба безопасности полиции, Управление национальной безопасности и Служба военной разведки, — которые добровольно докладывают о собственных ошибках. В основном речь идёт о нарушениях порядка прослушивания разговоров норвежских граждан по мобильным телефонам. Но эти нарушения подробно излагаются в отчётах Комиссии EOS под рубрикой так называемых «фактов отклонений» (см. в том числе EOS 2018, с. 17, 42–43). По словам членов Комиссии EOS, так называемые разоблачения Сноудена в 2013 и 2014 годах, в которых большинство американских разведывательных организаций были обвинены в сборе незаконной информации в больших количествах о собственных гражданах и гражданах других стран, стали откровением для секретных служб в Норвегии. Это поспособствовало большей гласности. Не потому, что у Службы безопасности полиции или Службы военной разведки было что скрывать, напротив — в целом,

секретные службы были чрезвычайно внимательны в соблюдении правил. Скорее потому, что ни в коем случае нельзя ставить под сомнение основанный на доверии общественный контракт между секретными службами, властями и обществом, которому они служат. Поэтому обширная разведывательная деятельность США оказала весьма дисциплинирующее влияние на некоторые потенциально спорные службы в глазах норвежского общества (Heier 2019c).

В последующие годы также всё больше внимания уделялось большей открытости по отношению к обществу. На личных сайтах членов государственной администрации постоянно публикуются выступления, лекции, сообщения для прессы и парламентские документы (Regjeringen.no 2016). Благодаря этому официальная позиция правительства становится доступной для государственных служащих, исследователей, журналистов и общества в целом. Это расширяет возможности гражданского общества следить за тем, какими соображениями руководствуются норвежские власти, когда рассчитывают добиться повышения уровня национальной безопасности в обмен на экспорт военной силы за границу. Этот аспект, согласно мнению самого министра обороны, стал ещё важнее после того, как вооружённые силы в 2000-х годах стали численно меньше. Это означает, что меньшее количество жителей смогут получить представление об армии или каким-либо образом соприкоснуться с вооружёнными силами (Røksund 2018). Норвегия является одной из немногих стран в мире, в которой «гласность, широкий кругозор, уважение, ответственность и мужество» поддерживаются как основные ценности в сфере обороны (FD 2015) и где секретные службы ежегодно публикуют открытые оценки угроз для осведомления населения (Etterretningstjenesten 2018; PST 2019). Это само может содействовать гласности, особенно с учётом приоритетов и оценок, которые делаются наиболее спорными и секретными субъектами норвежской государственной администрации.

Строитель отношений или швейцар?

С одной стороны, можно также утверждать, как это делают бывшие сотрудники Министерства обороны, что всё меньше информации доводится до общественности. По словам бывшего директора

управления, прослужившего более 40 лет в оборонном секторе, Борда Бредрупа Кнутсена, действующий сейчас информационный сайт *Regjeringen.no* менее информативен по сравнению с предыдущим информационным сайтом *Odin*. В то время как последний являлся ареной, на которой госслужащие выкладывали широкий спектр документов для общего доступа, для *Regjeringen.no* более характерно продвижение политики действующего в любое время правительства (Knutzen 2018). Такое развитие объясняется тем, что изначально было желание повысить эффективность работы государственной администрации. В оборонном секторе это привело, помимо прочего, к тому, что Информационный отдел Министерства обороны, который должен был информировать общество о более широких общих вопросах безопасности, был объединён с более политизированной пресс-службой, которая непосредственно подчиняется секретариату министра.

Согласно Кнутсену, вплоть до начала 2000-х годов было «чёткое различие между тем, что являлось информацией, а что — политическим пиаром» (Ibid.). После реформ, которые изначально были экономически мотивированны, чётких различий больше не осталось. Ведь что такое в принципе общедоступные сведения и общие «факты о вооружённых силах»? И что такое политически мотивированное содержание, которое, в сущности, предназначается для того, чтобы представить политику отдельного министра в наилучшем свете в глазах общества? В таком случае правительственный информационный канал может прежде всего выглядеть как попытка продать обществу какое-то послание или определённую политику. В этом случае стремление содействовать большей гласности, честности и неприукрашенной информации подавляется.

Это сочетание политических посланий и общей информации подчиняется модели, в рамках которой количество сотрудников в отделах по связям с общественностью в министерствах в промежутке между 2003 и 2013 годами увеличилось в два раза (Johansen 2013). Представителю оборонного сектора эта категория госслужащих может прежде всего служить свидетельством желания реагировать, а не активизировать разъяснительную работу в интересах общества. Под этим подразумевается, что первоочерёдные задания заключаются в том, чтобы реагировать на публикации в СМИ и защищать политику министра и правительства от критики. Вместо активного

распространения документации о том, какие возможности и трудности возникают у норвежских властей за границей, основные силы идут на опровержение отдельных заявлений и журналистских расследований, проводимых различными средствами СМИ (Knutsen 2018).

Это впечатление также находит поддержку в фундаментальном исследовании, проведённом Норвежской школой бизнеса и Университетом Осло. В нём утверждается, что отдел по связям с общественностью Министерства обороны в большой степени выглядит для внешнего мира как «активный швейцар» (Bjørnholm 2013). Вместо того чтобы поддерживать связи министерства с общественностью, в том числе информируя руководителей, принимающих решения, о настроениях в обществе, указанный отдел не проявляет никаких признаков того, что Министерство обороны стремится к «систематическому сближению с группами по интересам, что является их непосредственной задачей»; в данном случае это депутаты Стортинга, СМИ и жители страны (Ibid.). Это также отмечается и в других министерствах, в которых эксперты по связям с общественностью «не допускаются к участию в планировании дальнейшей стратегической работы». Но когда политическое послание составлено и цели определены, им поручается донести это до общественности (Stenerud 2013). Метод осуществления норвежскими властями своих властных полномочий, похоже, внешне основывается на культуре гласности, которая в действительности, кажется, поставлена в более жёсткие рамки.

Таким образом, может показаться, что в балансе между гласностью и секретностью есть нечто двусмысленное. С одной стороны, власть идёт навстречу общественным ожиданиям о возможности контроля и гласности, в том числе путём демонстрации основных либеральных ценностей, публикации открытых оценок угроз и ведения сайтов с общедоступной информацией. Но с другой стороны, политические послания перемешиваются с более объективной и документальной информацией. Это является демократическим парадоксом, который во многом противоречит «гибкой» политике, которую, среди прочих вопросов, исследовал Сигурд Аллерн в работе, в которой рассматривал понимание журналистской коммерциализации несколько лет назад (Allern 2012). Он, в частности, утверждал, что «советники по связям с общественностью превратились в инструмент политического руководства. Это связано с тем, как изменялась политика. Символи-

ческая политика играет всё бóльшую роль. Высказывать своё мнение и отвечать на вопросы о каких-то делах в СМИ стало столь же важно, как и их исполнение» (NTB 2011).

Однако эмпирическая основа этого и предыдущая глава показывают нечто иное: недостаток гласности является признаком того, что власти не хотят находиться в поле зрения общественности. В работе над тем, чтобы представить Норвегию «хорошим союзником», может показаться, что власть более охотно прибегает к использованию стратегий, о которых сложно информировать общество и которым будет сложно получить широкую поддержку в том, что норвежские власти в качестве платы за сохранение членства США в НАТО должны отправлять за рубеж своих лучших женщин и мужчин для поддержки США в войнах, за начало которых американские власти уже давно должны сами нести ответственность. Это одна из тёмных и неприятных сторон роли «хорошего союзника»: малое государство быстро оказывается в ловушке (Snyder 1984) в войнах, в которых, строго говоря, не имеет иного интереса, кроме проявления солидарности с единственной страной в мире, которая может защитить Норвегию в конфликте с Россией.

Нарушение исторических моделей

Таким образом, кажется, что в последние годы уровень режима секретности создаёт модель, отличающуюся от тех базовых черт развития, которые, по определению Ханса Мортена Сюнстнеса, наблюдались в период 1945–2002 годов. Ведь если, по мнению Сюнстнеса, в основе развития тогда наблюдалось постепенное расширение гласности, что в первую очередь касалось безопасности страны, практика во время проведения операции «Непоколебимая решимость» показывает нечто иное. Речь в обзоре Сюнстнеса прежде всего шла о событиях, которые бросали вызов соблюдению режима секретности вокруг норвежских планов обороны и военных объектов на собственной территории, которые имели прямое отношение к «безопасности государства». Это относилось, например, к магистерской диссертации Андерса Хеллебуста о финансируемых США навигационных системах *Loran-C* и *Omega* в Норвежском море и последующих обвинениях в нарушении конфиденциальности Бергом Фюрре и Финном Густав-

сеном по тому же делу. Сюда же следовало отнести откровения Свейна Лавика Блиндхейма о норвежских агентах на советской территории, которые засылались через Финляндию. Речь шла и о списках Ивара Йохансена о станциях и служащих, которые работали на секретные службы с норвежской территории. Это также включало публикацию редактором газеты *Klassekampen* («Классовая борьба») Финном Шу засекреченных документов НАТО, касающихся союзнических учений в Норвегии, и обнаружение Нильсом Петтером Гледичем и Оуэном Уилксом разведывательных установок на территории Норвегии, которые занимались шпионажем против Советского Союза. Наконец, речь шла также о книге Кристиана Кристенсена «Секретная Норвегия», которая детально раскрывала норвежскую подготовку на случай оккупации и данные о сотрудниках Разведывательной службы вместе с разоблачением газеты *Ikkevolds* («Ненасилие») о наличии норвежской подслушивающей станции на острове Аннёйя (Synstnes 2015).

Тем не менее режим секретности, о котором идёт речь в этой главе, не может оправдываться норвежскими условиями. Поэтому необходимость соблюдения режима секретности объясняется исходя из новых условий, с учётом которых свобода действий норвежских властей в 2000-х годах оказалась ограниченной и в силу которых власти должны инвестировать больше средств в собственную безопасность за пределами своих границ. Тем самым регионы, где норвежским властям приходится действовать, а также средства и методы, используемые при этом, являются более чувствительными и, следовательно, сложными для информирования общества. Из этого следует, что многое из того, что власти предпринимают в работе по обеспечению «безопасности государства», как это ни парадоксально, попадает под понятие «закрытая стратегия». Главная скрытая причина этого развития — наличие «слона в посудной лавке» — объясняется неудачным ведением военных действий Соединёнными Штатами, что, в частности, способствовало расширению, эскалации и затягиванию военных операций в Афганистане, Ираке, Сирии и Ливии. Этот момент систематически замалчивался норвежскими властями, и он всё больше подтверждает правоту бюрократической модели Вебера, в которой чиновники имеют собственный интерес не выставлять себя или своих политических лидеров в плохом свете (Weber 1971).

Тем самым повышение секретности можно рассматривать как часть более широкой тенденции в современном государственном

управлении. «Самореклама» и *разработка брендов* находящегося у власти политического руководства используются в качестве защиты или «пограничного стража» по отношению к острому взгляду СМИ (Vjørnholm 2013). В поиске оправдания законности своих действий норвежские власти пытаются приглушить всё сложное, спорное и неприятное. Вместо того чтобы информировать население о политических различиях между противоречивыми взглядами и пересекающимися интересами, выстраиваются министерские «укрепления» для ответа на критику со стороны общества. Эта находка попадает в категорию «неоправданная секретность». Эту находку можно понять в свете норвежской традиции принятия решений на основе консенсуса, которая на протяжении истории была вызывающей споры темой (Løvold 2002), а именно: в какой степени Норвегия должна принимать участие в ведении войны великих держав за пределами своих границ. Поэтому выражение «в единстве сила», кажется, очень точно подходит в этом случае. Особенно это касается малого государства, которое, имея очень мало пространства для манёвра, вынуждено выходить в мир и бороться плечом к плечу со своими ближайшими союзниками.

Это осознание реальной политики расширяет рамки того, что мы можем называть хрупкой секретностью. Под ней подразумевается, что консультанты, высшее руководство и руководители среднего звена намеренно или непреднамеренно при решении вопросов накладывают на себя обязательства о том, что именно из имеющейся у них информации, знания обстановки и перспектив её развития подлежит оглашению. Хрупкая секретность не может быть оправдана, потому что она не информирует население о сложных выборах и проблемах, стоящих перед политическими и военными деятелями, принимающими решения в ходе зарубежных операций. Эти проблемы затрагивают каждого из нас, но не раскрываются государственной администрацией, которая для остальных представляется закрытой и недоступной (Egeland 2016; Gjørv, Berg Harpviken og Ulriksen 2018; Vørresen 2018). И не потому, что существует нехватка информации, которая становится известной из речей, докладов и отчётов политического руководства. Совсем наоборот. Для норвежских властей, особенно в оборонном секторе, «реальная гласность» является главной обязанностью. Как говорила бывший министр обороны Сёрейде, ещё есть «возможности для расширения гласности в рам-

ках, установленных законом», и этот аспект стал особенно важным, так как «политики [...] периодически оказываются не в состоянии признать, что совершили ошибку» (Søreide 2014).

Однако если критика всё же появляется, это объясняется тем, что информация является односторонней, лишённой нюансов и упрощает важные проблемы, которые актуальны для журналистов, исследователей и интересующихся общественной жизнью граждан. Этот вывод подкрепляется заключением Государственной счётно-ревизионной палаты, в котором подчёркивается, что «администрация иногда сознательно задерживает или даже избегает регистрации в журналах и архивах документов для того, чтобы не допустить утечки информации по противоречивым вопросам. Ведь несмотря на то, что норвежское государственное управление занимает одно из первых в мире в сфере публичности и контроля, «...на практике оно всё же не полностью выполняет предписания закона» (NTB 2017a).

Поэтому заключение, которое можно вывести из этой главы, сводится к тому, что рост секретности в меньшей степени мотивируется законным обеспечением безопасности государства, как было в случае с периодом между 1945 и 2002 годами (Synstnes 2015). Когда ставится вопрос о практике применения законов, это скорее обусловлено развитием норвежских зарубежных операций, которые воспринимаются как спорные, болезненные или даже тщетные, и именно поэтому всё меньше их частных могут выдерживать «дневной свет». Потому что норвежские власти, исходя из желания быть «хорошим союзником», вынуждены участвовать в зарубежных операциях, совершенно не имеющих какого-либо военного решения, но в которых предоставляемые военные средства воздействия — подразделения служб разведки и спецназа — являются важным вкладом в борьбу с повстанческими движениями в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Вклад Норвегии наносит её «на карту» американских президентов и министров обороны, которые с высокой степенью признательности заключают, что Норвегия является страной, которая «выступает выше своей весовой категории» (Gates 2011; Korte 2016). В том числе это нашло отражение во время визита в Норвегию министра обороны США Эштона Картера в 2016 году, когда он сказал, что министр обороны Норвегии входил в его «ближайший круг» при принятии решений о том, как атаковать ИГ в Сирии и Ираке (Pellerin 2016).

Групповое мышление

Исходя из выражения «хрупкая секретность», можно предположить, что критика Государственной счётно-ревизионной палаты может быть связана с самоцензурой и групповым мышлением в собственных рядах. Это касается высшего чиновничества как в государственном аппарате, так и в вооружённых силах. Под понятием *групповое мышление* подразумевается, что сотрудники, которые являются изначально отобранной, достаточно хорошо образованной, обладающей большими возможностями и имеющей большой управленческий опыт группой людей, начинают отказываться от своих независимых взглядов в пользу желания придерживаться консенсуса. Страх наказания в форме плохой служебной аттестации, неприятных контраргументов или «мало конструктивного настроения на работе» отпугивает сотрудников от высказываний, которые в противном случае были бы разумными.

Эту форму группового мышления норвежский философ и профессор социальных наук Юн Эльстер называет «плюралистическим невежеством». Это ослабляет способность воспринимать критику и вынуждает чувствовать себя униженным, а именно со знанием того, что собственные оценки и решения задним умом могут оказаться плохо продуманными (Elster 2007). Умалчивание противоположных мнений становится неофициальной нормой, которая ценится потому, что лояльность, единство и общность являются несущими принципами в любой государственной бюрократии, и не в меньшей степени — в самой дисциплинированной, конформистской и лояльной среде норвежской государственной администрации и вооружённых силах. Этот феномен присущ не только Норвегии. Групповое мышление может иметь чрезмерно большие последствия, как в случае до вторжения в Ирак в 2003 году:

Когда они [военные лидеры Пентагона] знали, что план трещал по швам, видели, что разведка искажила информацию для обоснования войны или свидетельствовала, что высокомерное государственное управление в низшем звене наносило вред военной эффективности, многие руководители в погонах предпочитали бездействие... в то время как другие по-прежнему думали, что принцип подчинения не допускает неуважительного инакомыслия. Последствием молчания

военных было то, что в корне испорченный план для придуманной войны был исполнен, а преследование реального врага — Аль-Каиды — превратилось во второстепенную задачу (Newbold 2006).

Это, как ни парадоксально, является одной из причин того, что операция «Иракская свобода» (2003–2011) сегодня заменена на операцию «Непоколебимая решимость», в рамках которой норвежские и союзнические власти работают в поте лица над тем, чтобы стабилизировать положение в Ираке, помешать росту иранского и российского влияния, а также бороться с организацией ИГ, которая переродилась из территориального в подпольное движение. Групповое мышление усиливается тем, что госслужащие в Министерствах иностранных дел и обороны, а также отдельные подразделения Службы безопасности полиции, Управления национальной безопасности, Службы военной разведки и вооружённых сил в целом получают собственную выгоду от соблюдения режима секретности (Vørresen 2018). Частично, чтобы продвигать право на существование собственной организации за счёт получения растущих бюджетных средств и многолетних планов работы. Но также потому, что они заинтересованы в соблюдении принципа лояльности, как он закреплён в законе о государственном служащем, а именно, быть лояльным по отношению к действующему политическому руководству и помогать скрывать ошибочные оценки и заминать спорные действия.

Это может быть также обусловлено отсутствием должного знания, как следует понимать, трактовать и применять законы о безопасности, государственном служащем и о публичности. Недостаток знаний в этой области означает, что служащие Министерства обороны сами имеют склонность засекречивать информацию, которая препятствует гласности и которая могла бы способствовать появлению альтернативных перспектив и взглядов помимо «политкорректных истин» (Stai 2018). Это, в свою очередь, способствует укреплению в госучреждениях институциональной самоцензуры, понимаемой как чрезмерное стремление засекречивать информацию. Частично это объясняется существующей логикой отношения к режиму безопасности, когда ограждение информации от общественного контроля законно, потому что это уменьшает собственную уязвимость по отношению к противнику, который охотно бы воспользовался ею для собственной выгоды. Но это также может объясняться тем, что

не существует стимулирующих положений, которые бы поощряли гласность и наказание за самоцензуру и групповое мышление. Скорее наоборот. Самоцензура за счёт преувеличенного засекречивания не имеет последствий. «Недостаточное засекречивание», напротив, может иметь большие личные и общественные последствия. Пока что нет стимулов, которые бы способствовали более трезвому отношению к засекречиванию. Также такие стимулы не появятся за одну ночь. Во-первых, потому что Россия всё более уверенно утверждает себя в собственных приграничных районах. Во-вторых, потому что США в период администрации Трампа ведут себя более непредсказуемо в работе над продвижением своих национальных интересов за счёт других. Поэтому для Норвегии важна всего одна вещь: более строгие требования к межпартийному консенсусу и больше лояльности в рядах государственных служащих.

Глава 8

СТАЛА ЛИ НОРВЕГИЯ БОЛЕЕ ОПАСНОЙ?

Целью заключительной главы является подведение итогов анализа. Мы сделаем это, чтобы получить новые знания: частично о ходе развития норвежского мышления по проблемам безопасности в 2000-е годы и отчасти о том, как норвежская оборона используется в обеспечении безопасности в отношениях с США на западе и Россией на востоке. Мы также можем сказать нечто более обобщённое о том, насколько Норвегия стала более опасной или наоборот — как сосед, союзник и ответственный за безопасность своих жителей субъект. Вывод будет сделан путём заострения внимания на трёх основных дилеммах, которые были представлены в 1-й главе и речь о которых шла более подробно в главах 4 и 5: так называемые дилеммы зависимости, безопасности и эскалации. Затем эти выводы будут поставлены под сомнение путём рассуждений с приведением контраргументов с особым вниманием на решения и их выбор, которые были приняты на рубеже веков. В конце мы изложим заключительный вывод о том, стала ли Норвегия действительно более опасным действующим лицом в собственном регионе.

Оценки вытекают из вечной дилеммы, которая была представлена в начале книги. Большим вопросом является то, как малые государства, подобные Норвегии, могут достичь наибольшей безопасности, сотрудничая с США по вопросам обороны, и одновременно не провоцировать ответные меры с российской стороны. Как известно, на этот вопрос невозможно дать однозначного ответа. Однако если

выделить основные моменты главного заключения, их можно свести к четырём выводам. *Во-первых*, решения, которые были приняты в начале 2000-х годов о сворачивании самостоятельной национальной обороноспособности в самом начале конфликта, для того чтобы высвободить средства для усиления воинских подразделений, которые смогли бы максимально повысить в глазах США значимость НАТО, были недальновидными. *Во-вторых*, сделав НАТО главной путеводной нитью в развитии вооружённых сил за счёт создания так называемых *совместимых и дополнительных возможностей*, ослабило способность принимать самостоятельные национальные решения, касающиеся российско-норвежских отношений в пограничном районе. Это не касается случаев, когда угроза войны между США и Россией была большая, поскольку такие конфликты никогда не находились под норвежским контролем. Ослабление обороноспособности произошло на низшей стадии развития конфликта, когда урегулирование даже небольших инцидентов, эпизодов и кризисов было передано в руки США. *В-третьих*, выстраивание стратегии, основывающейся на продолжительных зарубежных операциях в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, привело к систематическому и долгосрочному перерасходу скудного оборонного ресурса, который со временем стал неспособным выполнять свою миссию. После аннексии Крыма это создало вакуум на Севере, и он был заполнен США и Россией, потому что Норвегия сама сделала такой выбор на рубеже веков. *В-четвёртых*, норвежская свобода манёвра почти исчезла. Долгосрочные и стабилизирующие линии в послевоенной норвежской политике безопасности, которые состоят в балансировании между США на западе и Россией на востоке, нарушены. Норвежские власти, не задумываясь о результатах, постепенно становились более склонными к более наступательному и соревновательному антагонистическому мышлению, в соответствии с интересами военного гегемона на западе.

Другими словами, эти четыре вывода означают, что для норвежских властей характерно бессилие, даже в регионе, являющемся самой важной стратегической областью Норвегии, — в северных районах. Бессилие не позволяет допускать сбалансированные отклонения между умиротворяющей стратегией с принятыми самоограничениями по отношению к России и одновременным желанием быть «хорошим союзником» США. Главной проблемой кажутся недоста-

точная национальная обороноспособность и основополагающий страх того, что НАТО не придёт на помощь во времена кризисов, — что повышает значение США. Когда желание диалога, сотрудничества и переговоров не может подкрепляться внушительной военной силой, трудно быть щедрым, любезным и конструктивным. В таком случае норвежские намерения с российской точки зрения легко могут рассматриваться как очевидные признаки слабости и уступчивости.

Тем самым слабость на «домашней арене» делает примирительную стратегию рискованной и, возможно, безответственной. Это связано с тем, что не существует достаточно прочной национальной резервной системы управления ни для ведения диалога по вопросам безопасности с Россией, ни для того, чтобы воспрепятствовать США в заполнении норвежского вакуума сил на севере. Когда нет этих возможностей, также исчезает и способность самостоятельно балансировать между «кнутом и пряником»: между сдерживанием и умиротворением или, другими словами, между угрозами наказания и надеждами на поощрение. Вакуум на севере, который постепенно возникал после Грузино-осетинского конфликта и аннексии Крыма, был вместо этого заполнен двумя соперничающими великими державами. В связи с таким развитием уровень безопасности в отношениях между США, Россией и Норвегией понизился. Это делает опаснее США. Это делает опаснее Россию. И для тех, кто живёт в Норвегии, это означает, что норвежские власти становятся для них опаснее, несмотря на то что власти явно делают всё, что могут, чтобы население чувствовало себя надёжнее. Но, как показывает данная книга, это также означает, что более сильная военная поддержка со стороны США совсем не обязательно обеспечивает бóльшую безопасность по отношению к России.

США и дилемма зависимости

Основная проблема — в том, что зависимость от американских вооружённых сил в российско-норвежских пограничных областях проявляется уже на ранней стадии кризиса. Таким образом, небольшие инциденты, спорные моменты и кризисы между Норвегией и Россией больше не могут быть лишены драматизма или предот-

вращаться без того, чтобы соперник России был бы быстро вовлечён с норвежской стороны. Это действительно может способствовать большому сдерживанию российской стороны, но это также приводит к ненужной милитаризации и к соперничеству великих держав. Эта активность также происходит и на норвежской территории, и она делает гражданское население более уязвимым. Потому что критически важная общественная инфраструктура, обслуживающая норвежских граждан, приобретает большое значение для американских мероприятий — и для последующих за этим российских ответных действий.

Причина норвежского бессилия возникла в результате проведения военных реформ на рубеже веков. В то время политики и чиновники в Министерстве обороны хотели сделать НАТО максимально значимым для США. Это был взгляд, который нашёл отклик практически у всех политических партий. Такая стратегия была понятна, потому что Норвегия никогда не была в состоянии защитить себя в случае конфликта великих держав на Европейском континенте. Но спустя некоторое время оказалось, что эта реорганизация зашла слишком далеко. Было высвобождено слишком много свободных средств, которые должны были использоваться на создание меньших по численности, но более дорогостоящих воинских контингентов, лучше приспособленных для использования в операциях за границей. Односторонний курс на повышение качества, а не на увеличение количества и отсутствие желания платить за численность вооружённых сил, необходимую для поддержания минимальной обороноспособности страны, тем самым лишил власть важнейшего дипломатического средства воздействия в контактах с Россией: способности подкреплять свои слова силой.

Это объясняется тем, что норвежские вооружённые силы — которые, собственно, предназначались для обеспечения национальной безопасности и противодействия российскому давлению на севере (FS 2000) — также должны были использоваться для того, чтобы участвовать в защите американских интересов безопасности на юге. Если Норвегия не предоставит вооружённые силы там, где США это больше всего нужно, как в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, сама опора обороны Норвегии — НАТО — быстро потеряет своё значение в глазах США. Поэтому, оказавшись перед выбором: поддержание значения НАТО для США или риск того, что НАТО

постепенно распадётся, у норвежских властей не оказалось никакого иного пути, кроме как участие под американским командованием в операциях за границей. Как мы указывали ранее, это объясняется тем, что норвежские воздушные, морские пространства и сухопутные территории слишком большие по отношению к численности населения. Поэтому норвежские власти вынуждены высоко ценить помощь из-за границы, чтобы защитить себя от возможного российского давления. Предоставление такой помощи должно готовиться в мирное время, чтобы она была реализована в случае кризиса или войны, и лучшим способом её подготовки, несмотря на отсутствие практического подтверждения этому, является предоставление военной помощи США там, где им это нужно. Это известный феномен, который часто определяется как *stand up and be counted*¹!

Однако продолжительный перерасход сил, которые требуются для этой стратегии, подрывает свободу национальных действий визави с Россией, так как у политиков отсутствует желание платить за бóльшую численность вооружённых сил и их более высокую обороноспособность. Это увеличивает зависимость от США не только в случае, когда на носу предстоящая война. Более важно, что такая зависимость сказывается и в мирное время. С российской точки зрения это делает Норвегию более опасным игроком. Объясняется это тем, что малое государство на севере активно способствует переброске американских воздушных, морских и сухопутных сил всё ближе к районам, в которых расположены воинские контингенты, обладающие стратегической возможностью нанесения второго удара. Тем самым возрастает вероятность того, что норвежская территория будет использована для проведения массовых американских разведывательных операций, авиапатрулирования и рекогносцировки военных объектов в районе Баренцева моря.

С американской точки зрения Норвегия также стала более опасным игроком, поскольку норвежские власти могут быть более склонными к вовлечению США в напряжённые ситуации, для урегулирования которых Норвегии следовало бы иметь собственные возможности. Но поскольку такие возможности у неё не проявляются, нужно совсем немного для того, чтобы американские силы оказались вынужденными «показать свой флаг», «вступить в игру» и действо-

¹ Открыто высказываться в поддержку (англ.).

вать в соответствии с принципами заблаговременного сдерживания с более основательными силами, чем те, которыми обладает Норвегия. Это не предполагает, что США обязательно желали бы создать напряжённую ситуацию в северных районах. Скорее наоборот, ведь если уже происходят конфликты в других частях света, как на Ближнем Востоке или в Южно-Китайском море, дополнительное американское участие в действиях на севере потребует новых американских ресурсов, которые в противном случае могли бы использоваться в других местах. Тем не менее в этом случае США будут чувствовать себя вынужденными поддержать норвежские силы. Если они этого не сделают, Осло, Москва, Варшава, Таллин и Рига быстро поставят под вопрос надёжность США как военного гаранта безопасности в Северной Европе. Другими словами, не только малые государства рискуют оказаться вовлечёнными в кризисы, созданные близкими союзниками за границей. По словам бывшего в 1945–1952 годах министром обороны Норвегии Йенса Кристиана Хауге, малые государства тоже разрабатывают стратегии, которые имеют цель поймать «США на крючок» (Hauge 1981).

Эта стратегия, в которой норвежские власти более или менее добровольно позволяют США брать на себя больше задач по обеспечению национальной обороны Норвегии, может действительно создать у норвежских властей чувство безопасности. Потому что норвежская и американская безопасность могут рассматриваться как «неделимое благо». Но такое понимание может также сделать норвежские воздушные, морские пространства и сухопутные территории, имеющие военное значение, более интересными для российской разведки и оборонного планирования. На это также указывается в заключении Управления национальной безопасности, которое в 2018 году утверждало, что так называемые угрожающие страны провели «целенаправленные разведывательные операции» против норвежской критически важной общественной инфраструктуры, включая «...рекогносцировку и картографирование, взлом инфраструктур (включая неавторизированный доступ к данным и информации) и установление командных и контрольных серверов в Норвегии (NSM 2018, 10). Эта деятельность является явным выражением роста российского внимания. Не только к наиболее уязвимым местам в норвежской цифровой инфраструктуре, но также к одному из важнейших мест в норвежской обороноспособности.

Подобная активность отвечает не только российской потребности в информации о том, что происходит по другую сторону границы. В равной мере в результате этого возникает неуверенность среди норвежского населения. Так происходит потому, что критически важная общественная цифровая инфраструктура, которая предназначена для стабильного предоставления населению основных услуг, рискует быть в напряжённых ситуациях подвержена российскому воздействию. В результате может оказаться, что норвежские власти сами стали более опасным фактором для собственного населения.

Россия и дилемма безопасности

Другая причина, которая может объяснить, почему Норвегия стала более опасным игроком, заключается в зависимости от США. Из-за того, что американские воинские подразделения даже в мирное время должны помогать норвежским властям повышать их собственную безопасность, Россия видит в этом потенциальную угрозу для себя. Поэтому Россия наращивает своё военное присутствие в прилегающих к Норвегии районах, что, в свою очередь, приводит к новым ответным мерам с норвежской стороны. Эскалация по обе стороны границы приведёт к тому, что как Россия, так и Норвегия достигают ослабления, а не укрепления безопасности. Это парадоксально, так как намерения обеих стран изначально были противоположными, а именно достичь большей безопасности государства и граждан. На самом деле обе страны укрепили бы свою безопасность, если бы одна из сторон перестала наращивать вооружение. Но так как Россия наращивает вооружение на востоке, Норвегия позволяет США наращивать вооружение на севере. Таким образом, сама Норвегия также становится опасным действующим субъектом, потому что власти придерживаются стратегии «отражать силу силой» на важном северном фланге НАТО. В соответствии с классической логикой *tit-for-tat* (взаимности), зарождается тем самым растущая дилемма безопасности в районе российско-норвежской границы.

С российской точки зрения угроза резко возросла с 2014 года. Это произошло потому, что власти в Москве посчитали для себя неприемлемым «сидеть сложа руки» и смотреть, как Украина выходит из-под российского контроля вместе с российским Черноморским

флотом и военно-промышленным комплексом Севастополя. Если бы Украина стала членом ЕС, то не прошло бы много времени, когда она также стала бы полноправным членом НАТО. Тогда Крымский полуостров превратился бы в важный плацдарм для американских сил, которые в кратчайшие сроки могли бы парализовать большую часть российской обороноспособности (Sakwa 2015). Это бы создало совершенно новую ситуацию по вопросу безопасности Южного военного округа России, штаб которого располагается в Ростове-на-Дону, потому что американские воздушные, морские и сухопутные силы получили бы быстрый доступ к российским районам снабжения, командным и контрольным структурам и оборонительным сооружениям прямо по другую сторону границы. Несмотря на то что российская аннексия была реакцией на непредвиденный кризис в Киеве — чтобы ограничить ущерб, понесённый из-за того, что Украина вышла из российской сферы интересов, — она также снизила безопасность России.

Но вместе с этим также возросла угроза Норвегии и остальным странам Северной Европы, потому что аннексия Крыма напугала малые буферные государства, расположенные вдоль западных границ России, и заставила их думать о безопасности скорее в относительном, нежели в абсолютном понимании. Вместо того чтобы принять тот факт, что собственная безопасность неразрывно связана с безопасностью России, стратегии малых государств можно скорее рассматривать как антагонистическую игру: эти малые государства, находящиеся дальше к востоку, стремятся к безопасности, в том числе за счёт большего сотрудничества с США. Это, в свою очередь, привело к увеличению присутствия американских контингентов поблизости от российских границ в Балтийском море и в северных регионах. Исключительно эта форма мышления о проблемах безопасности является по-человечески понятной; угрозы часто субъективно обусловлены и основываются на наблюдениях, которые часто связаны с ранее полученным опытом и историческими событиями. Примером могут послужить усилия норвежских властей по оказанию влияния на принятие Великобританией решения о возобновлении её воздушного, морского и сухопутного военного присутствия в северных регионах (Olsen 2017; UK Parliament 2017a; UK Parliament 2017b). Другим примером может быть восстановление Второго флота ВМС США, упразднённого в 2011 году, но который в 2018 году был

подготовлен к «Четвёртой битве за Атлантику» против российских воздушных и военно-морских сил в акваториях вдоль норвежского побережья до Баренцева моря (Woody 2017, AP 2018, Horton 2018), поскольку, по мнению норвежских властей, Россия стала более опасным игроком. Опыт нападения Германии на Норвегию 9 апреля, а также «холодная война» показали, что лучшей формой противодействия этому будет возобновление планов по укреплению обороны и боевой готовности в Северном море и Атлантическом океане.

Но в то же время такие норвежские меры по обеспечению обороны способствуют тому, что Россия также смотрит на Норвегию как на опасного игрока. Так происходит потому, что российские власти в возрастающей степени должны готовиться к возможным американским операциям в северо-западном углу Европы. Другими словами, большее количество американских сил у российских границ привело к потребности более частого проведения учений и повышению военной подготовки с российской стороны. В этой связи, чтобы противостоять тому, что Россия сама воспринимает как угрозу, войска стали чаще подниматься по тревоге с участием большого количества воинских частей. Когда они мобилизуются в одно и то же время в различных частях страны, достигается «шоковый эффект», который сам по себе оказывает значительное влияние на буферные государства на западной границе. Усиленное американское военное присутствие в Финнмарке, Тромсё и Трёнделаге, наряду с базированием подлодок и авианосцев в прилегающих портах вместе с самолётами берегового патрулирования, охотящимися за подлодками в воздушном пространстве над морем, относится к более драматичным формам коммуникации с российской стороной. Это отчасти находит выражение в форме незаявленных больших учений против норвежских городов в губерниях Нурланн, Трумс и Финнмарк (Lindborg 2016; Stiberg 2016, 38). Это также проявляется в большем количестве учений в виде симуляции нападений на оборонительные сооружения в городах Вардё, Киркенес и Будё. Отчасти это также находит выражение в виде симулирования нападений на корабли союзнического военно-морского флота, которые проводят учения в Норвежском море к северо-западу от острова Сенья, а также путём нарушения работы GPS гражданской авиации в Финнмарке и испытания ракет вблизи норвежской границы территориальных вод в южных районах Норвежского моря.

Таким образом, Норвегия и Север в целом получают меньше безопасности, поскольку Норвегия сама с точки зрения России создаёт условия для более быстрых перебросок союзнических сил в главный район действий Северного флота. Это привело к тому, что Норвегия стала рассматриваться более опасным игроком в этом регионе; игроком, против которого будут планироваться и готовиться военные меры на случай кризиса и возможной войны. Как это ни парадоксально, но российское видение такой перспективы развития обстановки также поддерживается Службой военной разведки, которая заявила, что норвежские власти сами выстроили политику, на которую явно реагируют российские власти (Lunde 2018).

Вооружённые силы и дилемма эскалации

Третья причина, по которой Норвегия может казаться опасной, связана с дилеммой эскалации. Возможно, несмотря на наличие серьёзных слабостей в собственных рядах, более рационально наращивать кризисы, чем предотвращать их? Поскольку в этом случае, если проводить политику, направленную на проявление осторожности, она за несколько дней приведёт к подрыву обороноспособности. Это произойдёт потому, что воинские части должны будут находиться в состоянии круглосуточной боевой готовности для её демонстрации и своего присутствия на большой территории. Но с течением времени их оперативность постепенно исчезнет из-за нехватки личного состава для ротации, новых запасных частей, средств обслуживания или систем логистики и поддержки, которые смогут «держат колёса на ходу». Для малых государств, более слабых в военном плане и страдающих от недостатка выносливости, поэтому может быть более выгодно оказаться в ситуации, которая требует быстрого прояснения обстановки, в том числе путём быстрой и интенсивной эскалации кризисной ситуации (FS 2000). По этой причине может быстро возникнуть вооружённый конфликт, который будет достаточно большим, чтобы вынудить быстрое появление американских воинских контингентов на норвежской стороне вблизи границы (Diesen 2013).

Парадокс в том, что подобная наступательная логика возникает тогда, когда норвежские власти на самом деле заинтересованы

в обратном: а именно — избежать конфликта, так как собственные силы гораздо слабее российских. Тем не менее национальные слабости и основные уязвимости в собственных рядах делают так, что сами уступающие в силе стороны становятся более склонными к эскалации кризисов, а не к их мирному предотвращению. В этом смысле можно утверждать, что Норвегия стала более опасным игроком по отношению к России, к США и даже к собственному народу. По отношению к России — из-за того, что власти стали более склонными к созданию более крупного конфликта из-за страха остаться один на один при конфликте с превосходящей силой на востоке. По отношению к США — потому, что американские власти будут скорее втянуты в кризисы, на урегулирование которых у норвежских вооружённых сил должно было бы хватить своих возможностей. И, наконец, по отношению к собственному населению, которое достаточно естественно скорее привлечёт к себе российское внимание после того, как появилась угроза по другую сторону границы. Поэтому поиск баланса между проявлением принципиальной решимости и желанием избежать провоцирования неконтролируемой эскалации «являлся одной из сложнейших задач норвежской политики урегулирования кризисов» (Solstrand 1987, 2).

Противоречащие фактам оценки

Несмотря на то что Норвегия является мирной нацией, великой гуманитарной державой и «хорошим союзником», может показаться, что Норвегия стала опаснее — для России, для США и для собственного населения. Фактическое обоснование этого и его интерпретация могут быть проверены путём тщательного рассмотрения деталей. Но такая проверка должна также обратить внимание на ряд противоречащих фактам условий того, что могло бы быть альтернативой этому. Можно ли было избежать дилеммы безопасности, если бы норвежские власти не отвечали на российское наращивание сил на севере? Смогло бы сокращение норвежских контингентов, участвующих в зарубежных операциях, уменьшить нежелательные последствия дилеммы зависимости норвежской безопасности от США? И уменьшило бы в таком случае риск того, что норвежские силы стали бы более склонными к наращиванию кризисов, кото-

рых можно было бы избежать в противном случае? Ответы на эти вопросы — да. Но ответ «да» не то же самое, что утверждать, что этих дилемм можно было избежать. «Да» означает лишь то, что риск нежелательных последствий мог бы быть сокращён. Этому можно найти два обоснования.

Во-первых, риск нежелательной дилеммы безопасности мог бы быть сокращён, если бы норвежские власти решили учитывать российские интересы безопасности в северных районах. Это прежде всего касается потребности в том, чтобы дать российским вооружённым силам на Кольском полуострове больше стратегического времени для заблаговременного обнаружения угроз, с тем чтобы российская сторона могла избежать необходимости повышать свою готовность или отрабатывать ответные меры в виде повышения качества профессиональной подготовки, образования и увеличения количества учений — а также упреждающих ударов по целям в Норвегии — против возможных противников, которые захотели бы использовать норвежские воздушные, морские пространства и сухопутные территории в качестве плацдарма для сосредоточения войск и подготовки нападения. В таком случае восточному соседу не нужно было бы беспокоиться об опасности внезапного нападения в случае обострения кризиса. С точки зрения Запада это может выглядеть паранойей, поскольку Россия является самой большой страной в мире, а вооружённые силы западных стран не имеют никаких намерений проводить быстрые упреждающие нападения на Россию (Diesen 2016). Тем не менее страх быть застигнутым врасплох, например так называемым стратегическим нападением (Glærum et al. 2008; Skjelland et al. 2019), находит значительный отклик в военных структурах, которые, независимо от того, в России они или на Западе, изначально обеспечены материальным содержанием, профессионально обучены и вооружены для противодействия возникновению непредсказуемых национальных кризисов. Поэтому любая военная организация, связанная с обеспечением боеготовности и планированием, спинным мозгом чувствует необходимость готовиться к наихудшему варианту: «Всякий раз, когда возникает грозящий привести к военному конфликту кризис, военное руководство видит свою главную задачу и наивысший приоритет в том, чтобы быть готовыми к борьбе, если разразится война» (George 1991, 14). Проявляя готовность к сдержанности в том, как норвеж-

ское правительство распоряжается собственной властью — понимая при этом ценность норвежской территории, которая нужна США для отстаивания собственных интересов безопасности в отношениях с Россией, — повышение сдержанности к увеличению американских сил в Северной Европе могло бы дать России меньше поводов для наращивания сил и проведения учений по подготовке наступления в прилегающих к границе районах.

Нет никаких оснований для того, чтобы считать, что проведение учений и сосредоточение войск в районах, более удалённых от российских важнейших баз на севере, уменьшило бы при этом их пользу, а также нанесло бы ущерб подготовке и разведывательной деятельности. Недостаточное понимание российских интересов безопасности может способствовать тому, что взаимный страх у каждой стороны из-за своей недостаточной обороноспособности будет усиливаться по обе стороны границы: у Норвегии по отношению к России, а у России по отношению к тому, что «Норвегия является НАТО на севере» (Regjeringen 2018). Это увеличивает в своих глазах обоснованность наращивания вооружённых сил, одновременно с тем, что Министерство обороны, разведывательные службы и различные организации, призванные обеспечивать боеготовность и безопасность, усиливают своё влияние на выработку общегосударственной политики.

Во-вторых, можно было также избежать риска нежелательной дилеммы зависимости, если бы норвежские власти были меньше заняты тем, чтобы быть «хорошим союзником» в НАТО. Причина в том, что более циничное и расчётливое использование ценности собственной территории для интересов НАТО помогло бы проще аргументировать тот факт, что скудные ресурсы норвежской обороны могли бы лучше всего использоваться на северном фланге Альянса, чем в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, поскольку значение Норвегии для обороны Американского континента особенно велико из-за короткой траектории полёта ракет между Кольским полуостровом и восточным побережьем США. Поэтому норвежские силы могли бы быть более полезными в северных регионах, чем в Афганистане, Ираке, Ливии, Иордании, Сирии, Средиземном море, Индийском океане, Мали или в воздушном пространстве над Прибалтикой.

Это, конечно, лишило бы норвежских военных ценного оперативного опыта по планированию, руководству и проведению боевых

действий против врагов, которые пытаются отнять у тебя жизнь. Но это бы также позволило лучше сосредоточить всё уменьшающиеся силы согласно концепции о системе обороны, основанной на совместно подготовленных частях ВВС, ВМС и сухопутных войск, которые могли бы освободиться от необходимости более или менее постоянно находиться год за годом вне границ государства. Даже если просто иметь в боеготовности один батальон для участия в действиях Сил быстрого реагирования НАТО, это бы охватило треть всех пехотных боевых единиц Норвегии. Сосредоточение внимания прежде всего на обороне национальных территорий, а не на действиях во многих международных районах расширило бы в таком случае политическое пространство для манёвра на севере. Потому что военный компонент, который входит в более тесное сближение с внешней политикой и усилиями правительства по обеспечению безопасности, получит более высокую способность реагировать, бóльшую стойкость и лучшую боеготовность в целом.

Сворачивание территориальной и организованной на мобилизационном принципе структуры обороны в начале 2000-х годов действительно высвободило средства, которые были необходимы для создания более современной военной структуры. Но инвестиционные и эксплуатационные расходы, связанные с созданием более подготовленных контингентов, также сильно возрастают. Это означает, что норвежским властям не хватает средств на подразделения, которые должны обеспечивать оперативность действий в воздушных, морских пространствах и на норвежской территории и одновременно десятилетиями вносить свой вклад в операции за рубежом. Поэтому стратегия, предполагающая *как* «защиту Норвегии», *так и* «участие в международном урегулировании кризисов», оказалась недействительна, так как износ оставшихся сил драматично возрос. В результате этого также снижается уровень безопасности, который нужен властям во избежание быстрой и потенциально дестабилизирующей эскалации, что требует быстрого прибытия союзнической помощи на свою землю. Таким образом, структурная уязвимость увеличивает склонность к быстрому наращиванию кризисов, которые в противном случае могли бы быть решены в ходе продолжительного, терпеливого и сдержанного урегулирования кризиса мирным путём.

Если бы норвежские власти в самом начале 2000-х годов выбрали другую стратегию, например ограничили бы своё участие в зару-

бежных операциях наставничеством и военным консультированием вместо предоставления непрерывного участия своих сил от всех родов войск в операциях в Афганистане, было бы легче сконцентрировать государственные оборонные ресурсы вокруг одной, а не девяти задач, перечисленных в долгосрочных планах Министерства обороны.

Новое норвежское мышление в вопросах безопасности

Способ, с помощью которого были рассмотрены указанные три парадокса, свидетельствует о повороте в норвежском мышлении в вопросах безопасности — от абсолютной к относительной безопасности (Schelling 1966). Под этим подразумевается, что прежде всего в приоритете будут норвежские, а не российские интересы безопасности. В этой антагонистической игре кажется, что норвежские власти рассматривают безопасность Норвегии в собственных прилегающих к границе районах как неделимое благо. Другими словами, ничто не мешает им начать конкуренцию за присвоение себе наибольшей безопасности за счёт других, пока ты сам являешься частью более широкого западного сообщества по вопросам безопасности, в центре которого находятся США. Представления о безопасности как об относительном, а не прежде всего абсолютном благе контрастируют с классическим мышлением в области норвежской политики безопасности, согласно которому отношение к России предполагает «[...] некоторую степень молчаливого сотрудничества, которое, несмотря на наличие обычного конфликта интересов, основано на предполагаемом общем интересе в предотвращении его развития, которое могло бы повысить напряжённость на северном фланге Европы» (Holst 1967, 34). Если бы слова Юхана Йоргена Холста могли быть реализованы в более конкретную национальную оборонную стратегию в 2000-х годах, на практике это означало бы следующее: норвежские власти и народ, от имени которого они управляют, не добились бы укрепления безопасности, если бы такового не получила бы и Россия.

Поэтому примерно 20 лет после начала одной из самых радикальных реформ в норвежском общественном секторе кажется, что норвежские представления о вопросах безопасности изменили

характер. Таким образом, мы можем также сделать вывод о том, насколько «мирная нация» Норвегия более или менее неосознанно превратилась в более опасного и более непредсказуемого игрока в своём окружении. Ведь становясь сторонником большего сдерживания и меньшего умиротворения, она усиливает представление о преимуществе обеспечения безопасности, основанной на конкуренции. Принцип времён «холодной войны» о том, что малые страны в Северной Европе никогда не будут в безопасности, если советские интересы безопасности не будут приняты во внимание, остался забытым.

Изменение образа мышления в вопросах безопасности, похоже, стало главной причиной сокращения пространства для манёвра норвежских властей. Варианты выбора исчезли по мере того, как Россия около 2005 года решила бороться с глобальной гегемонией США (Tsygankov 2013). В норвежском контексте это означает, что меньшее пространство для манёвра сокращает возможности для выбора. Это, в свою очередь, означает, что норвежские власти рискуют быстрее оказаться в ситуациях, в которых использование власти — или напрямую, или косвенно с помощью США — становится наименьшим злом. Норвежские руководители, принимающие решения в политической и военной сфере, таким образом, могут скорее подвергнуться риску реализации наступательной модели поведения, которую они бы иначе не выбрали, но которую власти тем не менее, исходя из формулы «здесь и сейчас», считают наиболее разумной. Это объясняется тем, что альтернативные шаги более оборонительного и осторожного характера могут быстро привести к худшим результатам.

Поэтому в перекрёстном давлении со стороны великих держав на западе и на востоке малые государства из-за слабости в собственных рядах могут действовать дестабилизирующим, а не стабилизирующим образом. Отсутствие внушительной национальной обороноспособности, которая даёт передышку слишком нервным политикам, дипломатам и генералам, приводит к тому, что даже небольшие отклонения от мирной нормальной обстановки на севере становятся опасными. А в опасных ситуациях становится важным проявить инициативу, использовать момент и донести до окружающих — как это делают норвежские власти, — что это «несёт в себе высокий риск и издержки для тех, кто будет испытывать норвежскую безопасность и самостоятельность» (Forsvarsdepartementet 2012, 7).

ЛИТЕРАТУРА

Aaser Kristian, Braaten Magnus. Luftforsvaret: Korttenkt å legge vedlikeholdet av F-35 kampfly til Italia // VG. 16 juli 2017. URL: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/i/OV0L1/tidligere-sjef-for-luftforsvaret-korttenkt-aa-legge-vedlikehold-av-f-35-kampfly-til-italia>.

Allern Sigurd. Journalistiken och kommersialiseringen // *Medierna och demokratin.* Lars Nord & Jesper Strömback (red.). Lund: Studentlitteratur, 2012. S. 233–262.

Allison Graham, Zelikow Philip. *Essence of Decisions. Explaining the Cuban Missiles Crisis.* Cambridge: Harvard University Press, 1971.

Alme Värin. Makt og avmakt: norske styrker i møtet med afghanske opprørere // *Hovedoppgave.* Oslo: Universitetet i Oslo, 2015.

Alme Värin. Småstatsnarrativ i internasjonale operasjoner: Sikkerhetspolitiske rammebetingelser og tilsynelatende irrasjonelle valg // FFI rapport. № XX. Kjeller: Forsvarets forskningsinstitutt, xx.xx 2019.

Alvarez Lizette, Sciolino Elaine. Bombings in Madrid; elections outcome; Spain grapples with notion that terrorism trumped democracy // *The New York Times.* 17 mars 2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/03/17/world/bombings-madrid-election-outcome-spain-grapples-with-notion-that-terrorism.html>.

Andreassen Odd G. et al. Et nytt forsvar // NOU 2000:20. Oslo, 29. juni 2000. URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/nou-2000-20/id143225/sec1>.

AP [Associated Press]. Putin wants NATO to let Russia in // *Voanews.com.* 18 juli 2001. URL: <https://www.deseretnews.com/article/853851/Putin-wants-NATO-to-let-Russia-join.html>.

AP. US Navy Revives Second Fleet to Counter Russia in North Atlantic // *Voanews.com.* 25 August 2018. URL: <https://www.voanews.com/a/us-navy-revives-2nd-fleet-to-counter-russia-in-north-atlantic/4543855.html>.

Arquilla John, Ronfeld David, Zanini Michele. *Networks, netwar, and information aged terrorism* // *Networks and Netwars: The Future of Crime, Terror, and Militancy.* Washington DC: National Defence Research Institute, 2001. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/b804/52b9650774fd3acc8bcb66fef17957b15d11.pdf>.

Bailes Allyson. Does a small state need a strategy // *Publication Series. Occasional paper № 2.* Centre for Small State Studies, University of Iceland, 2009.

Bakke-Jensen Frank, Frederiksen Claus Hjort, Hultquist Peter, Niinistö Jussi, Thordarson Gudlaugur Thor. Forsvaret av det nordiske nabolag. Felles kronikk fra de nordiske forsvarsministerende i forbindelse med øvelse // *Trident Juncture* 2018. Oslo. 26 oktober 2018. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/kronikk-fra-de-nordiske-forsvarsministrene/id2617164/>.

Bakke-Jensen Frank. Forsvarsministerens nyttårstale i Oslo Militære Samfund // Oslo. 7 januar 2019. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/forsvarsministerens-nyttarstale-i-oslo-militare-samfund/id2624220/>.

Baldvin David. *The Concept of Security* // *Review of International Studies.* 23(1):5–26, 1997.

Bartles Charles K. Getting Berasimov Right // *Military Review.* Januar–februar 2016. URL: <file:///C:/Users/Bruker/Downloads/20151229%20Bartles%20-%20Getting%20Gerasimov%20Right.pdf>.

Bentzrød Sveinung. Både Russland og Norge viser styrke i nord // Aftenposten. 17 mars 2015. URL: <https://www.aftenposten.no/norge/i/O9RA/Bade-Russland-og-Norge-viser-styrke-i-nord>.

Bentzrød Sveinung. Den nye ledelsen erkjenner forskjønnert bilde av Forsvaret // Aftenposten. 16 januar 2014. URL: <https://www.aftenposten.no/norge/i/vmR0l/Den-nye-ledelsen-erkjenner-forskjonnet-bilde-av-Forsvaret>.

Bentzrød Sveinung. NATO: Norge må skaffe seg et troverdig forsvar // Aftenposten. 18 februar 2019. URL: <https://www.aftenposten.no/norge/i/OnxG0q/NATO-Norge-ma-skaffe-seg-et-troverdig-forsvar>.

Berg Øyvind. Å spille på to hester — æreløst eller sunn fornuft? Masteremne i kulturforståelse og krysskulturell kommunikasjon (SOA–6301). Universitetet i Tromsø, 2012.

Biddle Stephen, Macdonald Julia, Baker Ryan. Small footprint, small payoff: The military effectiveness of security force assistance // The Journal of Strategic Studies. 41(1): 89–142. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01402390.2017.1307745>.

Bjørnholm Thomas. Det strategiske bidraget. Kommunikasjonsfunksjonens makt, innflytelse og rolle; i lys av ‘Excellence’ teoriens karakteristika på fremragende kommunikasjon // Masteroppgave. BI, 2013.

Blindheim Anne Marte. Norske soldater i Syria: Krever åpenhet om IS-krigen // Dagbladet. 22 mai 2017. URL: <https://www.dagbladet.no/nyheter/krever-apenhet-om-is-krigen/67619484>.

Bogen Olav, Haakenstad Magnus. Balansegang. Forsvarets omstilling etter den kalde krigen. Oslo: Dreyer forlag, 2015.

Bouchard Charles. Lessons Learned from Operation Unified Protector — a Commander’s Perspective // Foredrag på Luftmaktseminaret, Luftkrigsskolen, Trondheim. 2 februar 2012.

Braanen Bjørgulv. Norge lever farligere enn før // Klassekampen. 13 april 2019.

Bragstad Hanne H. Avskrekking og beroligelse i norsk sikkerhetspolitikk overfor Russland // Masteroppgave. Oslo: Forsvarets høyskole, 2016.

Brundtland Arne O. The Nordic Balance. Past and Present // Cooperation and Conflict. 1(4): 30–63, 1966.

Bruun-Hanssen Håkon. Forsvaret nå og i fremtiden // Foredrag i Oslo militære samfund. 30 januar 2017. URL: <https://www.oslomilsamfund.no/foredrag-forsvarsjefens-arlige-statusoppdatering-forsvaret-na-og-i-fremtiden/>.

Bruun-Hanssen Håkon. Forsvaret ved inngangen 2014 — status og utfordringer // Foredrag i Oslo militære samfund. 13 januar 2014.

Bruun-Hanssen Håkon. Forsvarsjefens årlige statusoppdatering — gjennomføringsevne og modernisering // Foredrag i Oslo militære samfund. 21 januar 2019. URL: <https://www.oslomilsamfund.no/foredrag-forsvarsjefens-arlige-statusoppdatering-gjennomforingsevne-og-modernisering/>.

Brzezinski Adam. Who’s Afraid of Norway? // New York Times. 24 august 2003. URL: <https://www.nytimes.com/2003/08/24/magazine/who-s-afraid-of-norway.html>.

Burns William J. The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and a Case for Its Revival. New York: Random House Publishing, 2019.

Buzan Barry. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. 2. utg. Boulder, Co.: ECPR Press, 1991.

Byrne Andrew. Shootout raises fears over Russian ties to Hungary’s far right // Financial Times. 27 november 2016. URL: <https://www.ft.com/content/66d3993a-b0b8-11e6-9c37-5787335499a0>.

Børresen Jacob, Gjeseth Gullow, Tamnes Rolf (red). Allianseforsvar i endring // Norsk Forsvarshistorie. Bind 5. Bergen: Eide Forlag.

Børresen Jacob. Hvordan kan forsvarsledelsen ta så feil? // Dagbladet. 4 august 2018. URL: <https://www.dagbladet.no/kultur/hvordan-kan-forsvarsledelsen-ta-sa-feil/70068939>.

Børresen Jacob. Torskekrig!: om forutsetninger og rammer for kyststatens bruk av makt. Oslo: Abstrakt forlag, 2011.

Boås Morten. Konflikt, ustabilitet og migranter: ‘post-Gaddafi blues’ i Sahel // *Heier Tormod, Ottosen Rune, Tvedt Terje* (red.). Libyakrigen — et norsk traume. Oslo: Cappelen Damm, 2019.

Christensen Tom, Lægread Per, Roness Paul, Røvik Kjell Arne. Organisasjonsteori for offentlig sektor. 3. utg. Oslo: Universitetsforlaget, 2015.

CRS [Congressional Research Service]. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues // CRS Report. № 41464. Washington D.C. 8 januar 2019. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41464.pdf>.

Dahl Robert. The Concept of Power // Behavioural Science. 8(2):201–225, 1957.

Dalsjø Robert. Trapped in the Twilight Zone. Sweden Between Neutrality and NATO // Kungl. Krigsvetenskapsakademien Handlingar ock Tidsskrift. 221(3):41–68, 2017.

Defence Ministry of Finland. Finland's participation in international training and exercises. 2008. URL: https://www.defmin.fi/en/administrative_branch/finland_s_participation_in_international_training_and_exercises.

Department of Defense. European Deterrence Initiative. Department of Defense Budget Fiscal Year (FY) 2019. Washington D.C.: Office of the Under Secretary of Defence. 6 februar 2018. URL: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2019/fy2019_EDI_JBook.pdf.

Deutsch Karl W. et. al. Political Community and the North Atlantic Area. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957.

Devold Kristin Krohn. Fra snuoperasjon til transformasjon. Foredrag i Oslo militære samfund. 5 januar 2004.

Devold Kristin Krohn. Omstillingen av Forsvaret — noen perspektiver. Foredrag for Institutt for forsvarsopplysning. Oslo. 26 februar 2002a.

Devold Kristin Krohn. Sikkerhetspolitikken i endring — utfordringer for Norge. Foredrag på Den Norske Atlanterhavskomite. Oslo. 30 april 2002b.

Devold Kristin Krohn. What Europe Wants from NATO? Foredrag på NATO/GMFUS konferanse. Brussel. 3 oktober 2002c. URL: https://www.nato.int/cps/ua/natohq/opinions_19715.htm?selectedLocale=en.

Diesen Sverre. Den nye krigerkulturen // Aftenposten. 18 desember 2008. URL: <https://www.aftenposten.no/meninger/kronikk/i/A3r75/Den-nye-krigerkulturen>.

Diesen Sverre. Det militære instrument i norsk krisehåndtering // *Heier Tormod, Kjøberg Anders* (red.). Mellom fred og krig. Norsk militær krisehåndtering. Oslo: Universitetsforlaget, 2013. S. 45–54.

Diesen Sverre. Fornyelse eller forvitring? Forsvaret mot 2020. Oslo: Cappelen Damm, 2011.

Diesen Sverre. Russerne har intet å frykte // Minerva. 26 juli 2016. URL: <https://www.minervanett.no/russerne-intet-a-frykte/>.

Dyndal Gjert Lage. Norsk innsats mot IS er det beste av mange troblete alternativer // Aftenposten. 13 mai 2016. URL: <https://www.aftenposten.no/meninger/debatt/i/m6pXL/Norsk-innsats-mot-IS-er-det-beste-av-mange-troblete-alternativer--Gjert-Lage-Dyndal>

Eckstein Megan. Navy Develop prompt Global Strike Weapon that Could Launch from Sub or Surface Ship // USNINEWS.org. 21 november 2018. URL: <https://news.usni.org/2018/11/21/navy-developing-prompt-global-strike-weapon-launch-sub-surface-ship>.

Egeberg Kristoffer. Fredsnasjonen Norge. Oslo: Kagge forlag, 2017.

Egeland John Olav. Som tidligere går vi i krigen uten politisk debatt eller noen tydelig plan // Dagbladet. 6 mai 2016. URL: <https://www.dagbladet.no/2016/05/06/kultur/meninger/hovedkommentar/kommentar/syria/44134173/>.

Eide Elisabeth, Ottosen Rune (red.). Krigens retorikk. Oslo: Cappelen Damm, 2002.

Eldby Hanne, Smedshaug Christian A. Selvforsyning av mat og arealbruk — tar vi vare på jorda? // Rapport 5–2015. Oslo: Agri analyse, 2015. URL: https://www.agrianalyse.no/getfile.php/138771513669319/Dokumenter/Dokumenter%202015/Rapport%205%20-%202015_Selfforsyning%20av%20mat%20og%20arealbruk.pdf.

Elster Jon. Explaining Social Behaviour. More Nuts and Bolts for Social Sciences. New York: Cambridge University Press, 2007.

Engebretsen-Skaret Sigrid. Spesialstyrker i norsk krisehåndtering // *Heier Tormod, Kjøberg Anders* (red.). Mellom fred og krig. Norsk militær krisehåndtering. Oslo: Universitetsforlaget, 2013. S. 142–160.

Erwin Sandra. Unclear U.S. Foreign Policy Frustrates Pentagon // Real Clear Defense. 25 juli 2017. URL: https://www.realcleardefense.com/articles/2017/07/25/unclear_us_foreign_policy_frustrates_pentagon_111886.html.

Etterretningstjenesten. Fokus 2018. Etterretningstjenestens vurdering av aktuelle sikkerhetsutfordringer. Oslo. 1 februar 2018. URL: https://forsvaret.no/fakta/_ForsvaretDocuments/Fokus2018_bokmaal_oppslag_godkjent.pdf.

Faremo Grete. Redegjørelse av utenriksministeren og forsvarsministeren om situasjonen i Libya og norsk innsats. Oslo. 9 mai 2011. URL: <https://www.stortinget.no/no/Saker-og-publikasjoner/Publikasjoner/Referater/Stortinget/2010–2011/110509/1>.

Fause Lars. Vernesonen ved Svalbard: rettslig fundament og håndhevelse // *Dyndal Gjert Lage* (red.). Strategisk ledelse i krise og krig. Bergen: Fagbokforlaget, 2010. S. 265–277.

Feith Douglas J. Nato Transformation: Securing Freedom for Future Generations // U.S. Foreign Policy Agenda. 7(1), 2002.

Fjellestad Anders, Skjeggestad Sunniva. Flaug i gang Cold Response. Forsvarets mediesenter, 28 juni 2016. URL: <https://forsvaret.no/aktuelt/flaug-i-gang-cold-response>.

Fjellestad Anders. «Nordmannen som skapte NATO-historie», *Forsvaret.no*, 16. mars 2017. URL: <https://forsvaret.no/aktuelt/innsats-jtec-georgia>.

Flynn Michael T., Pottinger Matt, Batchelor Paul. Fixing Intel: A Blueprint for Making Intelligence Relevant in Afghanistan. Washington D.C.: Center for a New American Security, 2010. URL: http://online.wsj.com/public/resources/documents/AfghanistanMGFlynn_Jan2010.pdf.

Forsvaret. Direktiv for operative krav. Oslo: Forsvarsstaben, 24 september 2010.

Forsvaret. Et forsvar i endring. Forsvarsjefens fagmilitære råd. Oslo: Forsvarsstaben, 2015. URL: https://forsvaret.no/fakta/_Forsvaret/Documents/EtForsvariEndring-Nett.pdf.

Forsvaret. Forsvarets direktiv for operativ virksomhet. Oslo: Forsvarsstaben, 15 desember 2011.

Forsvaret. Forsvarssjefens forsvarsstudie 2000 — sluttrapport. Oslo: Fellesstaben, 2000.

Forsvaret. Forsvarsstudien 1985. Oslo: Forsvarets overkommando, 1985.

Forsvaret. Redningsaksjon i Kabul: Ikke skyt på han i singlet // Innsats. Høsten 2018.

Forsvaret. Øvelse Joint Viking 2017 // Forsvaret.no [udatert]. URL: <https://forsvaret.no/jointviking>.

Forsvarsdepartementet. Den videre moderniseringen av Forsvaret for perioden 2005–2008 // St.meld. nr.42 (2003–2004). Oslo, 12 mars 2004.

Forsvarsdepartementet. Et forsvar for vår tid // Prop. 73 S (2011–2012). Oslo, 23 mars 2012.

Forsvarsdepartementet. Et forsvar til vern om Norges sikkerhet, interesser og verdier // St.prp.nr.48 (2007–2008). Oslo, 28 mars 2008.

Forsvarsdepartementet. Forsvarets verdigrunnlag. Oslo, 22 mai 2015.

Forsvarsdepartementet. Føringer til Forsvarssjefens militærfaglige utredning 2003. Oslo. 13 februar 2002.

Forsvarsdepartementet. Hovedretningslinjer for Forsvarets virksomhet og utvikling i tiden 1999–2002 // St.meld.nr.22 (1997–1998). Oslo, 26 februar 1998.

Forsvarsdepartementet. Iverksettelsesbrev til forsvarssektoren for langtidsperioden for 2013–2016. Oslo, 23 juni 2016. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/fd/dokumenter/rapporter-og-regelverk/u-ivb-ltp--2013-2016_pet-23.pdf.

Forsvarsdepartementet. Kampekraft og bærekraft. Langtidsplan for forsvarssektoren // Prop. 151 S (2015–2016). Oslo, 17 juni 2016.

Forsvarsdepartementet. Kompetanse for en ny tid // Meld. St. 14 (2012–2013). Oslo, 1 mars 2013.

Forsvarsdepartementet. Kompetanse for en ny tid // St.meld.nr.14 (2012–2013). Oslo, 1 mars 2013.

Forsvarsdepartementet. Ny langtidsplan for forsvarssektoren — anmodning om forsvarssjefens tilrådning om den videre utviklingen av Forsvaret. Oslo, 1 oktober 2014. URL: <https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/fd/dokumenter/rammeskriv.pdf>.

Forsvarsdepartementet. Ny langtidsplan for forsvarssektoren — Anmodning om Forsvarssjefens tilrådning om den videre utviklingen av Forsvaret. Oslo, 5 april 2019. URL: <https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/fd/dokumenter/oppdrag-til-forsvarssjefen---fmr.pdf>.

Forsvarsdepartementet. Omleggingen av Forsvaret i perioden 2005–2008 // St.prp.nr.45 (2000–2001). Oslo, 16 februar 2001.

Forsvarsdepartementet. Proposisjon til Stortinget (forslag til stortingsvedtak) // Prop. 1 S (2018–2019). Oslo, 21 september 2018. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/0d9a279e01a94aa395e95018718ab2b7/no/pdfs/prp201820190001_fdddpdfs.pdf.

Forsvarsdepartementet. Proposisjon til Stortinget for budsjettåret 2018 // Prop. 1 S (2017–2018). Oslo, 22 september 2017.

Forsvarsdepartementet. Styrke og relevans — strategisk konsept for forsvaret. Oslo, 11 oktober 2004.

Forsvarsdepartementet. Tilpasning av Forsvaret til internasjonale operasjoner // St.meld.nr. 38 (1998–99). Oslo. 4 juni 1999.

Forsvarskomiteen // Innst. S. nr. 151 (1995–1996). Stortinget, 13 mars 1996. URL: <https://www.stortinget.no/no/Saker-og-publikasjoner/Publikasjoner/Innstillinger/Stortinget/1995-1996/inns-199596-151/?lvl=0>.

Frantzen Henning. NATO and Peace Support Operations, 1991–1999. London: Frank Cass, 2005.

Freedman Lawrence. Strategy: A History Account. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Fremstad Mads. Navarsete ber om mer åpenhet rundt Norges kamp mot IS // *abcnyheter.com*. 21 februar 2017. URL: <https://www.abcnyheter.no/nyheter/politikk/2017/02/21/195279456/navarsete-ber-om-mer-åpenhet-rundt-norges-kamp-mot->

Frost-Nielsen Per Marius. Conditional commitments: Why States use caveats to reserve their efforts in military coalition operations // *Contemporary Security Policy*. 38(3): 371–397, 2017.

Fukuyama Francis. Political Order and Political Decay. London: Profile Books, 2014.

Furrevik Gro Anita, Nørstebø Christian. Lukket avdeling // Forsvarets forum. 16 november 2017. URL: <https://forsvaretsforum.no/portrett-torgeir-gr%C3%A5strud>.

Galeotti Mark. Introduction // *Galeotti Mark* (red.). The Politics of Society in Modern Russia. London: Ashgate Publishing House, 2010. S. 1–5.

Gates Robert. Remarks by secretary Gates at the security and defence agenda // News Transcript. U.S. Department of Defense. 10 juni 2011. URL: <http://archive.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=4839>.

Gentry John A., Nolte William M. Introduction // *Gentry John A., Nolte William M.* (red.). After the Wars. International Lessons From the U.S. Wars in Iraq and Afghanistan. Washington D.C: National Intelligence University, 2018.

Gjør Gunhild H., Harpviken Kristian Berg, Ulriksen Ståle. Den viktige debatten vi ikke har // Nordlys. 13 mars 2018. URL: <http://nordnorskdebatt.no/article/viktige-debatten-vi-ikke-har>.

Gleditsch Nils Petter, Buhaug Halvard. Årsaker til krig // *Hovi Jon, Malnes Raino* (red.). Anarki, makt og normer: Innføring i internasjonal politikk. Oslo: Abstrakt forlag, 2011.

Glærum Sigurd, Berg-Knutsen Espen, Gulichsen Steinar, Johansen Iver og Steder Frank Brundtland. FFIs støtte til Forsvarssjefens studie 2007 // FFI Rapport 00606. Kjeller: Forsvarets forskningsinstitutt, 2008. URL: <https://www.ffi.no/no/Rapporter/08-00606.pdf>.

Godal Bjørn Tore et al. En god alliert — Norge i Afghanistan, 2001–2014 // NOU 2016:8. Oslo: Departementenes sikkerhets- og serviceorganisasjon.

Goldman Russel. Russian Violations of Airspace Seen as Unwelcome Test by the West // *New York Times*. 6 oktober 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/10/07/world/europe/russian-violations-of-airspace-seen-as-unwelcome-test-by-the-west.html>.

Gordeeva Evgenia. A transforming international system and the three approaches to the security dilemma // *European Journal of Future Research*. 4(6):5–15, 2016. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40309-016-0088-y>.

Grandhagen Kjell. Are land forces relevant in High North deterrence and warfare? Foredrag på Army Summit. Oslo, 18 september 2018.

Grandhagen Kjell. Trusler og risiko mot Norge. Foredrag i Oslo militære samfund, 16 mars 2015. URL: <https://www.oslomilsamfund.no/foredrag-trusler-og-risiki-for-norge-i-et-ændret-sikkerhetsbilde/>.

Grasaas-Stavenes Eirik, Shanmugaratnam. Solberg i ny Syria-skvis // Klassekampen. 31 mai 2018.

Grasaas-Stavenes Eirik. Slår på Syria-alarm // Klassekampen. 3 mai 2018.

Greg. Gates Says U.S. Has Conventionally Armed ICBMs // *Defenstech.com*. 12 april 2010. URL: <https://www.military.com/defenstech/2010/04/12/gates-says-u-s-has-conventionally-armed-icbms>.

Grægger Nina. From ‘forces for good’ to ‘forces for status’ // *Carvalho Benjamin de, Neumann Iver B.* (red.). Small States Status Seeking. Norway’s Quest for International Standing. London: Routledge, 2015. S. 86–107.

Haass Richard N. War of Necessity, War of Choice. A Memoir of Two Iraq Wars. New York: Simon & Shuster, 2009.

Hammersmark John Inge. Norske spesialstyrker: Fra skjult ressurs til politisk spydspiss // Militære studier. № 3. Oslo: Forsvarets Stabsskole, 2015. URL: <https://brage.bibsys.no/xmlui/handle/11250/284450>.

Hauge Jens Christian. Present at the creation, innlegg på 30-årsjubileet til NATOs nordkommando // *Tannes Rolf* (red.). Kommandospørsmålet på nordflanken. IFS-Info. 10(4):7–10, 2001.

Heier Tormod, Ottosen Rune. Misforstått hemmelighet i forsvars- og sikkerhetspolitikken // Aftenposten. 28 januar 2018. URL: <https://www.aftenposten.no/meninger/debatt/i/e1Pj3Q/Misforstatt-hemmelighet-i-forsvars--og-sikkerhetspolitikken--Tormod-Heier-og-Rune-Ottosen>.

Heier Tormod. Avoiding War: How Should Northern Europe Respond to the US-Russian Rivalry? // Arctic Review on Law and Politics. № 9. 2018. URL: <https://arcticreview.no/index.php/arctic/article/view/1218/2863>.

Heier Tormod. Britain's Joint Expeditionary Force: A Force of Friends? // *Johnson Robert, Haaland Matalary Janne* (red.). The United Kingdom's Defence After Brexit. Britain's Alliances, Coalitions, and Partnerships. London: Palgrave Macmillan, S. 189–215.

Heier Tormod. Conventional Forces on Unconventional Battlefields. Is Military Education 'On Track'? // Kungl Krigsvetenskapsakademiens Handlingar och Tidskrift. 219(3):6–20, 2015.

Heier Tormod. Forsvaret til Libya 2011. Klar til strid? // Oslo Files 4. Oslo: Institutt for forsvarsstudier, 2012. URL: <https://forsvaret.no/ifs/Oslo-Files-42012-Forsvaret-til-Libya-2011>.

Heier Tormod. Hadde norske myndigheter kontroll i Libya-krigen? // *Heier Tormod, Tvedt Terje, Ottosen Rune* (red.). Libyakrigen — et norsk traume. Oslo: Cappelen Damm, 2019.

Heier Tormod. Influence and Marginalization. Norway's Adaptation to US Transformation Efforts in NATO, 1998–2004 // Doktorgradsavhandling. Oslo: Unipub, 2006.

Heier Tormod. Is Effective Oversight Possible? The Rising Influence of Norway's Intelligence Service // *Leigh Ian D., Wegge Njord* (red.). Intelligence Oversight in the Twenty-First Century. Accountability in a Changing World. London: Routledge, 2019. S. 43–57.

Heier Tormod. Russian strengths and NATO vulnerabilities // *Sæveraas Torgeir E.* (red.). NATO: Challenges and Solutions. Luftkrigsskolens skriftserie 33. Trondheim: Luftkrigsskolen, 2017. S. 105–113.

Heier Tormod. The Logic of Asymmetry: Russia's Approach Towards NATO // *Haaland Matlary Janne, Heier Tormod* (red.). Ukraine and Beyond. Russia's strategic security challenge to Europe. London: Palgrave, 2016.

Heier Tormod. Towards a New Robust Defence? Norway's Exercises on NATO's Northern Flank // *Heuser Beatrice, Heier Tormod, Lasconjarias Guillaume* (red.). Military Exercises: Political Messaging and Strategic Impact. Rome: Nato Defence College, 2018. S. 163–186.

Heier Tormod. Uavhengighet og lojalitet // Klassekampen. 30 november 2016. URL: <http://www.klassekampen.no/article/20161130/PLUSS/161139976>.

Hellestveit Cecilie. Rot i brystet, svett i pannen // Dagens næringsliv. 22 mai 2016. URL: <https://www.dn.no/meninger/debatt/2016/05/22/2050/Globalt/rot-i-brystet-svett-i-pannen>.

Hellestveit Cecilie. Syria. En stor krig i en liten verden. Oslo: Pax Forlag, 2017.

Heløe Gunnar. Norsk sikkerhetspolitikk — i omgivelser i forandring. Foredrag av statssekretæren i Forsvarsdepartementet under årsmøtet til Folk og Forsvar. Oslo, 28 februar 2002.

Henriksen Dag. Luftforsvaret — kun en taktisk leverandør av luftmakt? // *Heier Tormod, Kjolberg Anders, Rønnfeldt Carsten* (red.). Norge i internasjonale operasjoner. Militærmakt mellom idealer og realpolitikk. Oslo: Universitetsforlaget, 2014. S. 179–187.

Henriksen Dag. Suksess uten innflytelse? Norges erfaringer fra operasjonene over Libya // Internasjonal politikk. 71(1):29–57, 2013.

Herz John H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. 2(2):157–180, 1950. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/world-politics/article/idealist-internationalism-and-the-security-dilemma/7094783665386FD81A25DF98C7EEC223>.

Heuser Beatrice, Heier Tormod, Lasconjarias Guillaume (red.). Military Exercises: Political Messaging and Strategic Impact. Rome: NATO Defence College, 2018.

Heuser Beatrice. The Evolution of Strategy. Thinking War From Antiquity to the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Hinna Anne Kari, Kihl Jens. Må svare om krigshjelp // Klassekampen. 18 april 2018.

Holm Minda. Norge, USA og det liberale verdifelleskapet // Internasjonal Politikk. 75(1):52–63, 2017. URL: <https://tidsskriftet-ip.no/index.php/intpol/article/view/700/1615>.

Holme Nils. Forsvarspolitikken og Forsvarets operative evne. Foredrag i Oslo militære samfund. Oslo. 7 oktober 2013. URL: <https://www.oslomilksamfund.no/foredrag-forsvarspolitikken-og-forsvarets-operative-evne-ved-nils-holme/>.

Holme Nils. Forsvarspolitikken ved et veiskille // Civita-rapport. Oslo, 3 mai 2013.

Holm-Nilsen Sverre. Tidligere topp-diplomat om Trump: Uten impuls kontroll og kunnskap // NRK.no. 1 desember 2017. URL: https://www.nrk.no/urix/tidligere-topp-diplomat-om-donald-trump_-_uten-impuls-kontroll-og-kunnskap-1.13803395.

Holmström Mikael. Den dolda alliansen. Sveriges hemliga NATO-forbindelser. Stockholm: Atlantis, 2015.

Holmås Heikki E. Tiden for evaluering er nå, Ap // Aftenposten. 19 mai 2016.

Holst Johan J. Aktuelle forsvars- og sikkerhetspolitiske utfordringer // Norsk Militært Tidsskrift. 161(2):1–8, 1991.

Holst Johan J. Norsk sikkerhetspolitikk i strategisk perspektiv // Internasjonal Politikk. (34)5:1–11, 1966.

Holst Johan J. Norsk sikkerhetspolitikk i strategisk perspektiv. Bind I: Analyse. Oslo: NUPI, 1967.

Holtmark Sven (red.). Naboer i frykt og forventning. Oslo: Pax forlag, 2015.

Holtmark Sven. Norge og Sovjetunionen — bilateralisering og fellesstyre // *Prebensen Chris, Skarland Nils* (red.). NATO 50 år. Norsk sikkerhetspolitikk med NATO gjennom 50 år. Oslo: Den norske atlantehavskomiteen, 1999. S. 39–61.

Hooverinstitusjon. U.S. Secretary of State Rex Tillerson discusses Syria. Stanford University, 17 januar 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BLEBSNKPNm8>.

Horton Alex. The Navy Is Resurrecting a Fleet to Protect the East Coast and North Atlantic From Russia // The Washington Post. 6 mai 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2018/05/05/the-navy-is-resurrecting-a-fleet-to-protect-the-east-coast-and-north-atlantic-from-russia/?noredirect=on&utm_term=.e8c840594f3e.

House of Commons. Libya: Examination of intervention and collapse and the UK's future policy options. London: Foreign Affairs Committee, 14 september 2016. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfa/119/119.pdf>.

House of Commons. Towards the next Defence and Security Review: Part II — NATO. Defence Committee. London, 22 juli 2014. URL: <https://www.parliament.uk/business/committees/committees-a-z/commons-select/defence-committee/inquiries/parliament-2010/towards-the-next-defence-and-security-review-part-ii/>.

Hudson Peter, Roberts Peter. The UK and the North Atlantic: A British Military Perspective // *Olsen John A.* (red.). NATO and the North Atlantic. Revitalising Collective Defence. Whitehall Paper 87. London: RUSI, 2017. S. 75–91.

Hustadnes Haldor. Frykter folkerettsbrudd: Ber forsvarsministeren klargjøre om norske soldater er i Syria // Dagbladet. 22 mai 2017. URL: <https://www.dagbladet.no/nyheter/frykter-folkerettsbrudd-ber-forsvarsministeren-klargjore-om-norske-soldater-er-i-syria/67616896>.

Hætta Ellen-Kathrine. Kommentar under Finnmarksdagen 2018. Thon Hotel, Kirkenes, 8 februar 2018.

Hønneland Geir, Jørgensen Anne-Kristin. Kompromisskulturen i Barentshavet // *Heier Tormod, Kjøberg Anders* (red.). Norge og Russland. Sikkerhetspolitiske utfordringer i Nordområdene. Oslo: Universitetsforlaget, 2015.

Hønneland Geir. Hvordan skal Putin ta Barentshavet tilbake? // Nordområdebiblioteket. № 4. Trondheim: Akademia forlag, 2013.

Hønneland Geir. Russia and the Arctic: Environment, Identity and Foreign Policy. London: I.B.Tauris, 2015.

IEP [Institute for Economics and Peace]. Global Terrorist Index 2018. Measuring the Impact of Terrorism // Report. University of Maryland, november 2018. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2018/12/Global-Terrorism-Index-2018-1.pdf>.

Inderhaug Martin H. Vår nabo i øst — Vestens signifikante andre // Vardøger. 37(1):162–172, 2018.

Jacobsen Rune. Experiences from Trident Juncture 2018. Innlegg på seminaret NATO Readiness After Trident Juncture, Forsvarets høyskole. Oslo, 27 november 2018.

Jervis Robert. Perception and Misperception in International Politics. 2. utg. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2017.

Johansen Per Anders. Antallet atomdrevne ubåter i norske havner tredoblet // Aftenposten. 28 januar 2019. URL: <https://www.aftenposten.no/norge/i/WLP48L/Ubatjakten-utenfor-Norge-er-trappet-kraftig-opp-Na-er-antallet-atomdrevne-ubater-i-norske-havner-tredoblet>.

Johnsen Alf Bjarne, Skjetne Oda Leraan. Erna Solberg kaller den russiske kritikken for propaganda // VG.no. 17 februar 2017. URL: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/i/OK331/erna-solberg-kaller-den-russiske-kritikken-for-propaganda>.

Johnsen Alf Bjarne. Stoltenberg: Unngå forverring med Russland er jobb nummer en // VG. 12 februar 2019. URL: <https://www.vg.no/nyheter/utenriks/i/XwX7ym/stoltenberg-unngaa-forverring-med-russland-er-jobb-nummer-en>.

Judson Jen. Funding to deter Russia reaches 65 b in FY 2019 // DefenseNews.com. 12 februar 2018. URL: <https://www.defensenews.com/land/2018/02/12/funding-to-deter-russia-reaches-65b-in-fy19-defense-budget-request/>.

Karlsen Geir Hågen. Divide and rule: ten lessons about Russian political influence in Europe // Palgrave Communications. 8 februar 2019. URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-019-0227-8>.

Kennan George F. Policy Planning Staff Memorandum. Washington D.C., 4 mai 1948. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d269>.

Keohane Robert O. After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984.

Keohane Robert O., Nye Joseph S. Power and Interdependence. 3. utg. New York: Longman, 2001.

Kissinger Henry. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994.

Kjølberg Anders, Nyhamar Tore. Småstater i internasjonale operasjoner // FFI rapport. № 01698. Kjeller: Forsvarets forskningsinstitutt, 2011. URL: <https://www.ffi.no/no/Rapporter/11-01698.pdf>.

Kjølberg Anders. Hva er krisehåndtering? // *Heier Tormod, Kjølberg Anders* (red.). Mellom fred og krig. Norsk militær krisehåndtering. Oslo: Universitetsforlaget, 2013. S. 21–44.

Klevberg Håvard. «Request Tango». 333-skvadron på ubåtjakt — maritime luftoperasjoner i norsk sikkerhetspolitikk. Oslo: Universitetsforlaget, 2012.

Knutsen Bård Bredrup. Kommentar til departementsråd Arne Røksund på konferansen «Åpenhet og akademisk frihet i forsvarssektoren». Oslo, Institutt for forsvarsstudier, 2 mai 2018.

Korte Gregory. Obama greets Nordic leaders, saying they 'punch above their weight' // USA Today. 13 mai 2016. URL: <https://eu.usatoday.com/story/news/politics/2016/05/13/obama-nordic-leaders-summit-punch-above-their-weight/84330852/>.

Krarup Marie. Ny kold krig. Marie Krarup taler med 17 eksperter fra øst og vest. København: Hovedland forlag, 2018.

Kristiansen Ivar. «Innlegg» i forbindelse med debatten rundt «Innstilling fra Utenriks- og forsvarskomiteen om merutgifter til de norske styrkenes deltakelse i operasjonen i Libya i perioden 24. juni til 1. august 2011». Oslo, 26. oktober 2011. URL: <https://www.stortinget.no/no/Saker-og-publikasjoner/Publikasjoner/Innstillinger/Stortinget/2011-2012/inns-201112-025/?lv=0>.

Kristoffersen Eirik. Small States — Smart Solutions: Investing in a National Joint Special Operations Command. Strategy Research Project International Fellow. Carlisle, Pa.: United States Army War College, 2015.

Kristoffersen Frode. Building Partner Capacity — A Preferred Way for Norway to Pursue Military Objectives Abroad. Strategy Research Project International Fellow. Carlisle, Pa.: United States Army War College, 2018.

Kuperman Alan J. A Model of Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign // International Security. 38(1):105–136, 2013.

Kydd Andrew H. Game Theory and the Spiral Model // World Politics. 49(3):371–400, 1997.

LaGrone Sam. New Second Fleet Boundary Will Extend North to the Edge of Russian Waters // Usni.news.com. 2018. URL: <https://news.usni.org/2018/08/24/cno-new-2nd-fleet-boundary-will-extend-north-edge-russian-waters>.

Lang Tim, Dibb Sue, Reddy Shivani. Looking back, looking forward. Sustainability and UK food policy 2000–2011. Sustainable Development Commission. London, 10 mars 2011. URL: http://www.sd-commission.org.uk/data/files/publications/FoodPolicy10_Report_final_w.pdf.

Lebedeva Marina M. International Relations Studies in the USSR/Russia: Is There a Russian National School of IR Studies // Global Security. 18(3):263–278, 2004.

Leerand Dag. INTOPS: Norske soldater i internasjonale operasjoner 1947–2012. Oslo: Forsvarsmuseet, 2012.

Leira Halvor, Borchgrevink Axel, Græger Nina, Melchior Arne, Stamnes Eli, Øverland Indra. Norske selvbilder og norsk utenrikspolitikk. Oslo: Norsk utenrikspolitisk institutt, 2007.

Leviitt Matthew. Terrorist financing and the Islamic State. Congressional Testimony Presented before the House Financial Services Committee. Washington D.C., 13 november 2014. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policyanalysis/view/terrorist-financing-and-the-islamic-state>.

Lindborg Kristina. Why does the Pentagon want to refurbish a base in Iceland? // The Christian Science Monitor. 27 mars 2016. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Europe/2016/0327/Why-does-the-Pentagon-want-to-refurbish-a-base-in-Iceland>.

Liu W. China in the United Nations. Hackensack, N.J.: World Century, 2014.

Lovdata. Lov om forebyggende sikkerhetstjeneste (sikkerhetsloven) // Lovdata.no. 20 mars 1998. URL: <https://lovdata.no/dokument/NLO/lov/1998-03-20-10/map006>.

Lugar Richard. NATO's Role in the War on Terrorism. Congressional Record, Washington D.C., 25 januar 2002.

Lunde Morten Haga. Etterretningstjenestens årlige situasjonsvurdering. Foredrag i Oslo militære samfund, 5 mars 2018. URL: <https://www.oslomilsamfund.no/foredrag-etterretningstjenestens-arlige-situasjonsvurdering-3/>.

Lundestad Geir. America, Scandinavia and the Cold War, 1945–1959. New York: Columbia University Press, 1980.

Luttwak Edward. Give War a Chance // Foreign Affairs. Juli/august 1999. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1999-07-01/give-war-chance>.

Lysberg Magnus, Tallaksen Simen. Hærens evne er marginal // Klassekampen. 2 mars 2018. URL: <https://www.klassekampen.no/article/20180302/PLUSS/180309755&loggedin=1>.

Lysberg Magnus, Tallaksen Simen. Norge har satt krisestab // Klassekampen. 31 oktober 2018. URL: <https://www.klassekampen.no/article/20181031/ARTICLE/181039993>.

Lysberg Magnus. Venstre vil ha krigsdebatt // Klassekampen. 16 april 2016.

Lysgård Asbjørn. The Evolution of the Global SOF Enterprise from a Partner Perspective // Occasional Paper. JSOU Press. MacDill, Florida: Joint Special Operations University, 2014.

Mathis Alexandre. Defence: Member States' Spending // Briefing. European Parliament. Mai 2018. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/621784/IPOL_BRI\(2018\)621784_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/621784/IPOL_BRI(2018)621784_EN.pdf)

Matlary Janne Haaland. Internasjonale styrkebidrag og allianseavhengighet // *Heier Tormod, Kjølbeg Anders, Ronnfeldt Carsten F.* (red.). Norge i internasjonale operasjoner. Militærmakt mellom idealer og realpolitikk. Oslo: Universitetsforlaget, 2014. S. 67–78.

Matlary Janne Haaland. Norway: Militarily Able but Politically Divided // *Matlary Janne Haaland, Petersson Magnus* (red.). NATO's European Allies. Military Capability and Political Will. London: Palgrave Macmillan, 2013. S. 279–300.

Mattis James N. Remarks by Secretary Mattis on the National Defense Strategy // U.S. Department of Defense. 19 januar 2018. URL: <https://dod.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1420042/remarks-by-secretary-mattis-on-the-national-defense-strategy/>.

Mazarr Michael. Understanding Deterrence // Perspective. PE-295-RC, RAND Corporations. Santa Monica, California 2018. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE295.html>.

Mearsheimer John J. The false promise of international institutions // International Security 19. № 3 (1994): 5–49.

Mearsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton, 2001.

Melby Svein. USAs ledervilje svikter. Maktpolitiske utfordringer og nye nasjonale forutsetninger. Oslo: Fagbokforlaget, 2017.

Moe Ingeborg, Samuelsen Reidun. Storbritannia og USA varsler felles front mot IS men Norge nøler // Aftenposten, 4 september 2014. URL: <https://www.aftenposten.no/verden/i/e14yQ/Storbritannia-og-USA-varsler-felles-front-mot-IS-men-Norge-noler>.

Monaghan Andrew. Power in Modern Russia. Manchester: Manchester University Press, 2017.

Mood Robert. Skal vi fortsette med hodet i sanden? // Aftenposten. 22 august 2016. URL: <https://www.aftenposten.no/meninger/debatt/i/oek0R/Kronikk-Skal-vi-fortsette-med-hodet-i-sanden--Robert-Mood>.

Morgenthau Hans. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: A. A. Knopf, 1948.

Møller Joakim Erma, Petersson Magnus. Sweden, Finland, and the Defence of the Nordic-Baltic Region. Ways of British Leadership // *Johnson Robert, Matlary Janne Haaland* (red.). The United Kingdom's Defence After Brexit. London: Palgrave, 2018. S. 215–245.

NATO. NATO-Georgian Joint Training and Evaluation Center (JTEC) // NATO Factsheet. Brussel, 27 August 2015. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_topics/20150827_150827-jtec-georgia.pdf.

NATO. Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Trident Juncture 2018 Distinguished visitors' day. Brussel, 30 oktober 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_159852.htm.

NATO. The North Atlantic Treaty. Washington D.C., 4 April 1949. URL: https://www.nato.int/cps/ie/natohq/official_texts_17120.htm.

Neumann Iver B. Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. London: Routledge, 1996.

New York Times. America's Forever Wars. Editorial. 22 oktober 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/10/22/opinion/americas-forever-wars.html?action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=opinion-c-col-left-region®ion=opinion-c-col-left-region&WT.nav=opinion-c-col-left-region>.

Newbolt Greg. Why Iraq was a mistake // Time Magazine. 9 april 2006. <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,1181629,00.html>.

Nilsen Thomas. Moscow accuses Norway of northern military buildup — Here is a map of submarine ports // The Barents Observer. 8 februar 2019. URL: https://thebarentsobserver.com/en/security/2019/02/moscow-continues-accuse-norway-northern-military-buildup-here-map-submarine-ports?fbclid=IwAR3sS0z82bCRSaQ7-DJ0C9fe3JGD5ED_1xLj9dr66N5R-SPNihynM4P5Ps.

Nilsen Thomas. Nuclear submarines inshore Norway 3 to 4 times monthly // The Barents Observer. 27 januar 2018. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/security/2018/01/nuclear-submarines-inshore-norway-3-4-times-monthly>.

Nilsen Thomas. Satellite images reveal Russian navy's massive rearmament on Kola Peninsula // The Barents Observer. 16 september 2018. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/node/4370>.

Nilssen Andrea S. Norges Russland-retorikk: fra brobygger til fiendebilder // Militære studier. 1(4). Oslo: Forsvarets stabsskole, 2015.

NKOM [Nasjonal kommunikasjonsmyndighet]. EKOM ROS 2018 — risikovurdering av ekomsektoren. Lillesand, 28 juni 2018. URL: https://www.nkom.no/aktuelt/nyheter/_attachment/35084?_ts=16440bf87bb.

Norberg Johan. Military Exercises and Russian Fighting Power 2009–2016 // *Heuser Beatrice, Heier Tormod, Lasconjarias Guillaume* (red.). Military Exercises: Political Messaging and Strategic Impact. Rome: Nato Defence College, 2018. S. 243–268.

Nordlys. US marines trener vinterkrig i Finnmark. Lederartikkel, 25 januar 2017.

Nordskog Hans Jørgen. Målvalg (targeting) og kommandokontroll: Norges innflytelse // *Sæveraas Torgeir E., Owesen Vidar Løw* (red.). Norsk luftmakt over Libya — suksess uten innflytelse? in: Luftkrigsskolens skriftserie. Nr. 27. Trondheim: Akademika forag, 2012. S. 103–110.

Norges kartverk. Areal for Norges sjoområder. 18 september 2018. URL: <https://www.kartverket.no/kunnskap/Fakta-om-Norge/Sjoarealer/Sjoomrader/>.

Norheim-Martinsen Per M. (red.). Det nye totalforsvaret. Oslo: Gyldendal, 2019.

NRK. Dagsnytt 18. Oslo, Marienlyst, 8 februar 2019. URL: <https://radio.nrk.no/serie/dagsnytt-atten/NMAG03002819/08-02-2019#t=16m24.28s>.

NRK. Nyhetslunsj // NRK.no. 23 april 2019. URL: <https://radio.nrk.no/serie/nyhetslunsj/NPUB33008019/23-04-2019#t=32m33.92s>.

NSM [Nasjonal sikkerhetsmyndighet]. Et sikkert digitalt Norge — IKT-risikobilde 2018. Oslo, 27 september 2018. URL: https://nsm.stat.no/globalassets/rapporter/nsm_ikt-risikobilde_2018_web.pdf.

NTB. Bombeflyet B-52 til storøvelse i Norge for første gang // Dagens Næringsliv. 25 mai 2017b. URL: <https://www.dn.no/nyheter/2017/05/25/0821/Luftfart/bombeflyet-b-52-til-storøvelse-i-norge-for-forste-gang>.

NTB. Riksrevisjonen: alvorlige mangler ved åpenhet i forvaltningen // Journalisten.no. 30 mai 2017a. URL: <https://journalisten.no/apenhet-riksrevisjonen-per-kristian-foss/riksrevisjonen-alvorlige-mangler-ved-apenhet-i-forvaltningen/280535>.

NTB. Solberg: Ønsker ikke krig mellom vesten og radikal islam // Webavisen.no. 5 september 2014b. URL: <https://e24.no/utenriks/solberg-ønsker-ikke-krig-mellom-vesten-og-radikal-islam/23288447>.

NTB. Solberg: Uaktuelt å delta i koalisjonsstyrke mot IS // Webavisen.no. 5 september 2014a.

NTB. Stoltenberg-regjeringen bruker 1 milliard på PR // Dagbladet.no. 26 november 2011.

Nye Joseph S. The future of power. New York: Public Affairs, 2011.

Obaide Thee Yezen Al. Trener Norge terrorister? // VG. 10 juli 2015. URL: <https://www.vg.no/nyheter/meninger/i/9RKBq/trener-norge-terrorister>.

Ofstad Ane, Øhrn Morten. Effektive materiellanskaffelser i Forsvaret — en studie av incentiver investeringsprosessen // FFI-rapport. № 00555. Kjeller: Forsvarets forskningsinstitutt, 2015. URL: <https://www.ffi.no/no/Rapporter/15-00555.pdf>.

Olsen Alf Ragnar. Full fart i russisk ubåtbygging til 20127 // Aldrimer.no. 2. februar 2018. URL: <https://www.aldrimer.no/full-fart-i-russisk-flateoppbygging/>.

Olsen John Andreas (red.). NATO and the North Atlantic: Revitalising Collective Defence // Whitehall Papers. № 87. London: RUSI, 2017.

Olsen Ketil. Status og utvikling i NATO — sett fra norske ståsted. Foredrag i Oslo militære samfund, 18 februar 2019. URL: <https://www.oslomilsamfund.no/foredrag-status-og-utvikling-i-nato-sett-fra-norsk-stated/>.

Olsson Svein Vestrup, Lothe Filip Alan. Erna Solberg: Propaganda fra Russland // NRK Urix. 20 februar 2017. URL: https://www.nrk.no/urix/erna-solberg_-propaganda-fra-russland-1.13384682.

Oma Ida Marie. Small states and burden-sharing in allied operations abroad. The case of Norway in ISAF // Doktorgradsavhandling. Oslo: Unipub, 2015.

Osborne Samuel. Israel becomes first country to use US-made F-35 stealth fighter in combat, before Americans // The independent online. 22 mai 2018. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/israel-f35-stealth-fighter-us-syria-iran-a8363676.html>.

Ottosen Rune. I journalistikkens grenseland. Journalistrollen mellom marked og idealer. Kristiansand: IJ-forlaget, 2004.

Ottosen Rune. Mediene må lære av sine feil i Libya-dekningen // *Heier Tormod, Ottosen Rune, Tvedt Terje* (red.). Libyakrigen. Et norsk trauma. Oslo: Cappelen Damm, 2019.

Pellerin Sheryl. Carter salutes Norway as strong indispensable security partner // DoD News. 9 september 2016. URL: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/939837/carter-salutes-norway-as-strong-indispensable-security-partner/>.

Petersen Jan et al. Evaluering av norsk deltakelse i Libyaoperasjonene i 2011. Rapport fra Libyautvalget. Oslo. 13 september 2018. URL: <https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/fd/dokumenter/rapporter-og-regelverk/libya-rapporten.pdf>.

Phillips James. Spain's Retreat after the Madrid Bombings Rewards Terrorism // The Heritage Foundation. 16 mars 2004. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/spains-retreat-after-the-madrid-bombings-rewards-terrorism>.

Podvig Pavel. Russia and the Prompt Global Strike Plan // Ponars Policy Memo. № 142. Stanford, Ca.: Stanford university, desember 2006. http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pm_0417.pdf.

Prestegård Sofie, Therkelsen Håvard. Ber Erna forklare seg om Syria // Dagsavisen. 4 september 2013. URL: <https://www.dagsavisen.no/innenriks/ber-erna-forklare-seg-om-syria-1.294923>.

PST [Politiets sikkerhetstjeneste]. Trusselvurdering 2019. Oslo, 15 februar 2019. URL: <https://pst.no/alle-arter/trusselvurderinger/trusselvurdering-2019/>.

Puolustusvoimat. Trident Juncture 2018 to be organised in October-November in Norway, Sweden and Finland. Finnish Defence Command. 27 april 2018. URL: https://puolustusvoimat.fi/en/article/-/asset_publisher/trident-juncture-2018-harjoitus-jarjestetaan-loka-marraskuussa-norjassa-ruotsissa-jasuomessa.

Rabås Kjerstin. Russland legger bevisst press på Norge som oljeleverandør // Adresseavisa.no. 1 november 2018.

Randen Astrid, Weiby Hans Erik. Norge trekker ut jagerflyene fra Libya // NRK.no. 7 mai 2011. URL: https://www.nrk.no/norge/_-trekker-ut-jagerflyene-fra-libya-1.7623866.

Regjeringen. Nordisk forsvarssamarbeid — NORDEFECO // Regjeringen.no. 29 januar 2018. URL: <https://www.regjeringen.no/no/tema/forsvar/internasjonale-operasjoner/nordisk-forsvarssamarbeid--nordefeco/id2350954/>.

Regjeringen. Norge er NATO i nord // Regjeringen.no. 23 mars 2018. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/norge-er-nato-i-nord/id2594872/>.

Regjeringen. Norway's contribution to the fight against ISIL. Redegjørelse i Stortinget. 15 november 2016a. URL: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/address-to-the-storting-on-15-november-on-norways-contribution-to-the-fight-against-isil/id2520398/>

- Regjeringen. Styrker kampen mot ISIL // Pressemelding. № 51. 2 mai 2016b. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/styrker-kampen-mot-isil/id2499086/>.
- Rein Torolf*. Norges forsvar i 1990-årene // Norsk Militært Tidsskrift. 161(1), 3–5.
- Renz Bettina*. Civil-Military Relations and the Security Apparatus // *Galeotti Mark* (red.). The Politics of Society in Modern Russia. London: Ashgate Publishing House, 2010. S. 51–68.
- Reuters. Swedish authorities hold crisis talks after suspected telecom sabotage. 20 mai 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-sweden-security-idUSKCN0YB0ZQ>.
- Rickli Jean-Marc*. European Small States' Military Policies After the Cold War: From Territorial to Niche Strategies // Cambridge Review of International Affairs. 21(3):307–325, 2008.
- Riksdagen. Samförståndsavtal om värdlandsstöd. Stockholm, 19 mai 2016. URL: <https://data.riksdagen.se/fil/CC7A890D-585C-4472-94F7-23AA9169A7E8>.
- Riksrevisjonen. Riksrevisjonens undersøkelse av arkivering og åpenhet i statlig forvaltning // Dokument 3–10 (2016–2017). Oslo. 30 mai 2017. URL: <https://www.riksrevisjonen.no/rapporter/Documents/2016-2017/ArkiveringStatligForvaltning.pdf>.
- Riksrevisjonen. Riksrevisjonens undersøkelse av oppfølging av objektsikring // Dokument 3–11 (2017–2018). Oslo. 29 mai 2017. URL: <https://www.riksrevisjonen.no/globalassets/rapporter/no-2017-2018/objektsikring.pdf>.
- Rislakki Jukka*. 'Without Mercy' — US Strategic Intelligence and Finland in the Cold War // The Journal of Military History. 79(1):127–149, 2005.
- Riste Olav, Moland Arnfinn*. «Strengt hemmelig». Norsk etterretningstjeneste 1945–1970. Oslo: Universitetsforlaget, 1997.
- Robertson George*. The Pursuit of Enhanced Defence Capabilities. Foredrag på The First Magazine Dinner. London, 24 januar 2002. URL: <https://www.nato.int/docu/speech/2002/s020124b.htm>.
- Robinson Piers*. Learning from the Chilcot report: Propaganda, deception and 'the War on Terror' // International Journal on Contemporary Iraqi Studies. 11 (1 og 2), 2017. URL: <http://eprints.whiterose.ac.uk/112107/13/s4.pdf>.
- Rones Nina*. Hærens ledersosialisering: eller tilpassing? // *Heier Tormod* (red.). Kompetanseforvaltning i Forsvaret. Oslo: Fagbokforlaget, 2017. S. 134–152.
- Ross Dennis*. A Strategy for Beating the Islamic State // Politico. 2 september 2014. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/a-strategy-for-beating-the-islamic-state>.
- Rostad Ida Louise*. Innfører totalt droneforbud under militærøvelse // NRK Finnmark. 27 februar 2017. URL: <https://www.nrk.no/finnmark/innfører-totalt-droneforbud-under-militaer-ovelse-1.13400139>.
- Rowe Lars*. Fornuft og følelser: Norge og Russland etter Krim // Nordisk Østforum. Vol. 32. 2018. S. 1–20.
- Ruggie J. G.* Multilateralism: The Anatomy of an Institution // *Kratochwil Friedrich, Mansfield Edward* (red.). International organization: a reader. New York, NY: HarperCollins College Publishers, 1994. S. 32–42.
- Røksund Arne*. Åpenhet og akademisk frihet i forsvarssektoren. Innlegg av departementsråden i Forsvarsdepartementet under seminaret 'Åpenhet og akademisk frihet', Institutt for forsvarsstudier. Oslo, 2 mai 2018.
- Sandnes Hans Ole*. Detachment Commander — det norske bidraget: en ubetinget suksess? // *Sæveraas Torgeir E., Owesen Vidar Løv* (red.). Norsk luftmakt over Libya — suksess uten innflytelse? in: Luftkrigsskolens skriftserie. № 27. Trondheim: Akademika forag, 2012. S. 111–118.
- Sandvik Siv, Magnus Anders, Kolberg Marit, Tjørholm Vegard*. Norge sender 120 soldater til Irak // NRK.no. 30 oktober 2014.
- Saul Heather*. President Obama claims rise of isis is 'unintended consequence' of George W. Bush's invasion in Iraq // The Independent Online. 18 mars 2015. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/president-obama-claims-rise-of-isis-is-unintended-consequence-of-george-w-bush-s-invasion-in-iraq-10115243.html>.
- Selnes Ø. G., Eikermann I. M., Amundsen I.* Endringer i trusselbildet // Strålevernrapport. № 10. Østerås, 13 september 2018. URL: <https://www.dsa.no/publikasjon/straalervernrapport-2018-10-endringer-i-trusselbildet.pdf>.
- Selznick Peter*. Lederskap. Oslo: Universitetsforlaget, 1957.
- Shurkin Michael, Gordon IV John, Frederick Bryan, Pernin Christopher*. Building Armies, Building Nations. Towards a New Approach to Security Force Assistance // RAND Report. Santa Monica, Ca.: Rand Corporations, 2017.
- Simon Herbert A.* Administrative Behaviour. 3. utg. New York: Basic Books, 1976.

Simpson Emile. War From the Ground Up. Twenty-First-Century Combat as Politics. London: Hurst & Company, 2012.

Skjelland Espen et al. Hvordan styrke forsvaret av Norge? // FFI-rapport. 19/00328. Kjeller: Forsvarets forskningsinstitutt, 2019. URL: <https://www.ffi.no/no/Rapporter/19-00328.pdf>.

Skogrand Kjetil, Tamnes Rolf. Fryktens likevekt. Atombomben, Norge og verden 1945–1970. Oslo: Universitetsforlaget, 2001.

Skogrand Kjetil. Allierte i krig og fred. Bind 4 // Norsk forsvarshistorie. 1940–1970. Bergen: Eide forlag, 2004.

Sloan Elinor. Military Transformation and Modern Warfare: A Reference Handbook. Westport, Connecticut: Praeger, 2008.

Smith Rupert. The Utility of Force. The Art of War in the Modern World. London: Penguin books, 2009.

Snedal Tom. Styret eller svekket? En studie av hvordan Afghanistan-oppdraget har påvirket det taktiske helikoptermiljøet i Luftforsvaret // Masteroppgave. Oslo: Forsvarets høyskole, 2013.

Snyder Glenn H. The security dilemma in alliance politics // World Politics. 36(4):461–495, 1984.

Solstrand Ragnvald H. Norsk krisehåndtering i fred // Norsk militært tidsskrift. 157(5):2–7, 1987.

Stai Atle, kommentar på seminaret «Åpenhet og akademisk frihet I forsvarssektoren». Institutt for forsvarsstudier. Oslo, 2 mai 2018.

Stanghelle Harald. Kampen om åpenhet // Aftenposten. 18 mai 2017. URL: <https://www.aftenposten.no/meninger/kommentar/i/dK8GA/Kampen-om-åpenhet--Harald-Stanghelle>.

Statsministerens kontor. Det norske styrkebidraget til bekjempelse av ISIL i Syria — notat om folkeretten. SMK, 2 mai 2016. URL: <https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/ud/vedlegg/folkerett/isil2.pdf>.

Stenerud Alexander Torkildsen. Flere kokker, hvor mye søl? En studie av forholdet mellom sentralforvaltningen og eksterne kommunikasjonsekspertene // Masteroppgave. Universitetet i Oslo, 23 mai 2013. URL: <https://prprat.files.wordpress.com/2013/09/masteroppgavealexanderstenerud.pdf>.

Stiberg Espen. Russian snap military exercise in March 2015; what implications did the exercise have? // Masteroppgave. Kansas: Fort Leavenworth, 2016.

Stoltenberg Jens. Derfor er Norge i Afghanistan // Aftenposten. 21 november 2007. URL: <https://www.aftenposten.no/meninger/debatt/i/bzAnl/Derfor-er-Norge-i-Afghanistan>.

Stoltenberg Jens. Pressekonferanse etter NATOs forsvarsministermøte. Brussel, 4 oktober 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_158705.htm?selectedLocale=en

Stormark Kjetil. Analysis: Sweden is under attack // Aldrimer.no. 20 mai 2016. URL: <https://www.aldrimer.no/analysis-sweden-is-under-attack/>.

Stormark Kjetil. Frykter krig uten forvarsel, vil bruke 1–2 uker på opplæring // Aldrimer.no. 18 april 2018. URL: <https://www.aldrimer.no/frykter-krig-uten-forvarsel-vil-bruke-1-2-uker-pa-opplaering/>.

Stortinget. Innstilling fra Forsvarskomiteen om forslag fra stortingsrepresentantene Rolf Ketil Bjørn og Paul Chaffey om å bekrefte Norges selvpålagte begrensninger i sikkerhetspolitikken. Oslo. 13 mars 1996. URL: <https://www.stortinget.no/no/Saker-og-publikasjoner/Publikasjoner/Innstillinger/Stortinget/1995-1996/inns-199596-151/?vl=0>.

Stortinget. Skriftlig spørsmål fra Liv Signe Navarsete (Sp) til forsvarsministeren // Stortinget.no. 12 mai 2017. URL: <https://www.stortinget.no/no/Saker-og-publikasjoner/Sporsmal/Skriftlige-sporsmal-og-svar/Skriftlig-sporsmal/?qid=68860>.

Stortinget. Vedlegg 1: Brev fra Forsvarsdepartementet v statsråden til forsvarskomiteen // Dokument nr: 8:30 (2005–2006). Om opprettelse av en forsvarskomisjon. Oslo. 4 mai 2006. URL: <https://www.stortinget.no/no/Saker-og-publikasjoner/Publikasjoner/Innstillinger/Stortinget/2005-2006/inns-200506-136/5/>.

Suhrke Astrid. When More Is Less. The International Project in Afghanistan. London: Hurst & Company, 2012.

Søreide Ine M. E. «Hovedinnlegg» i forbindelse med redegjørelse av utenriksministeren, forsvarsministeren og utviklingsministeren om utviklingen i Sahel og Norges deltakelse i FN-operasjonen MINUSMA. Stortinget, 14 juni 2013. URL: <https://www.stortinget.no/no/Saker-og-publikasjoner/Publikasjoner/Referater/Stortinget/2012-2013/130614/1#a4>.

Søreide Ine M. E. Et forsterket og fornyet forsvar for fremtiden — vanskelige valg og dilemmaer. Foredrag i Oslo militære samfund. 9 februar 2015. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/-et-forsterket-og-fornyet-forsvar-for-fremtiden--vanskelige-valg-og-dilemmaer/id2395220/>.

Søreide Ine M. E. Et åpnere forsvar — en mer bærekraftig forsvarspolitik. Foredrag i Oslo militære samfund. 6 januar 2014. URL: <https://www.oslomilsamfund.no/foredrag-et-apnere-forsvar-en-mer-baerekraftig-forsvarspolitik/>.

Tallaksen Simen, Lysberg Magnus. Krigsspill ved norskekysten // Klassekampen. 13 april 2019. URL: <https://www.klassekampen.no/article/20190413/ARTICLE/190419983>.

Tallaksen Simen, Lysberg Magnus. Russland skal prøveskyte missiler midt under NATO-øvelsen // Klassekampen. 30 oktober 2018. URL: <https://www.klassekampen.no/article/20181029/ARTICLE/181029964>.

Tallaksen Simen, Sørenes Kjell Magne. Kan ikke forsvare Norge // Klassekampen. 10 juli 2017. URL: <http://www.klassekampen.no/article/20170710/ARTICLE/170719998>.

Tamnes Rolf, Eriksen Knut Einar. Norge og NATO under den kalde krigen // *Prebensen Chris, Skarland Nils* (red.). NATO 50 år. Norsk sikkerhetspolitikk med NATO gjennom 50 år. Oslo: Den norske atlantehavskomite, 1999.

Tamnes Rolf. Integration and Screening. The Two Faces of Norwegian Alliance Policy, 1945–1986 // *Tamnes Rolf* (red.). Forsvarsstudier. № 6, 1987.

Tamnes Rolf. Oljealder. Bind 6 // Norsk utenrikspolitisk historie. Oslo: Universitetsforlaget, 1997.

Tamnes Rolf. The United States and the Cold War in the High North. Oslo: Ad Notam 1991).

The Local. Norway arctic exercises a provocation: Russia // *thelocal.no*. 18 mars 2015. URL: <https://www.thelocal.no/20150318/norway-arctic-exercise-a-provocation-russia>.

The White House. A US Strategy for the 21st Century. Washington D. C., desember 2000.

Thompson A. Channels of Power. New York: Cornell University Press, 2010.

Thorhallsson Baldur. Small States in the UN Security Council: Means of Influence? // *The Hague Journal of Diplomacy*. (7)2:135–160, 2012.

Thukydides. Den meliske dialogen // *Agora*. 24(4):5–11, 2006.

Trenin Dimitri. Russia Leaves the West // *Foreign Affairs* 85. № 4 (2006):87–96.

Trevithick Joseph. New Syria Strike Causes Earthquake As Israel Drops 'Intelligence Bombshell' About Iran // *The Warzone*. 30 april 2018. URL: <http://www.thedrive.com/the-war-zone/20531/new-syria-strikes-cause-earthquake-as-israel-drops-intelligence-bombshell-about-iran>.

Tsebelis George. Nested Games: Rational Choice in Corporative Politics. Berkeley, Ca.: University of California Press, 1990.

Tsygankov Andrei P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. Landham, MA.: Rowman & Littlefield, 2013.

Tvedt Terje. Libyakrigen og fraværet av etterpåklokskap // *Heier Tormod, Ottosen Rune, Tvedt Terje* (red.). Libyakrigen. Et norsk trauma. Oslo: Cappelen Damm, 2019.

UK Parliament. Written evidence submitted by John Andreas Olsen. Defence in the Arctic inquiry for Defence Sub-Committee. London, 24 april 2017a. URL: <https://www.parliament.uk/business/committees/committees-a-z/commons-select/defence-committee/defencesubcommittee/inquiries/parliament-2015/inquiry1/publications/>.

UK Parliament. Written evidence submitted by the Norwegian Embassy, London. Defence in the Arctic inquiry for Defence Sub-Committee. London, 25 april 2017b. URL: <https://www.parliament.uk/business/committees/committees-a-z/commons-select/defence-committee/defencesubcommittee/inquiries/parliament-2015/inquiry1/publications/>.

Ulfstein Geir. Vil norsk bombing i Syria være folkerettslig? Stortinget må ta en åpen debatt før en eventuell beslutning fattes // *Aftenposten*. 21 november 2015. URL: <https://www.aftenposten.no/meninger/debatt/i/bqQg/Vil-norsk-bombing-i-Syria-vare-folkerettslig--Geir-Ulfstein>.

US Army, Q&A with Admiral William H. McRaven // *Special Warfare*. 25(2). U.S. Army Special Warfare Center and School, North Carolina, 2012. URL: <http://www.soc.mil/swcs/swmag/archive/sw2502/SW2502QAAdmiralWilliamMcRaven.html>.

Vegstein Lars U. Larsen, Lysberg Magnus. En schizofren spagat // Klassekampen. 11 februar 2019. URL: <https://dagens.klassekampen.no/2019-02-11/en-schizofren-spagat>.

Vine David. Where in the World is the U.S. Military? // *Politico Magazine*. July/August 2015. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2015/06/us-military-bases-around-the-world-119321>.

Vold Eirik. Hemmelig møte: USA presset Norge til krigsdeltakelse // *Ny Tid*. 1 desember 2017. URL: <https://www.nytid.no/presset-norge-krigsdeltakelse/>.

Wahab Amal, Grasaas-Stavenes Eirik, Shanmugaratam Yohan. Norges milits kriger ot Assad // *Klassekampen*. 17 april, 2018.

Walt Stephen M. *The Origins of Alliances*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1987.

Waltz Kenneth N. *Theory of International Politics*. Long Grove, Illinois.: Waveland Press, 1979.

Weber Max. *Makt og byråkrati*. Oslo: Gyldendal norsk forlag, 1971.

Wilhelmsen Julie, Gjerde Kristian Lundby. Norway and Russia in the Arctic: New Cold War Contamination? // *Arctic Review*. 9(2), 2018. URL: <https://doi.org/10.23865/arctic.v9.1334>

Wohlforth W. Conclusion: A Small Middle Power // *Carvallo Benjamin de, Neumann Iver B.* (red.). *Small State Status Seeking. Norway's quest for international standing*. London: Routledge, 2015.

Woody Christopher. U.S. Navy Reactivating 2nd Fleet for Atlantic Amid Tension with Russia // *Nordic Businessinsider.com*. 16 november 2017. URL: <https://nordic.businessinsider.com/us-navy-reactivating-2nd-fleet-for-atlantic-amid-tensions-with-russia-2018-5?r=US&IR=T>.

Woolf Amy F. *Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues*. Congressional Research Service. Washington D. C., 8 januar 2019. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41464.pdf>.

Wormadal Bård. Slik kan Russland invadere Norge // *NRK Finnmark*. 24. november 2018. URL: <https://www.nrk.no/finnmark/slik-kan-russland-invadere-norge-1.14301311>.

Wormdal Bård. *Spionbasen. Den ukjente historien om CIA og NSA i Norge*. Oslo: Pax forlag, 2015.

Wæver Ole. *Securitization and Desecuritization* // *Lipschutz Ronnie D.* (red.). *On Security*. New York: Columbia University Press, 1995.

Yoho Keenan D., Blanc-Knowles Tess de, Borum Randy. The Global SOF Network: Posturing Special Operations Forces to Ensure Global Security in the 21st Century // *Journal of Strategic Security*. 7(2), 2013.

Østhaugen Andreas. Managing Conflict at Sea: The Case of Norway and Russia in the Svalbard Zone // *Arctic Review on Law and Politics*. 9(2). 2018. URL: <https://arcticreview.no/index.php/arctic/article/view/1084>.

Øyvind Østerud. Libya-krigen og utredningene i Storbritannia og Norge // *Heier Tormod, Ottosen Rune, Tvedt Terje* (red.). *Libyakrigen. Et nasjonalt traume*. Oslo: Cappelen Damm, 2019.

Åmås Knut et al. Det norske mediemangfoldet. En styrket mediepolitikk for borgerne // *NOU 2017:7*. Oslo, 7 mars 2017.

Åtland Kristian, Bruusgaard Kristin Ven. When Security Speech Acts Misfire: Russia and the Elektron Incident // *Security Dialogue*. 40(3):333–354, 2009.

Åtland Kristian. Norsk krisehåndtering og forholdet til Russland // *Heier Tormod, Kjølborg Andres* (red.). *Mellom fred og krig. Norsk militær krisehåndtering*. Oslo: Universitetsforlaget, 2013. S. 160–175.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к российскому изданию	5
Введение	8
Глава 1. Хороший союзник	14
<i>Издержки статуса «хороший союзник»</i>	20
<i>Перерасход и зависимость</i>	23
<i>Тяготы географического положения</i>	28
<i>Новая нормальная обстановка</i>	33
<i>Проблема</i>	36
<i>Структура книги</i>	40
Глава 2. Значение северных территорий	42
<i>Сила географического расположения</i>	46
<i>Игра коалиций</i>	53
<i>От буфера к трамплину</i>	60
<i>Трудное самопознание</i>	69
Глава 3. Лучшие в реформах НАТО	81
<i>Исчезнувшее пространство для манёвра</i>	82
<i>Путь к зависимости</i>	86
<i>Уязвимость в собственных рядах</i>	93
<i>«Политика приглашения»</i>	97
<i>Оборонительный и наступательный реализм</i>	101
<i>Последствия</i>	106
<i>Теоретический вывод</i>	113
Глава 4. Отношение к США	115
<i>Норвегия как стратегический фронт</i>	119
<i>Страх быть забытыми</i>	122
<i>Дилемма зависимости</i>	124
<i>Привязать США к НАТО</i>	128
<i>Сложный выбор</i>	132
<i>Парадокс</i>	137

Глава 5. Отношение к России	140
<i>Дилемма безопасности</i>	141
<i>Парадокс</i>	145
<i>Бесполезное сдерживание</i>	147
<i>Взаимный страх</i>	156
<i>Дилемма эскалации</i>	161
<i>Поворот к наступательной стратегии?</i>	166
Глава 6. Заграница как арена для обеспечения национальной безопасности	170
<i>Секретная кухня государственного управления</i>	173
<i>Открытые и закрытые стратегии</i>	179
<i>Собственная динамика войны</i>	184
<i>Местные, региональные</i> <i>и глобальные линии конфликтов</i>	188
Местный уровень	189
Региональный уровень	194
Глобальный уровень	196
<i>Полезный вклад в обеспечение мира?</i>	200
<i>Разведка и спецназ</i>	206
Глава 7. Больше секретности, меньше гласности?	216
<i>Скрытая проблема гласности</i>	217
<i>Информирование общества и демократический контроль</i>	225
<i>Строитель отношений или швейцар?</i>	229
<i>Нарушение исторических моделей</i>	232
<i>Групповое мышление</i>	236
Глава 8. Стала ли Норвегия более опасной?	239
<i>США и дилемма зависимости</i>	241
<i>Россия и дилемма безопасности</i>	245
<i>Вооружённые силы и дилемма эскалации</i>	248
<i>Противоречащие фактам оценки</i>	249
<i>Новое норвежское мышление в вопросах безопасности</i>	253
Литература	255

Турмуд Хейер
Норвегия между США и Россией

Перевод с норв. яз. *А. С. Евсеевой*

Редактор *К. А. Залесский*
Художественное оформление
и компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *В. В. Версиянова*

ООО Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 420
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 21.08.2020.
Формат 125×200 мм.
Усл. печ. л. 17.
Тираж 400 экз.

ISBN 978-5-907171-27-5

Турмуд Хейер

НОРВЕГИЯ МЕЖДУ США И РОССИЕЙ

«В течение многих лет мы говорили, что подлинная безопасность в Европе может стать реальностью только в том случае, если НАТО и Россия объединят свои усилия и будут работать вместе».

— Хьелль Магне Бундевик, премьер-министр Норвегии в 1997–2000, 2001–2005 гг.

«Мы тренируемся в мирное время, чтобы наши силы могли выступить совместно в случае кризиса и конфликта».

— Йенс Столтенберг, премьер-министр Норвегии в 2000–2001 гг., 2005–2013 гг., генеральный секретарь НАТО с 2014 г.

«Если Россия пойдёт на конфликт с Западом, то Норвегия окажется у неё на пути».

— Эрна Сульберг,
премьер-министр Норвегии с 2013 г.

«Норвегия не может реально надеяться защитить себя самостоятельно, поэтому наше членство в НАТО является краеугольным камнем нашей безопасности. Быть ответственным и заслуживающим доверия союзником очень важно для нас».

— Франк Бакке-Йенсен,
министр обороны Норвегии с 2017 г.

«Наша безопасность зависит от политической сплочённости и наличия сил быстрого реагирования».

— Ине Мари Эриксен Сёрейде,
министр обороны в 2013–2017 гг.
и иностранных дел Норвегии с 2017 г.

